

ЧЭН-ЭНЬ У

ПУТЕШЕСТВИЕ НА
ЗАПАД. ТОМ 4

Китайская классическая литература

ЧЭН-ЭНЬ У

Путешествие на Запад. Том 4

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

У Ч.

Путешествие на Запад. Том 4 / Ч. У — «ЭННЕАГОН ПРЕСС»,
— (Китайская классическая литература)

ISBN 978-5-91051-020-7

Этот роман - жемчужина китайской классической прозы. Он написан более трехсот лет назад и стал неотъемлемой частью мировой культуры. Историческое ядро сюжета - путешествие буддийского монаха Сюань-цзана в Индию за священными сутрами. Реальное путешествие удивительно переплетается с фантастическими подробностями. Оригинальные сюжетные ходы, схватки с демонами и оборотнями окрашены юмором, который придает повествованию особую легкость. Образ одного из героев повествования. Сунь У-куна - Царя обезьян, - занял прочное место в современной массовой культуре. Путешествие буддийского монаха и его друзей продолжается в мультфильмах и мюзиклах. У Чэнь-энь создал роман, которым будут зачитываться многие поколения читателей. Роман в 4-х книгах.

ISBN 978-5-91051-020-7

© У Ч.

© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

Глава семьдесят пятая,	5
Глава семьдесят шестая,	23
Глава семьдесят седьмая,	37
Глава семьдесят восьмая,	52
Глава семьдесят девятая,	69
Глава восемьдесятая,	86
Глава восемьдесят первая,	104
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Путешествие на Запад. Том 4

Глава семьдесят пятая, *повествующая о том, как смышленная обезьяна пробуравила вазу, содержащую женское и мужское начала, и как главарь демонов вновь вступил на путь Истины*

Итак, Великий Мудрец Сунь У-кун подошел к входу в пещеру и заглянул в нее. И он увидел, что:

На дне пещеры груды черепов
Пугали дырами глазниц незрячих,
Мерцанием оскаленных зубов;
Костей там было, что деревьев в чаще,
Шел от гниющих трупов дух смердящий,
Вздымавшийся до самых облаков.
Людские волосы, как войлок настоящий,
Свились в непроницаемый покров;
Качались остовы, и свет лился мертвящий
От обнаженных белых костяков.
Забравшийся в пещеру, по колению
Увяз бы в жиже мерзостного тлена,
Запутался б среди связок и мотков
Жил, вытянутых из людей, безвинно убиенных...
Там горы трупов и кровавые моря;
В котлах, на сковородках необъятных
Людское мясо жарят бесенята;
Летит зловещий дым, костры трещат, горя,
Хохочут демоны, живых людей моря,
Безжалостно кромсая плоть живую,
Ее с костей соскабливая и свежую.
Помимо обезьяньего царя,
Кто б мог отвагу обрести такую,
Чтоб добровольно в этот ад сойти? —
Подобного ему героя не найти!¹

Однако, пробравшись за вторые ворота, Сунь У-кун так и ахнул, там все было по-иному: удивительная чистота и тишина поразили его. Его взору открылись замечательные красоты и широчайшие просторы. По обеим сторонам расстилались роскошные луга с диковинными цветами, вдаль уходили стройные ряды высоких сосен и изумрудно-зеленых бамбуков. Пройдя несколько ли, Сунь У-кун подошел к третьим воротам и юркнул в них. Тут он увидел трех демо-

¹ В главе семьдесят пятой стихи в обработке А. Эфрон.

нов, восседавших на возвышении, очень лютых и свирепых. Особенно страшным ему показался средний:

Клыки – что долото, а зубы – что пила,
Квадратный лик, а голова кругла,
Разящий взгляд – что молнии стрела.
Огромный, вздернутый, широкий нос
Среди лица торчит, словно утес,
Рокочет голос громом дальних гроз.
Широк разлет его бровей густых,
Как лисий хвост червонно-огневых,
Заря свой отсвет затеряла в них;
Одним движением он повергает в страх
Зверей, над коими царит в лесах,
Когда ж сидит, суров и недвижим,
Все демоны трепещут перед ним;
«Льва черного» он гордо носит имя
Меж подданными верными своими.

По левую сторону от него сидел второй демон:

Золотистые, как у феникса, глаза его
Были ясные и лучистые, пылали заревом.
Лоб покатый его бороздился морщинами,
Было нескладным туловище его длинное.
Нежен был голосок, как журчанье ручья прохладного,
Ликом же был он похож на дьявола бычьеголавого.
Волосы серебристые росли из носа его,
Словно хвост лошадиный, висели космами.
Ими он прикрывал страшную пасть зубастую,
Пряча угрозу ее и совершенствуясь нравственно.
Старым клыкастым тапиром долгие годы звался он.

А теперь послушайте, как выглядел демон, сидевший с правой стороны:

На длинной шее грифа голова,
И за плечами крылья золотые.
Взгляд, как у барса, а зрачки большие
Горят, как две звезды, как солнца два.
Трепещет Север, теплый Юг дрожит,
Столь демон сей силен, хитер, отважен!
Не только людям – он драконам страшен,
Когда спокойно в воздухе парит.
Когда в полете он, трясутся в страхе птицы,
Ведь каждая из них его когтей боится.
Летает он за сотню тысяч ли —
Недаром Кондором его великим нарекли!

Перед демонами по обеим сторонам выстроилось в ряд свыше сотни больших и малых бесов, видимо, главарей. Все они были в боевых доспехах и шлемах. Их грозный вид внушал ужас, все они были преисполнены жажды крови.

При виде такого зрелища Сунь У-кун пришел в неописуемую радость. Не испытывая ни малейшего страха, он большими шагами вошел в ворота, снял с себя колотушку с колокольцами и, приблизившись к демонам, приветствовал их возгласом:

– О великие князья!

Демоны усмехнулись.

– Никак это ты, разведчик, вернулся? – спросил старший.

– Да, я.

– Ну как? Когда обходил гору дозором, узнал, куда делся Сунь У-кун?

– О великие князья, – изобразив испуг, ответил Сунь У-кун. – Даже при вас мне страшно рассказывать...

– Чего ж ты боишься? – удивился старший демон.

– Получив ваше повеление, я тотчас отправился в дозор, – принялся сочинять Сунь У-кун. – Иду себе, как полагается, стучу в колотушку и позваниваю колокольцами, вдруг поднимаю голову и вижу великана, который сидит на корточках и точит железный брус. Я было принял его за духа Хранителя дорог. Если бы он поднялся, то наверняка оказался бы в десять чжан ростом. Сидел он у камня на берегу горного ручья. Обольет камень пригоршней воды, поточит брус, что-то пробормочет и опять сначала. Стал я прислушиваться. Оказывается, он сетовал, что брус не проявил своей чудодейственной силы, что надо наточить его до блеска, а тогда можно будет явиться сюда и... побить вас, великие князья. Тут я смекнул, что это и есть Сунь У-кун, а потому и прибыл доложить вам.

Старший демон, выслушав Сунь У-куна, задрожал от страха и покрылся холодным потом.

– Братцы, – проговорил он, – не будем лучше трогать Танского монаха. Ученик его обладает необыкновенными чарами. Он уже заранее готовит козни против нас. Вот отточит он свой волшебный посох и примется бить нас, что тогда будет?!

И он тут же отдал распоряжение:

– Меньшие братья наши! Велите всем подчиненным бесам и бесенятам собраться в пещерах, а ворота все запереть наглухо. Пусть Танский монах идет своей дорогой.

Один из старшин бесовских отрядов, уже знавший о том, что произошло перед воротами, доложил старшему демону:

– О великий князь! Все бесенята разбежались куда глаза глядят...

– Как разбежались? – возмутился старший демон. – Видно, и они беду почуяли! Ну, живо! Запирайте ворота быстрее!

Бесы гурьбой бросились исполнять приказание и заперли на засовы все ворота.

Сунь У-кун не на шутку встревожился: «Ну, вот! Ворота заперли, а теперь примутся за меня. Начнут расспрашивать да еще о домашних делах, а я и не знаю, что отвечать. Выдам себя с головой и окажусь в их лапах. Дай-ка попугаю их еще, лишь бы они ворота оставили открытыми, тогда можно будет сбежать!»

Он выступил вперед и, обращаясь к демонам, заговорил серьезным тоном:

– Великие князья! Послушайте, что еще сказал Сунь У-кун. От этого никому из нас не поздоровится.

– Что же он сказал? – нетерпеливо спросил старший демон.

– Он сказал, что собирается с тебя, старший князь, содрать шкуру, второму князю переломать кости, а у третьего вытянуть жилы. Если мы запрем ворота и останемся здесь, не миновать нам беды. Сунь У-кун может превратиться в муху, проникнет сюда через щель в воротах и захватит нас всех. Что тогда будет?!

Старший демон задумался.

– Будем начеку, братцы! – промолвил он наконец. – Вы ведь знаете, что в наших пещерах мухи не водятся. Если заметите муху, то знайте, что это Сунь У-кун.

Сунь У-кун при этих словах усмехнулся про себя и подумал: «Обращусь-ка в мушку да напугаю их как следует! Может, они и в самом деле откроют ворота?»

Он шмыгнул в сторону, вырвал у себя шерстинку из затылка, дунул на нее и прошептал: «Изменись!» Шерстинка сразу же превратилась в золотую мушку, которая полетела прямо на старшего демона и стукнулась об его лицо. Демон оторопел и в ужасе закричал:

– Братцы! Дело дрянь! Словечко о мухе оказалось заветным! Пролезла-таки, проклятая, через ворота!

Все бесы пришли в полное замешательство: одни хватались за метлы и веники, другие – за мухогонки и, сбивая друг друга с ног, ловили мушку.

Сунь У-кун не удержался и хихикнул. А смеяться ему не следовало: при смехе его лицо принимало первоначальный облик. Так случилось и теперь. Третий демон успел заметить перемену в лице Сунь У-куна и подскочил к нему.

– Братцы! Вот он, обманщик! – закричал демон, изо всех сил вцепившись в него. – Чуть было не провел нас.

– Ну и умен же ты! – насмешливо перебил демона самый старший. – Кто кого обманывает?

– Да вот этот самый, кто наговорил здесь с три короба, – ответил третий демон, не выпуская Сунь У-куна. – Он вовсе не дозорный, а самый что ни на есть настоящий Сунь У-кун. Убежден, что он повстречался с нашим дозорным, прикончил его, принял его облик и явился сюда морочить нам голову.

Сунь У-кун опешил. «Узнал меня!» – промелькнуло у него в голове. Ломая руки, он с мольбой обратился к демонам:

– Как может статься, что я Сунь У-кун? Я же дозорный! Великий князь! Он обознался...

Старший демон рассмеялся:

– Братец! Он и впрямь дозорный. На переключках, что бывают у нас по три раза на дню, я его хорошо приметил: он всегда торчал у меня перед глазами.

Обратившись к Сунь У-куну, он спросил:

– Есть у тебя табличка, удостоверяющая твою личность?

– Есть, – отвечал Сунь У-кун и, подняв полу камзола, достал табличку, привязанную к поясу.

Убедившись в том, что табличка не поддельная, старый демон совершенно успокоился:

– Братец! Отпусти его и не обижай больше!

Но третий демон не унимался.

– Брат мой! Ты не заметил, что с ним произошло, когда он отвернулся в сторону и засмеялся, – с досадой сказал он. – Я сразу же узнал его по морде, точь-в-точь такая же, как у бога Грома. Когда я его схватил, он снова принял вид дозорного.

С этими словами демон кликнул слуг и велел им принести веревку. Затем он повалил Сунь У-куна наземь, крепко скрутил ему руки и ноги, сорвал с него одежду, и все убедились, что это обезьяна.

Вы ведь помните, что Сунь У-кун обладал способностью совершать семьдесят два превращения. Он мог принимать вид пернатых, четвероногих, насекомых, мог превращаться в цветы, растения, в посуду, утварь, причем в таких случаях от его тела не оставалось ни малейшего следа. Но когда он превращался в человекообразные существа, у него изменялись лишь лицо и голова, а туловище оставалось прежним, покрытым густой желтой шерстью, с ярко-красными ягодицами и с хвостом сзади.

– Да, туловище у него точь-в-точь такое же, как у Сунь У-куна, – промолвил старый демон, разглядывая связанного, – но лицом он вылитый дозорный.

Повернувшись к слугам, он приказал:

– Ребятки! Прежде всего приготовьте вино и закуски. Надо поднести чарку нашему третьему князю за его великую заслугу. Теперь можно не сомневаться в том, что нам удастся полакомиться мясом Танского монаха, раз уж сам Сунь У-кун попался и лежит у наших ног.

Третий демон, однако, перебил его.

– Пока не будем угощаться вином, – сказал он. – Сунь У-кун очень увертлив и к тому же владеет способом избавления от пут. Боюсь, как бы он не удрал. Прикажи слугам притащить сюда большую вазу. Мы упрячем в нее Сунь У-куна, а уж потом попируем на славу.

Старый демон громко расхохотался:

– Вот это дело! Правильно!

Он тотчас же отрядил тридцать шесть бесенят, которым велел войти во внутренние покои, открыть кладовую и принести оттуда огромную вазу.

Хотите знать, какой величины была эта ваза? В высоту она была в два чи и четыре цуня. А зачем нужно было посылать тридцать шесть бесенят, чтоб притащить ее? А затем, что ваза эта была не простая. Она была сокровищницей, в которой хранились два великих начала природы: женское и мужское. Внутри вазы находилось семь драгоценностей из разных сплавов, восемь гадательных триграмм да еще двадцать четыре эфира – соответственно всем временам года. А тридцать шесть бесенят нужны были для того, чтобы создать соответствие с числом звезд в созвездиях Зодиака, иначе эту вазу нельзя было бы даже сдвинуть с места.

Вскоре ваза была внесена и установлена за третьими воротами. Ее очистили от пыли, сняли крышку, затем развязали Сунь У-куна, раздели его догола и втолкнули головой в вазу. Струя волшебного воздуха со свистом всосала Сунь У-куна вовнутрь. Вазу плотно закрыли крышкой и опечатали, после чего все отправились пировать.

– Ну, мартышка, – говорили бесы, – наконец-то ты попала в драгоценную вазу. Не придется тебе больше путешествовать на Запад, и не думай об этом. Если и сможешь еще раз отправиться к Будде за священными книгами, то не иначе как зародившись в чьей-либо утробе и снова пережив свое младенчество.

Вы бы видели, с каким ликованием толпа бесов, больших и малых, принялась праздновать победу, но об этом рассказывать не стоит.

Между тем Сунь У-кун, оказавшись внутри вазы, уменьшился настолько, что удобно уселся на дне ее, – все благодаря своей способности превращаться. Прошло довольно много времени, и он почувствовал, что внутри вазы стало сыро и прохладно. Сунь У-кун беззвучно рассмеялся.

– Ну и бесы! – проговорил он. – На вид такие важные, а на самом деле пустомели. Вздумали страшать, будто всякий, кто попадет в эту вазу, через часок, а то и меньше, обязательно растворится и станет зловонной жижей?.. Здесь настолько прохладно, что можно годами сидеть в ней и ничего подобного не случится...

Увы, Великий Мудрец Сунь У-кун, очевидно, не знал секрета этой вазы. Если бы человек, заключенный в нее, просидел молча пусть даже целый год, целый год там было бы прохладно, но при первом же звуке человеческой речи в ней появлялся огонь, который сжигал человека. Не успел Сунь У-кун договорить до конца, как пламя заполнило всю вазу. К счастью, Сунь У-кун, мастер на все руки, прочел заклинание от огня, прищелкнул пальцами и спокойно оставался на своем месте, не проявляя ни малейшего чувства страха. Он перенес огненную бурю, продолжавшуюся примерно с полчаса, после чего вдруг заметил, что со всех сторон его окружают откуда-то появившиеся змеи. Их было штук сорок. Все они принялись жалить его. Сунь У-кун завертел руками, словно колесом, навертел на них змей и, поднатужившись, разорвал их всех пополам, получилось восемьдесят половинок.

Прошло еще немного времени, и вдруг, откуда ни возьмись, появилось три огненных дракона, которые стали обвивать Сунь У-куна с головы до ног и начали кружить его с такой силой, что он не мог устоять и стал терять сознание.

– Все могу одолеть, но с этими драконами мне будет трудно справиться, – горестно воскликнул он. «Если я не избавлюсь от них сейчас же, то очень скоро они сожгут мне сердце своим огненным дыханием! Как же быть?» – подумал он. Тут он смекнул: «Дай-ка я увеличусь и раздавлю их!»

Молодец Сунь У-кун! Он прищелкнул пальцами, прочел заклинание и воскликнул: «Изменись!» – после чего сразу же вырос на целый чжан. Стенки вазы тоже раздвинулись. Тогда он разом уменьшился, но и ваза соответственно уменьшилась.

– Вот те на! – встревожился Сунь У-кун. – Я увеличиваюсь – и ваза тоже, я уменьшаюсь – и она тоже! Что делать?

Тут он вдруг почувствовал боль в ступнях ног и пощупал их руками. Оказалось, что от огня они уже начали размягчаться. Вне себя от волнения он воскликнул:

– Как мне быть? Ступни стали мякнуть! Видно, придется мне стать калеккой!

Он не выдержал, и слезы хлынули из его глаз. И, как всегда в минуты крайней опасности, подвергаясь мучениям и страданиям, Сунь У-кун обратился мыслями к своему наставнику.

– О мой наставник! – воскликнул он. – В том году, когда я вступил на путь истинного учения Будды, бодисатва Гуаньинь убедила меня творить добро и избавила от небесной кары. Потом, перенося тяжкие страдания, я провел тебя через многие горы. Я справлялся в пути со всякими дьяволами-оборотнями, покорил Чжу Ба-цзе и переманил на нашу сторону Ша-сэна. Вместе с ними мы продолжали наш путь на Запад, преодолевая тысячи невзгод, в надежде достигнуть обители Будды и завершить полное перерождение. Мог ли я ожидать, что попадусь в лапы этим гнусным дьяволам? А все моя неосторожность, за которую я могу поплатиться жизнью. Тебя, мой наставник, я оставил в горах, на перепутье, и ты не сможешь продолжать свой путь! Должно быть, я попал в такую беду за мои прежние проделки.

Продолжая сокрушаться, Сунь У-кун вдруг вспомнил:

– Целы ли у меня те три спасительных волоска, которые я получил в подарок от бодисатвы Гуаньинь на горе Свернувшаяся змея? Надо поискать их!

Он стал шарить рукой по телу и, наконец, нащупал на затылке три волоска, очень жестких и колючих.

– Какая у меня мягкая и приятная шерсть, – обрадовался он, – и только эти три волоска колются, как острия копий. Уверен, что они-то и спасут мне жизнь!

Стиснув зубы от боли, он выдернул три волоска, дунул на них своим волшебным дыханием и произнес: «Превращайтесь!» Один из волосков сразу же превратился в алмаз, другой – в бамбуковую пластинку, а третий – в шелковый шнурок. Стянув концы пластинки шнурком наподобие лука и приспособив алмаз в виде сверла к тетиве этой самодельной дрели, Сунь У-кун начал сверлить стенку вазы снизу у самого дна. Едва успел он просверлить маленькую дырочку, как через нее сразу же проник свет.

– О счастье! Вот удача! – ликовал Сунь У-кун, не помня себя от радости. – Ну, теперь то я выберусь отсюда!

Только было собрался он вылезти, как вдруг внутри вазы опять стало прохладно. Как бы вы думали, почему? Дело в том, что волшебный воздух, в котором содержались женское и мужское начала, успел улетучиться через дырочку.

Молодец Сунь У-кун! Водворив на место три волоска, он стал уменьшаться и превратился в личинку цикады, очень легкую и проворную, тоненькую, длиною с бровинку, и благополучно вылез через дырочку. Но он еще и не думал бежать. Распустив крылышки, он полетел к старому демону и уселся на макушке его головы. В это время демон пил вино. Он резко поставил чарку на стол и громко воскликнул:

– Ну как, братцы? Сунь У-кун, пожалуй, уже растворился?

Братья-демоны рассмеялись:

– Неужели он до сих пор еще жив?

Старый демон тотчас распорядился притащить вазу. Тридцать шесть бесенят бросились за вазой и были поражены, что она стала намного легче.

– Великий князь, – доложили они, – ваза-то полегчала!

– Вздор! – прикрикнул на них старый дьявол. – Как может она полегчать, когда в ней действует животворный воздух!

Среди бесенят нашелся, однако, упрямец, который приподнял вазу и воскликнул:

– Гляди, разве не видишь, насколько она стала легче?

Старый демон сорвал крышку с вазы, заглянул в нее и, увидев, что она просвечивает, от ужаса даже лишился голоса.

– В вазе, – прохрипел он, путая слова, – пустота высвободилась!

Великий Мудрец, сидевший у дьявола на голове, не удержался и воскликнул:

– Сыночек! – и, так же путая слова, добавил: – Поимка удрала!

Приближенные, подхватив последнее слово, закричали:

– Удрала! Удрала!

Тотчас последовал приказ закрыть ворота.

Тем временем Сунь У-кун встряхнулся, и сорванная с него одежда вновь оказалась на нем. Он принял прежний облик дозорного, успел выбежать за ворота и, обернувшись, выругался:

– Отныне не будешь у меня нахальничать, дьявольское семя! Ваза твоя продырявлена, и больше ты не сможешь мучить в ней людей! Теперь она годится разве только для нужника.

Шумно выражая свою радость, Сунь У-кун ловко вскочил на край облака и помчался прямо к тому месту, где оставил Танского монаха.

Как раз в это время монах совершал молитву и подбрасывал в воздух щепотки пыли вместо ладана.

Сунь У-кун задержал облако и стал вслушиваться в слова молитвы Танского монаха, который, сложив руки ладонями вместе и обратив лицо к небу, взывал:

– О праведные небожители, обитающие в заоблачных высотах, небесные духи, посланцы четных и нечетных счастливых дней, а также все божества и духи небес! Молю вас оградите от напасти моего мудрого ученика Сунь У-куна! Ваша божественная прозорливость неизмерима, а чудодейственная сила великого учения безгранична!

Эти слова молитвы вызвали у Сунь У-куна еще больший прилив рвения быть полезным наставнику. Он приблизился и, сойдя с облака, предстал перед Танским монахом!

– Вот и я! – воскликнул он.

Танский монах заключил его в объятия.

– О Сунь У-кун! – проговорил он. – Ты, верно, очень далеко ходил, разведывая эту гору, и потому так долго не возвращался. Должно быть, тебе пришлось перенести немало всяких злоключений. Я очень беспокоился. Ну, расскажи, какие напасти ждут нас в этих горах?

– Дорогой наставник! – с усмешкой отвечал Сунь У-кун. – На этот раз мне, непутевому, удалось, во-первых, узнать, что всех живущих в восточных землях ожидает счастливая судьба, во-вторых, твои добродетели оказались безграничными, а в-третьих, благодаря своему волшебству... – И он принялся подробно рассказывать о том, как превратился в дозорного бесенка, как затем был заключен в чудесную вазу и как выбрался из нее. Он закончил свой рассказ возгласом: – А то, что я опять сподобился лицезреть тебя, досточтимый наставник мой, означает, что меня действительно, как говорится, смерть не берет!

Танский монах принялся благодарить Сунь У-куна как только мог, а затем спросил его:

– Не пришлось ли тебе сразиться с дьяволами-оборотнями?

– Нет, – отвечал Сунь У-кун.

– Как же ты можешь поручиться, что я благополучно переправлюсь через эту гору?

Сунь У-кун, всегда отличавшийся задором, с жаром возразил:

– А почему бы мне не поручиться?

– Но ведь ты не мерился силами с этими дьяволами, – продолжал сомневаться Танский монах. – Неизвестно, кто окажется победителем. А пока это неизвестно, как могу я отважиться на дальнейший путь?

Великий Мудрец рассмеялся:

– Наставник! Чересчур уж ты несведущ в превращениях. Напомню тебе пословицу: «Из одной шелковинки нитку не спрясть, одной ладонью не захлопать». В горах обитают три главных демона, а у них в подчинении множество бесов и бесенят. Как мог я один вступить с ними в бой?

На это Танский монах заметил:

– «Один в поле не воин». Конечно, тебе одному трудно было справиться с ними. Однако твои спутники, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, тоже владеют чарами. Пусть они идут вместе с тобой. Всем вам общими усилиями легче будет расчистить путь через горы.

Глубоко вздохнув, Сунь У-кун ответил:

– Ты совершенно прав, наставник! Пусть Ша-сэн будет неотлучно при тебе, готовый охранять тебя в любую минуту, а Чжу Ба-цзе вели следовать за мной.

Дурень испугался:

– Братец ты мой, что с тобой? Ослеп, что ли? Ты погляди на меня, на что я годеи! Ведь у меня нет никаких способностей, и я буду служить тебе одной лишь помехой. Какая тебе от меня польза?

– Не беспокойся, – ответил Сунь У-кун, – хоть у тебя и нет особых талантов, но все же тебя нельзя считать пустым местом. В народе говорят: «Пустишь ветры, усилишь ветер». С тобой я буду чувствовать себя храбрее.

– Ну ладно, – ответил Чжу Ба-цзе, – так и быть, только ты не оставляй меня одного и обещаешь выручить меня, когда случится беда.

Танский монах прервал его:

– Сам будь осторожен. А я останусь здесь с Ша-сэном.

Чжу Ба-цзе приободрился и вместе с Сунь У-куном, воспользовавшись порывом ветра, вскочил на облако, которое доставило их на самую вершину горы. Они быстро добрались до пещеры.

Еще издали они увидели, что ворота в пещеру плотно заперты и кругом ни души. Сунь У-кун подошел к входу, держа наготове железный посох, и зычным голосом крикнул:

– Эй, бесы! Отворяйте ворота! Выходите скорей! Я, старый Сунь У-кун, хочу сразиться с вами!

Бесенята бросились к старому демону с докладом. Тот, дрожа всем телом от страха, твердил:

– Недаром говорят, что обезьяны очень злы. Теперь и мне пришлось убедиться в этом.

Находившийся рядом второй демон спросил:

– Братец, что ты хочешь этим сказать?

Старый демон ответил:

– Ты же знаешь, как Сунь У-кун превратился в дозорного, проник к нам в пещеру, и мы не могли распознать его. К счастью, его распознал третий брат, и мы посадили негодяя в вазу. Но он прибег к волшебству, просверлил вазу, забрал одежду и удрал. Теперь он снова кричит у ворот и вызывает нас на бой. Кто же из вас осмелится первым выйти ему навстречу?

Наступило молчание. Демон снова спросил, и опять никто не ответил. Казалось, все оглохло и онемело.

Старый демон разгневался и заорал:

– Мы находимся на большой дороге, которая ведет в Западную страну. В этой стране распространили о нас дурную славу. Если мы теперь, в ответ на оскорбления Сунь У-куна, не выйдем сразиться с ним, то покроем себя позором. Пусть я стар, но я первым вступлю с ним в бой. Ничего, на третьей схватке я его одолею, и Танский монах достанется нам. Если же я потерплю поражение, мы закроем ворота, и пусть он уберется от нас подальше.

С этими словами демон облачился в военные доспехи, подпоясался и вышел.

О, что за чудовище увидели перед собой Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе!

Железнолоб и медноглаз, он в шлеме был стальном,
Высокий, радужный султан сиял на шлеме том,
Густые пряди бороды так по ветру вились,
Как будто темных две реки со щек его лились.
Продолговатые глаза сверкали, горячи,
Из-под нависших туч бровей, как молнии в ночи.
И ровный ряд его зубов и ряд кривых когтей
Казались зубчиков пилы отточенной острей.
Он был в доспехах боевых, и панцирь золотой
Стан крепкий плотно облегал поверхностью литой.
Шнурок, сплетенный в три жгута из барса крепких жил,
Все облаченье украшал и поясом служил.
В руках держал он свой стальной, свой смертоносный меч,
Из ножен вынутый для новых подвигов и сеч.
Казался демон храбрецом, каких уж больше нет;
Громоподобно крикнул он: «Кто там стучит чуть свет?»

Великий Мудрец Сунь У-кун повернулся к нему и сказал:

– Это я, твой властелин, Сунь У-кун, прозванный Великим Мудрецом, равным небу!

Демон рассмеялся:

– Это ты, Сунь У-кун? Ну и храбрая же ты мартышка! Я ведь тебя не трогал, чего же ради ты явился сюда и вызываешь меня на бой?

Сун У-кун ответил:

– В пословице сказано: «Волны поднимаются, когда дует ветер, когда нет прибоя, вода спокойна». Разве искал бы я встречи с тобой, если бы ты не задел меня? Только потому, что ты и вся твоя шайка оборотней собрались вместе в расчете полакомиться моим наставником, я и явился сюда разделаться с вами.

– Ишь ты, забияка! – удивился старший демон. – Уж не собираешься ли ты вступить в драку со мной, подняв такой крик у моих ворот?

– Совершенно верно! – задорно ответил Сунь У-кун.

– Перестань бахвалиться! – надменно произнес демон. – Если я напущу на тебя свое бесовское войско и оно вступит с тобою в бой по всем правилам военного искусства, действуя по сигналам флагов и барабанов, то все станут говорить, что я, словно тигр в своем логове, обидел тебя, бедняжку. Давай-ка лучше вступим в бой один на один, чур не звать никого на подмогу!

Сунь У-кун согласился.

– Чжу Ба-цзе, – позвал он, – отойди-ка в сторонку. Посмотрим, как он справится со мной, старым Сунь У-куном!

Дурень быстро отошел в сторону.

– Ну, подходи! – закричал демон. – Сперва стань и стой не двигаясь, я раза три хвачу тебя по голове. Устоишь – пропущу твоего Танского монаха, не устоишь – живо подавай его мне на закуску.

Выслушав демона, Сунь У-кун со смехом сказал:

– Вот что, дьявол, если у тебя в пещере есть кисть и бумага, пусть принесут сюда, мы с тобой напишем договор о том, что я не признаю тебя правым даже если ты будешь рубить мне голову, начиная с сегодняшнего дня и до будущего года!

Тут дьявол встряхнулся, чтобы набраться храбрости, широко расставил ноги, поднял меч обеими руками и со всего размаху ударил Сунь У-куна по голове. Сунь У-кун принял удар. Раздался резкий металлический звук, и меч отскочил от головы Сунь У-куна, не причинив ей ни малейшего вреда, даже то место, куда пришелся удар, и то не покраснело.

– Ну и крепкая же у этой мартышки башка, – изумился демон.

Сунь У-кун засмеялся:

– Ты, видно, не знаешь, каков я! Вот послушай!

Я был рожден крепкоголовым,
И череп мой прочнее меди;
Пожалуй, не найдешь на свете
Владельца черепа такого,
Что не боялся бы ударов,
Пусть нанесенных топором!
В печи плавильной я недаром
Был в молодости закален!
Коль хочешь знать, как это было,
Спроси владыку Лао-цзюня,
Как плавил меня, калили,
Какие прилагали силы,
Чтобы сломить мой дух безумный.
Как Двадцати восьми созвездий
Властители, собравшись вместе,
Меня, томимы чувством мести,
Бросали из огня да в воду.
Верховным существам в угоду.
Но мышцы прочные мои
Меня, что панцирь, охраняли.
Со мной враги не совладали:
Лишь крепче стал я в эти дни.
Но мой наставник дорогой
Нашел, что той закалки мало,
И потому мне приказал он
К тому ж и обруч золотой
Надвинуть на затылок мой,
Чтобы еще прочнее стал он.

Тут демон закричал:

– Мартышка! Перестань заговаривать зубы. Держись! Сейчас я стукну тебя еще разок!
Клянусь, что не пощажу твоей жизни.

Сунь У-кун ответил:

– Как бы ты ни старался, и на этот раз ничего у тебя не выйдет.

– Посмотрим, – ответил дьявол, – ты, маргышка, не знаешь, какой у меня меч:

Он был плавлен в пламени небывалом,
Он стократную испытал закалку,
И в сражениях непобедимым стал он —
От такого меча помереть не жалко!
С тремя правилами боевыми знаком он,
Для шести боевых приемов годен,
Боевого искусства постиг законы,
В поединках истинно превосходит.
Несравненное он являет чудо;
Хоть объемист, как туловище удава,
Хоботком мушинным проникает всюду,
Обретая с каждым ударом славу.
Коль в горах взмахнешь им – разгонишь тучи,
Коль взмахнешь над морем – восстанут волны...
Он отточен мастером наилучшим
И волшебной силы навеки полон.
Он храним в пещере, в глубоких недрах,
Но в руках могучих, в разгар сраженья,
Смерть и страх рассеивает щедро,
Никогда не ведая пораженья.
Кто б ты ни был, а проиграешь битву,
Коли голову под мой меч подставишь:
Пополам расколется, словно тыква,
Череп твой, что так дерзновенно хвалишь.

Великий Мудрец рассмеялся.

– Да ты, видно, ослеп, – сказал он, – раз принимаешь мою голову за тыкву. Ладно, руби! Только смотри не промахнись! Ну-ка, попробуй еще раз, посмотрим, что получится.

Дьявол снова поднял свой меч и изо всех сил ударил им. А Сунь У-кун нарочно подставил голову. Раздался треск, и голова раскололась надвое. Сунь У-кун тотчас же перекувыркнулся, и тут же появился его двойник. Дьявол пришел в замешательство и опустил меч. Чжу Ба-цзе, наблюдавший издали, громко рассмеялся.

– Хорошо бы почтенному демону рубануть дважды, тогда получилось бы четверо, верно? Уставившись на обоих Сунь У-кунов, старый дьявол в недоумении спросил:

– Я слышал о том, что ты умеешь раздваиваться, но как удалось тебе сделать это сейчас, прямо у меня на глазах?

– А что такое «раздваиваться»? – прикинувшись простаком, спросил Сунь У-кун.

Дьявол пояснил:

– Когда я ударил тебя в первый раз, ты даже не шелохнулся, а от второго удара из тебя сразу получилось двое.

Оба Сунь У-куна засмеялись.

– Ты только не бойся, – сказали они в один голос, – в ответ на тысячу твоих ударов нас тоже станут тысячи.

– Ишь ты, маргышка! – ехидно произнес дьявол. – Раздваиваться ты умеешь! А вот как соединишься в одно целое? Если сумеешь это сделать, позволю тебе ударить меня разок твоим посохом.

– Давай, только без обмана, – отвечал Сунь У-кун, – ты хотел ударить меня три раза, а ударил только два, теперь ты предлагаешь мне стукнуть тебя разок. Ну что же, ладно, если я ударю тебя не раз, а больше, то пусть отныне меня не называют Сунь У-куном!

– Идет! – согласился дьявол.

Тут Великий Мудрец обхватил своего двойника, перекувыркнулся вместе с ним на земле, и перед демоном вновь очутился один Сунь У-кун, который сразу же замахнулся посохом на дьявола. Но тот отбил посох мечом и закричал:

– Экая ты невежа! С похоронным посохом хочешь вступить со мной в поединок!

– Ты бы прежде узнал, что это за посох. Он прославился и на небе и под землей! – крикнул в ответ Сунь У-кун.

– Как так прославился? – изумился дьявол.

Тут Сунь У-кун поведал демону историю своего посоха:

Девяносто дней в печи плавильной
Чудесный сплав кипел непрестанно;
Лао-цзюнь великий рукою сильной
Ковал его на своей наковальне.
Правителю Юю достался посох,
Им названный «волшебным сокровищем», —
С тех пор-то он во всем мире славится,
Не ведая поражений в побоищах.
В четырех морях его сила проверена,
На восьми реках его мощь испробована;
По нем пущена резьба затейная,
Золотые ободья красиво подогнаны,
Сверкают пламенем, блестят, как зеркало.
Посередине – звезды Ковша небесного,
Кругом – узоры с тайным значением;
Письмена древние на нем начертаны,
Приводящие духов и бесов в смятение.
«Начала благого чудесным посохом»
Сие оружие называется.
В глубинах водных сначала хранимое,
От человеческих взоров спрятанное,
Моим оружием стало любимым оно
И множит славу свою незапятнанную.
В моих руках оно изменяется,
С моею волею всегда согласное —
Горою Хэншаньскою расширяется
И возвышается до неба ясного,
Железной проволокой утоньшается.
И раздается мешком наполненным,
И пролезает в ушко игольное,
И яркой радугой переливается.
Чуть шевельну его – в ясном воздухе
Цветное облако тотчас рождается;
Коль бьюсь я посохом, не зная роздыха,
Тогда, как молния, он взвивается,
Мрак собирается, метет метелица,

Туманы хладные по небу стелются.
Посох достался мне, когда путь истинный
Душе смятенной моей представился,
К добру склонившийся, мой дух воинственный
От буйства прежнего навек избавился.
С волшебным посохом вернулся в горы я,
Чтоб там, в тиши и в уединении,
Постичь усилиями упорными
Науку тайную превращения.
Когда со мною мое оружие —
Драконы, тигры всегда покорны мне;
Его страшатся и в небе сущие,
Пред ним склоняются и силы черные,
Прошел я с ним края небесные,
Земли окраины, просторы водные,
Проделки буйные и неуместные
Свершил с ним вместе в чертогах горних я,
В саду, где персики растут прекрасные,
Мы духов празднество шутя нарушили;
Князья небесные в борьбу ужасную
Со мной вступили, единодушные.
Все же одолеть им не удалось меня.
Ночжа со мною скрестил оружие,
Но разогнал я бойцов непрошенных
Своею палицей, с победой дружною.
Сто тысяч воинов, небесных жителей,
Бежали в ужасе, как дети малые,
От верной гибели ища укрытия, —
Но даже резвость ног не помогла им.
На Небо Высшее и Чудотворное
Где Тунминдянские дворцы воздвигнуты,
С поднятой палицей взлетел проворно я,
Мной были жители врасплох застигнуты.
И полководцы все, непобедимые,
И громовержцы все, дворца хранители,
Меня заметив у врат обители,
Бежали, словно огнем палимые,
В бою желая со мною встретиться.
И с ними справился неумолимо я!
Пока метались духи-служители,
Гонцы проворные небес властители,
Чертог чудесный Большой Медведицы
Вверх дном, играючи, опрокинул я.
Подверг разгрому небес красавицу,
Палату дивную Полюса Южного.
Увидев силу мою недюжинную,
Мощь неизбывную моей палицы,
Владыка неба к Будде отправился,
Чтоб тот помог ему со мною справиться.

Кто знает загодя исход сражения?
Кто может выигрыша ждать заведомо?
Сколь часто терпит тот поражения,
Кто в бой за скорою спешил победою!
И я, тяжелою горой придавленный,
Ждал половину тысячелетия,
Пока Гуаньинь самой избавлен был
От непомерного наказания.
В то время встретился с монахом Танским я,
Желавшим выполнить задачу трудную —
Начать опасное, большое странствие
В края далекие, где мудрый Будда жил;
К добру великому влекомый сызмала,
Хотел благой монах из ада вызволить,
Спасти все души, невинно сгубленные.
А для того ему были надобны
Книги священные, давно хранимые
У Будды мудрого, в царстве Западном.
Узнав, что трудности непобедимые
И встречи с силами злыми, дьявольскими,
Ждут на дороге к святой обители,
Монах просил, чтоб телохранителем
Его я сделался и с ним отправился
И ограждал его своею палицей
От нечести, что на пути появится.
Итак, последовал я за учителем;
Немало дьяволов и духов мерзостных
Со мной оружие скрестили дерзостно.
Нетрудно было мне с ними справиться!
В котлах Янь-вана их мясо варится,
В пыль невесомую превращается.
Так будет с каждым, кто с этой палицей,
Тая злой умысел, повстречается!
Чудесный Доунюгун разрушен ею был,
В пределах горных, средь неба ясного.
Ведь эта палица – причина гибели
И Сэнлодяньского дворца подземного.
Мое оружие крушило демонов,
Злых духов, оборотней, их приспешников, —
Еще немного, и поразило бы
Того, кто судьбы решает грешников.
Оно своею чудесной силою
Всех полководцев горных рассеяло;
Великой мощью его встревожены,
Они бежали к Югу и к Северу,
На девяти светилах попрятались.
Скажу воистину, что в мире вряд ли есть
Еще оружие, с этим схожее.
От взлетов этой волшебной палицы

Из берегов выходят реки бурные,
Хребты гранитные содрогаются,
Мглой покрывается небо лазурное.
Она сильнее меча булатного,
Духа звезды Тайсуй, воина славного;
С пути на Запад сметает всякого —
Врага сокрытого, недруга явного, —
Монаха Танского охраняющая,
Всех злобных демонов сокрушающая!

Дьявол слушал с дрожью эти слова и, не помня себя, замахнулся на Сунь У-куна своим мечом. Злорадно посмеиваясь, Царь обезьян выступил навстречу со своим железным посохом. Они сперва схватились у самого входа в пещеру, а потом совершили прыжок и оказались в воздухе, продолжая смертный бой. Вот послушайте, что это был за бой!

Сокровищем волшебным называлось
Оружие Сунь У-куна не напрасно:
Сама река небесная являлась
Свидетельницей подвигов прекрасных,
Что совершала палица, покорна
Велениям владельца своего:
Коварный бес, исполнен злобы черной,
Напрасно меч свой поднял на того,
Кто, истребляя зло, знал только лишь победы, —
Тем самым на себя навлек большие беды
Неумный дьявол, чей ничтожный меч
Был недостоин настоящих сеч.
Враги могли, пожалуй, помириться,
Покуда у пещеры шло сражение.
Как только в воздухе пришлось обоим биться,
Никто не помышлял о примиренье!
Боролись недруги в жестоком исступленьи,
Один – желая Сюань-цзана съесть,
Другой – погибель от наставника отвести.
Лик одного все время изменялся
От ужаса, испуга, напряженья,
Другой же был, как угорь, весь в движеньи,
Как змей, всем телом гибким извивался...
Туман от жаркой битвы поднялся
И землю скрыл собой и небеса,
Добро и зло изыскивали средства
Друг друга одолеть, сражаясь за наследство,
Оставленное Буддой всеблагим.
Монах и Сунь У-кун за книгами стремились,
Что на далеком Западе хранились,
А дьявол преграждал дорогу им.

Более двадцати раз схватывались противники, но так и нельзя было сказать, кто победит. Чжу Ба-цзе, наблюдавший за поединком, не вытерпел, когда сражающиеся вошли в

раж, и, подхватив свои грабли, при первом же порыве ветра подпрыгнул вверх и принялся бить дьявола. Тот растерялся и, бросив свой меч, побежал без оглядки с поля сражения. Он не знал, что Чжу Ба-цзе, напористый по своей натуре, наводит страх лишь дерзостью своей и грубостью, демон видел только рыло, огромнейшие уши, могучие руки и наводящие страх грабли.

Сунь У-кун стал кричать:

– Бей его! Держи!

Чжу Ба-цзе набрался храбрости и пустился вдогонку за дьяволом, высоко подняв грабли. Почувяв погоню, дьявол задержался на склоне горы и, обратившись лицом к ветру, качнулся из стороны в сторону, сразу приняв свой настоящий облик. Разинув громадную пасть, он собрался проглотить Чжу Ба-цзе. Чжу Ба-цзе струсил и стремглав бросился в кусты, не обращая внимания на колючки и шипы, исцарапавшие в кровь его руки и ноги. Он рассек себе голову, но не замечал боли и, притаившись в траве, прислушивался к стуку колотушек, доносившемуся до него.

Вскоре подоспел и Сунь У-кун. Чудовище снова разинуло пасть, вознамерившись проглотить его. А это как раз и нужно было Сунь У-куну. Он спрятал свой посох, выступил навстречу, и дьявол разом проглотил его. Это так напугало дурачка Чжу Ба-цзе, лежавшего в траве, что он принялся бормотать что-то, изливая свою досаду на Сунь У-куна:

– До чего же неосторожная обезьяна! Ведь знал, что чудовище хочет сожрать тебя, надо было удрать, а не лезть к нему в пасть. Сейчас ты еще праведный монах, хоть и находишься в брюхе этого чудовища, но во что ты превратишься завтра?!

Одержав победу, дьявол удалился. Дурень выполз из травы и помчался обратно по старой дороге.

Вернемся теперь к Танскому монаху, который сидел на противоположном склоне горы вместе с Ша-сэном в ожидании Чжу Ба-цзе и Сунь У-куна. Оба они увидели Чжу Ба-цзе, который, запыхавшись, бежал к ним. Танский монах испуганно спросил его:

– Что случилось? Отчего у тебя такой истерзанный вид? А Сунь У-кун где? Почему его не видно?

Чжу Ба-цзе стал громко плакать.

– Наставник мой! – причитал он сквозь рыдания. – Сунь У-куна сожрало чудовище!

От страха Танский монах повалился наземь, а затем вскочил, начал бить себя кулаками в грудь и топтать ногами.

– О мой ученик! – горестно воскликнул он. – Ты уверял меня, что обладаешь способностью покорять всех дьяволов и оборотней, и ручался, что доставишь меня в Западную обитель Будды целым и невредимым. Как же случилось, что ты попался в лапы дьяволу и погиб? О, горе мне, горе! Выходит, что все наши труды и подвиги пропали даром!

Скорбь Танского монаха была поистине безгранична. Чжу Ба-цзе даже не пытался утешить своего наставника и спокойно обратился к Ша-сэну:

– Давай поделим с тобой поровну всю поклажу.

– А для чего делить ее, братец? – удивился Ша-сэн.

– Как для чего? Поделим и разойдемся каждый в свою сторону, – ответил Чжу Ба-цзе. – Ты отправишься к себе, на реку Сыпучих песков, где снова займешься людоедством, а я пойду в свое селение Гаолаочжуан, проведу мою супруженьку. Белого коня мы продадим и на вырученные деньги купим наставнику все необходимое для погребения его тела.

От этих слов у Танского монаха дыханье сперло, и он завопил не своим голосом, взывая к небу.

Тут мы их пока оставим и вернемся к Сунь У-куну.

Мы уже рассказали вам о том, что дьявол проглотил Сунь У-куна и, довольный своей удачей, направился прямо к себе, в свою пещеру. Толпа бесенят выбежала ему навстречу и стала расспрашивать, как прошла битва.

– Одного поймал, – самодовольно сказал старый демон.

– Братец! Кого же тебе удалось поймать? – спросил второй демон, не скрывая радости.

– Самого Сунь У-куна! – с гордостью ответил старый демон.

– Где же он?

– У меня в брюхе.

От этих слов третий демон сильно встревожился:

– Я не предупредил тебя, дорогой брат, что Сунь У-куна нельзя проглатывать.

В этот момент из живота дьявола послышался голос:

– Очень даже можно! Насытил свою утробу и вообще голодать тебе больше никогда не придется!

Стоявшие вблизи бесенята услышали и в страхе закричали:

– О великий князь. Плохо дело! Сунь У-кун кричит у тебя в животе!

– Чего испугались? – ответил старый демон. – Я сумел его проглотить, сумею и избавиться от него. Живо ступайте на кухню и сварите мне соленый рисовый отвар. Я выпью этого отвара и изгоню Сунь У-куна. Потом сварю его на медленном огне и приготовлю как закуску к вину.

Бесенята наварили полтаза рисового отвара и принесли дьяволу. Тот разом осушил его до дна, затем засунул два пальца, но Сунь У-кун словно пустил корни в животе и даже не сдвинулся с места. Напрасно дьявол старался. Сунь У-кун так крепко схватил его изнутри за глотку, что у того голова закружилась и в глазах зарябило. От натуги у него даже лопнул желчный пузырь. Но Сунь У-кун прочно сидел на месте. Старый дьявол, задыхаясь, стал кричать:

– Сунь У-кун, ты что не вылезает?

– Еще рано, – отвечал Сунь У-кун. – Да мне и здесь хорошо, нечего вылезать!

– Чего хорошего? – удивился дьявол.

– Эх, дьявол! До чего же ты непонятливый! – недовольным тоном проговорил Сунь У-кун. – С тех пор как я стал монахом, живу очень бедно: наступает осенняя прохлада, а я все хожу в своем простом рубище. Зато здесь, у тебя в животе, тепло и не дует. Вот я перезимуую у тебя, а уж потом вылезу.

Бесенята все это слышали и, обратившись к старому демону, завопили:

– О великий князь! Сунь У-кун собирается зимовать у тебя в животе!

– Ну и что ж? – ответил старый дьявол, стараясь казаться невозмутимым. – Пускай себе зимует. А я погружусь в созерцание да еще прибегну к способу перемещения внутренностей и за всю зиму не возьму в рот ни крошки еды. Вот и уморю голодом эту противную мартышку, которую даже конская зараза не берет!

– Сынок! До чего же ты глуп! – воскликнул Сунь У-кун. – Охраняя Танского монаха в его пути за священными книгами, мне довелось проходить с ним через Кантон, где я прихватил с собой складной котелочек, очень удобный, чтоб готовить в нем разную пищу. Вот я заберу у тебя все твои печенки, селезенки, легкие да кишки и наготовлю себе столько еды, что ее хватит до самой весны, до того дня, когда поминают покойных предков, и еще на дорогу останется.

Услышав эти слова, второй демон не на шутку перепугался.

– Братец! – проговорил он. – Эта обезьяна, пожалуй, так и сделает...

– Ладно, – стал урезонивать его третий демон, – пусть готовит себе пищу, но, спрашивается, куда он приладит свой котелок?

Сунь У-кун услышал и крикнул:

– Пристрою его на костях, вот и хорошо будет!

– Да нет! Совсем не хорошо! – ответил третий демон. – Допустим, что тебе удастся приладить котелок, но как только ты станешь разводить огонь, дым пойдет через ноздри и наш повелитель начнет чихать!

Сунь У-кун рассмеялся:

– Пустяки! Я пробью железным посохом дыру у него на макушке, и она послужит слуховым окном и в то же время дымогарной трубой.

Старый дьявол хоть и храбрился, однако душа его от страха едва не ушла в пятки. Стараясь напустить на себя спокойствие, он пролепетал:

– Братцы мои! Не бойтесь! Пусть принесут мою настойку. Я убежден, что от нескольких чарок обезьяне станет худо.

Сунь У-кун усмехнулся про себя. «Пятьсот лет тому назад, – вспомнил он, – когда я учинил буйство в небесных чертогах, я съел пилюлю Лао-цзюня, выпил вино Нефритового императора, съел персики царицы Сиванму, наелся фениксовых мозгов и драконовой печени, словом, чего только я не наглотался, и ничего со мной не случилось. Каким же зельем думает он опохмелить меня?»

Тем временем бесенята принесли два кувшина процеженной настойки. Налив чарку до краев, они поднесли ее старому дьяволу. Пока тот держал чарку в руке, до Сунь У-куна дошел запах зелья. «Не дам ему пить!» – решил он про себя, наслаждаясь винным ароматом.

Ну и молодец Сунь У-кун! Мотнув головой, он превратил ее в устье воронки и подставил под самую глотку дьявола. Тот глотнул из чарки, и все содержимое попало в рот Сунь У-куну. Таким образом Сунь У-кун пропустил в себя чарок семь или восемь. Наконец старый дьявол перестал пить.

– Что-то вино не действует? – удивился он. – Бывало, раньше от двух чарок в животе жгло, как от огня, а сейчас сколько выпил и ничего, даже не покраснел...

Зато Сунь У-кун от вина развеселился: он стал прыгать, плясать, хватался за печеньку и качался на ней, как на качелях, совершал разные акробатические фигуры и кувыркался через голову колесом. От всей этой пляски у чудовища нестерпимо разболелся живот. Упав на землю, старый демон стал кататься от боли. Что произошло в дальнейшем, осталось ли чудовище в живых, или сдохло, вы узнаете из следующей главы.

Глава семьдесят шестая, в которой рассказывается о том, как Сунь У-кун пребывал в утробе дьявола, а также о том, как вместе с Чжу Ба-цзе он покорил второго дьявола

Мы остановились на том, как Великий Мудрец Сунь У-кун препирался со старым демоном, находясь у него в животе, пока тот, бездыханный, не повалился наземь. Не заговори он опять, вы подумали бы, что он мертв, но время от времени он все же шевелил руками. Когда дыхание вернулось к нему, он стал взывать:

– О великий бодисатва! О Мудрец, равный небу! Всемиловитейший и вселюбящий Сунь У-кун...

Великий Мудрец прервал его:

– Покороче, сынок! Не трать времени попусту на разные величания. Зови меня просто: дедушка².

Дьяволу было жаль расставаться с жизнью, и он был готов на все.

– Дед! Дедушка! – заголосил он. – Я кругом виноват. По своей дурости проглотил тебя и за это должен сейчас поплатиться жизнью. Всецело уповаю на твою доброту и сострадание. Сжался надо мной, я, как и всякая букашка и козявка, хочу жить. Обещаю тебе переправить твоего наставника через гору.

Сунь У-кун никогда не щадил врагов, но ради Танского монаха готов был пойти на что угодно. Мольбы старого демона и его почтительность в обращении напомнили Сунь У-куну о том, что он дал обет творить добро.

– Так и быть! – проговорил он. – Поощажу тебя на сей раз, только ты скажи, как думаешь переправить моего наставника через гору?

Старый дьявол ответил:

– У меня здесь нет ни золота, ни серебра, ни жемчуга, ни изумруда, ни агата, ни кораллов, ни глазури, ни янтаря, ни перламутра – словом, никаких драгоценностей. Зато мы, три брата, собственноручно перенесем твоего наставника в роскошном паланкине через эти горные кручи. Вот все, что я могу пообещать тебе.

Сунь У-кун обрадовался:

– Что ж, твое обещание дороже всяких драгоценностей. Я согласен. Ну-ка, разинь пасть, я вылезу!

Только было собрался дьявол раскрыть свой огромный рот, как к нему подошел младший брат и вполголоса сказал:

– Когда он окажется у тебя на зубах, хорошенько разжуй его и снова проглоти. Тогда он не сможет причинить тебе никакого вреда.

Сунь У-кун все слышал и, прежде чем вылезти, выставил сперва свой железный посох. Дьявол изо всей силы лязгнул зубами, раздался треск, и несколько передних зубов дьявола раскрошились на мелкие кусочки. Втянув обратно посох, Сунь У-кун закричал:

– Ну и хорош ты, нечего сказать! Я было поощадил тебя и собрался вылезать, а ты что? Хотел разжевать меня, чтобы лишить жизни?! Шалишь, брат! Теперь уж я не вылезу! Ни за что не вылезу, пока не изведу тебя живьем!

Тут старый дьявол взъялся на своего младшего брата:

² Зови меня просто: дедушка... – этими словами Сунь У-кун хотел оскорбить старого дьявола.

– Ах ты, негодяй! Родного брата подвел! Мы с ним уговорились по-хорошему, а ты подбил меня разжевать его. Теперь он остался жив и невредим, зато я потерял зубы и десна болит. Что же это получается?!

От укуров старшего брата младший пришел в ярость и решил испробовать еще одно средство.

– Сунь У-кун! – заорал он. – Слава о тебе как о храбром воине гремит везде и всюду. Ты показал свою удаль в Южных воротах неба и в небесных чертогах Нефритового императора. По дороге на Запад, в обитель Будды, ты истребил невесть сколько дьяволов и оборотней. Я думал, ты и в самом деле герой, а ты оказался жалкой, ничтожной мартышкой...

– С чего это ты взял? – перебил его Сунь У-кун.

– Знаешь пословицу: «Любо поглядеть на заезжего гостя из дальних стран, слава о нем разносится на десятки тысяч ли»? – задорно ответил третий демон. – Вылезай! Я с тобой сражусь, вот тогда и узнаю, что ты за молодец. А то забрался в чужое брюхо и занимаешься недостойными проделками.

Услышав эти слова, Сунь У-кун подумал: «А ведь он прав, трижды прав! Мне сейчас ничего не стоит порвать кишки этому дьяволу, выдрать печенку и замучить его насмерть, но этим я лишь запятнаю свое доброе имя... Ладно, так и быть!..»

И он громко крикнул:

– Разевай-ка пасть! Я вылезу и померяюсь с тобой силой. Только выйди сперва на просторное место, а то здесь, в пещере, слишком тесно и мне неловко будет действовать моим посохом.

Третий демон, услышав эти слова, сразу же собрал всех бесов и бесенят и расставил их в боевом порядке. Их набралось более тридцати тысяч. Все они были отлично вооружены. Выйдя из пещеры, бесы расположились полукругом у входа, готовые сразиться с Сунь У-куном.

Второй брат дьявола взял под руки старого демона, вывел его за ворота и крикнул:

– Эй, Сунь У-кун! Вылезай! Мы на поле боя, здесь есть где развернуться!

Сунь У-куну были хорошо слышны карканье ворон и стрекотанье сорок, а также курлыканье журавлей и шум ветра; это убедило его, что дьявол и в самом деле находится на открытом месте. На миг его все же охватило раздумье. «Если я не вылезу, то опозорюсь перед ними. Но ведь эти дьяволы коварны: обещали проводить моего наставника через горы, уговорили меня вылезти, а сами чуть было не лишили меня жизни. Теперь небось выстроили против меня все свое войско. Эх, была не была! Покажу-ка я им свою удаль во всей ее красе! Вылезу! Но все же надо будет оставить свой корешок в брюхе этого дьявола!»

Он быстро выдрал волосок из хвоста, дунул на него и произнес: «Изменись!» Волосок сразу же превратился в нитку длиной более сорока чжан. Эта нитка обладала удивительным свойством: на воздухе она сама утолщалась. Один конец этой нитки Сунь У-кун привязал к сердцу и желчному пузырю дьявола, но не туго, так, чтобы не причинить чудовищу боли, однако стоило потянуть за другой конец, как узел затягивался, причиняя нестерпимую боль. Сунь У-кун с усмешкой подумал: «Если они согласятся переправить моего наставника, то я помилюю их. Если же они снова возьмутся за оружие, я не стану тратить время на то, чтобы драться с ними, а дерну за эту ниточку – и все».

После этого Сунь У-кун уменьшился и полез наружу. Добравшись до гортани, он увидел широко разинутую четырехугольную пасть чудовища, со стальными клыками и резцами, острыми, как отточенные лезвия.

«Плохо дело! – подумал он и сразу же сообразил. – Если я полезу через рот, – нитка потянется за мной, и когда дьявол почувствует боль, он стиснет зубы и, чего доброго, нитку перегрызет! Надо вылезать через другое место, где нет зубов...»

Ну, как не похвалить Сунь У-куна?! Свернув клубком нитку, он полез по гортани, пробрался в нос и дополз до ноздрей. У дьявола нестерпимо защекотало в носу, и он чихнул с такой силой, что Сунь У-кун пробкой вылетел наружу.

Очутившись на воле, Сунь У-кун потянулся и сразу же стал ростом в три чжана. В одной руке он держал конец нити, а в другой – свой железный посох.

Не думая о последствиях, старый демон, увидев Сунь У-куна, тут же занес над его головой свой булатный меч. Но Сунь У-кун отбил удар. Тут на него ринулся второй демон – с копьем, и третий – с пикой. Тогда Сунь У-кун, спрятав посох, стремительно вскочил на облако и удалился, потянув за собой нитку. Чтобы не попасть в окружение бесов, которые помешали бы ему действовать, он выскочил из вражеского стана и поднялся до самой вершины горы, где было просторно и безлюдно. Там он покинул облако и сразу же обеими руками изо всех сил рванул нить на себя. Вот когда острая боль пронзила старого дьявола до самого сердца! Он тотчас подскочил кверху, а Великий Мудрец в это время еще раз дернул нитку. Толпа бесов и бесенят, издали наблюдавшая за всем происходившим, хором заорала:

– Великий князь! Не дразни его! Пусть убирается отсюда! С чего это вдруг он вздумал запускать бумажного змея?³ Ведь день весенних поминок еще не наступил. Гляди, как старается!

Между тем Сунь У-кун, слыша эти крики, еще сильнее поднатужился и даже прижал нить ногой. Старый дьявол веретеном закружился в воздухе и со свистом грохнулся на землю, да так сильно, что на засохшей глине под склоном горы, куда свалился дьявол, образовалась яма глубиной не менее двух чи.

Второй и третий дьяволы переполошились, сразу же ухватились за край облака и, прижав его книзу, очутились у своего старшего брата; вцепившись в нить, к которой он был привязан, они опустили на колени и завопили:

– О Великий Мудрец! Мы слышали, что ты праведник, великодушие которого неизмеримо как море, но кто знал, что ты окажешься такой гадиной, нутро у которой хуже крысиного и гаже, чем у слизняка! Мы по-честному вызвали тебя на бой и никак не ожидали, что ты привяжешь нашего старшего братца за сердце да еще этакой ниткой!

Сунь У-кун рассмеялся.

– Ну и негодяи же вы! – крикнул он. – Не вы ли первые пытались обманом выманить меня, чтобы разжевать насмерть, а на этот раз выстроили против меня все свое полчище! Разве честно вызывать на бой одного против десятков тысяч? Вот я его потащу к своему наставнику! Сейчас же потащу!

Дьяволы все вместе стали отбивать земные поклоны.

– Великий Мудрец! Смилуйся и пожалей! – молили они. – Пощади нас! Обещаем тебе перенести через горы уважаемого наставника, почтенного отца нашего!

Сунь У-кун, смеясь, ответил им:

– Вы хотите сохранить жизнь своему старшему? Возьмите меч и перерубите нитку, вот и все!

Старый дьявол простонал:

– Дедушка! Снаружи-то перерубишь, но как отвязать ее от сердца? Как избавиться от тошноты, которую она вызывает, задевая все время за гортань?

– Ах, вот что! – воскликнул Сунь У-кун. – Ну, это тоже просто. Разинь-ка пасть: я влезу и отвяжу нитку.

Старый дьявол перепугался.

– Влезешь и не захочешь вылезти! – сказал он. – Ох, тяжело мне! Ой, как тошно!

³ С чего это вдруг он вздумал запускать бумажного змея? – Имеется в виду старый дьявол, которого Сунь У-кун как бумажного змея запускает в небо.

– Ладно! – произнес Сунь У-кун. – Я знаю, как, находясь снаружи, развязывать внутренние узлы. Так и быть, отвяжу нитку, но с условием, что ты действительно переправишь моего наставника. Обещаешь?

– Как только отвяжешь, сразу же переправлю! – произнес дьявол. – Больше не посмею обманывать тебя!

Великий Мудрец поверил дьяволу, а потому сразу же встряхнулся всем телом и вобрал в себя волосок. У дьявола тут же прекратилась боль в сердце. Это был способ скрытого превращения, которым владел Сунь У-кун. Он-то и дал возможность Сунь У-куну привязать свой волосок к сердцу дьявола.

Трое дьяволов-оборотней встали в ряд перед Сунь У-куном и принялись благодарить его:

– Великий Мудрец! – говорили они. – Просим тебя вернуться к своему наставнику и предупредить его, что мы переправим его через гору. Собирайте свою поклажу, а мы сейчас отправимся за паланкином.

Бесы и бесенята убрали оружие и вернулись в пещеру.

Вобрав в себя нитку, Великий Мудрец обошел гору с востока и издали увидел Танского монаха, который катался по земле от горя и плакал навзрыд. Тем временем Чжу Ба-цзе и Ша-сэн делили поклажу.

Сунь У-кун чуть слышно вздохнул.

«Все ясно! – подумал он. – Чжу Ба-цзе наверняка рассказал наставнику о том, что демон сожрал меня, а сам занялся дележом поклажи, чтобы уйти куда вздумается. Надо подать голос», – и, спустившись с облака, Сунь У-кун крикнул:

– Наставник!

Ша-сэн услышал и стал укорять Чжу Ба-цзе:

– Недаром сказано: «Катафалк добра не сулит»! Сунь У-кун жив-живехонек, а ты наговорил, что его дьявол сожрал, и все для того, чтобы заняться этим черным делом. Смотри! Разве не он идет сюда?

– Но ведь я собственными глазами видел, как дьявол проглотил его, – возразил Чжу Ба-цзе. – Думаю, что сегодня несчастливое число, и перед нами появилась его душа.

Сунь У-кун подошел ближе и, размахнувшись, дал Чжу Ба-цзе оплеуху. Чжу Ба-цзе покачнулся.

– Ах ты, негодная тварь! – воскликнул Великий Мудрец. – Значит, по-твоему, это не я, а моя душа?!

Притворившись обиженным, Чжу Ба-цзе стал оправдываться:

– Братец! Ведь дьявол сожрал тебя! Как же это ты... опять ожил?

– Чирей ты, вот кто! Никакой пользы от тебя нет! – сердито ответил Сунь У-кун. – Когда он меня проглотил, я сразу же ухватил его за кишки, начал мять ему легкие, да еще продел нитку через сердце и стал тянуть за нее, так что от боли он чуть не подох. Остальные демоны по очереди начали кланяться мне в ноги, умоляя пощадить его. Наконец я согласился. Сейчас они доставят сюда паланкин и переправят нашего наставника через гору.

Танский монах, слышавший весь этот рассказ, сразу вскочил на ноги и низко поклонился Сунь У-куну.

– О ученик мой! – воскликнул он. – Опять из-за меня ты чуть было не погиб! Если бы я поверил словам Чжу Ба-цзе, то сейчас меня уже не было бы в живых.

Размахивая кулаками, Сунь У-кун подскочил к Чжу Ба-цзе, надавал ему тумаков и отчитал его:

– Дурак ты этакий, набитый мякиной! Лентяй! Нет в тебе ничего человеческого! – Затем, обратившись к Танскому монаху, Сунь У-кун сказал: – Ты уж не сердись, наставник, сейчас сюда явятся оборотни и проводят тебя через гору.

Ша-сэну было стыдно, что он послушался Чжу Ба-цзе. Чтоб скрыть свое смущение, он поспешно собрал вещи, взнуздal коня и оседлал его. Вчетвером они вышли на дорогу и стали дожидаться паланкина.

Здесь мы их пока и оставим.

Вернемся к дьяволам, удалившимся в пещеру со всеми своими бесами.

– Братец! – обратился второй дьявол к старшему. – Я думал, что Сунь У-кун, как говорят, «девятиголовый и восьмихвостый», а он совсем невелик. Не надо было глотать его. Он бы ни за что не одолел ни тебя, ни меня, доведись нам только сразиться с ним. Мы бы утопили его в плевках наших десятков тысяч бесов и бесенят. А ты взял да проглотил его. Вот он и помучил тебя, очутившись в брюхе. Да разве может он равняться с тобой? Мы, конечно, и не подумаем провожать Танского монаха. Нам важно было сохранить тебе жизнь, вот мы и обманули его, чтобы он вылез из тебя.

– Ишь ты, какой хитрый! – ехидно произнес старый демон. – Объясни, пожалуйста, почему ты не хочешь проводить их наставника?

– Я знаю, как изловить эту обезьяну, – хвастливо заявил второй демон, – дай мне только три тысячи бесенят.

– Да хоть весь наш лагерь, чего там говорить о трех тысячах! – обрадовался старый дьявол. – Пусть это будет нашей общей заслугой.

Второй демон сразу же отобрал три тысячи бесенят, вывел их из пещеры и выстроил двумя рядами по сторонам большой дороги. Затем он велел знаменщику с синим флагом отправиться в качестве гонца к Сунь У-куну и вызвать его на бой.

– Эй, Сунь У-кун! – кричал знаменосец. – Выходи скорей сразиться с нашим вторым великим князем!

Чжу Ба-цзе услышал и рассмеялся.

– Братец, – сказал он, – есть такая поговорка: «Своих не обманывают». А ты явился сюда морочить нам голову всякими небылицами. Зачем же ты врал, что покоришь дьяволов и они вот-вот явятся сюда с паланкином, чтобы переправить нашего наставника через гору?

Сунь У-кун спокойно ответил:

– Старого дьявола я покоришь, и он не посмеет больше тягаться со мной: от одного моего имени у него теперь голова трещит. Это, верно, второй дьявол вызывает меня на бой. Должен сказать вам, братцы, что все три дьявола – братья, и как они преданы друг другу! Нас тоже три брата, но разве есть у нас такое чувство? Я покоришь старшего дьявола – появился второй! Вот тебе, Чжу Ба-цзе, и следовало бы сразиться с ним!

– А думаешь, я боюсь его? – ответил Чжу Ба-цзе. – Сейчас увидишь, как я расправлюсь с ним!

– Собрался, так ступай! – напутствовал его Сунь У-кун.

– И пойду! – засмеялся Чжу Ба-цзе. – Только вот что, братец, одолжи-ка мне свою чудесную веревку.

– На что она тебе? – удивился Сунь У-кун. – Ты же не умеешь проникать в брюхо и привязывать веревку к сердцу.

– Я обвяжусь ею, – ответил Чжу Ба-цзе, – и она послужит мне спасательной веревкой. Вы с Ша-сэном будете держать ее за другой конец и разматывать. Как только увидите, что я побеждаю, отпустите веревку, и я схвачу дьявола. Если же я потерплю поражение, тащите меня обратно, чтобы дьявол не уволок меня.

Сунь У-кун усмехнулся про себя: «Ну и потешусь я над ним!» – и тут же, обвязав его веревкой, пустил в бой.

Размахивая граблями, Чжу Ба-цзе подбежал к обрыву и закричал:

– Эй, дьявол, выходи! Сам Чжу Ба-цзе, прародитель всего твоего племени, идет на тебя!

Знаменщик с синим флагом поспешно доложил своему повелителю:

– О великий князь! Сюда идет какой-то монах с длинным рылом и огромными ушами.

Второй демон немедленно вышел из стана и, увидев Чжу Ба-цзе, без лишних слов пошел на него с копьем наперевес. Чжу Ба-цзе занес грабли и пошел навстречу. Они сошлись у склона горы и не успели схватиться раз семь или восемь, как Чжу Ба-цзе почувствовал, что у него слабеют руки и ему не устоять перед врагом. Поспешно обернувшись, он крикнул:

– Братцы, плохо дело! Тащите меня обратно! Тащите же!

Но Сунь У-кун, хотя и слышал его, нарочно ослабил веревку и даже закинул ее конец вперед.

Потерпев поражение, Чжу Ба-цзе пустился наутек. Он не заметил, что нитка волочитя за ним, запутался и упал. Он попытался было подняться, но снова упал и на этот раз разбил себе все рыло. Тут дьявол настиг его, вытянул свой хобот, обвинил им, словно дракон, несчастного Чжу Ба-цзе и с победой вернулся в пещеру. Ликующие бесы запели победную песню и разошлись.

Танский монах, находившийся под горой, наблюдал за боем и очень рассердился на Сунь У-куна.

– Теперь я понимаю, – сказал он, – почему Чжу Ба-цзе желал твоей смерти! Между вами нет чувства братской любви, а одна только зависть и злоба. Вот и сейчас он взывал к тебе, просил оттащить его за веревку, а ты, мало того что не стал тащить, так еще и конец веревки выпустил?! Вот он и попал в беду, что теперь делать?

– Наставник! – притворно улыбаясь, ответил Сунь У-кун. – Очень уж ты любишь его и потому прикрываешь все его слабости. Когда меня схватили, ты ничуть не беспокоился. Еще бы! Рядом были твои помощники, готовые пожертвовать ради тебя жизнью. А вот когда этот дуралей попался, ты пеняешь на меня. Пусть и он немного пострадает, будет, по крайней мере, знать, как достаются священные книги!

– Ученик мой! – укоризненно произнес Танский монах. – Разве не беспокоился я о тебе, когда ты ходил сражаться с дьяволом? Но я был уверен, что ты не пострадешь, так как владеешь огромной волшебной силой. А наш дурачок – неповоротлив, да к тому же не обладает такими чарами, как ты, поэтому заранее можно было сказать, что с ним случится беда. Прошу тебя, выручи его.

– Мстительным быть не следует, – ответил Сунь У-кун, – и я сейчас отправлюсь выручать нашего брата.

С этими словами он стремительно поднялся на гору. «Этот дурак желал мне смерти, – со злобой думал Сунь У-кун. – Пусть теперь за это поплатится! Прежде всего надо будет раззнать, что сделал с ним дьявол. Вот помучают его там, а уж потом я его вызволю!»

Произнеся заклинание и прицелившись пальцами, Сунь У-кун встряхнулся, превратился в цикаду и вспорхнул. Затем он прицепился к уху Чжу Ба-цзе и таким образом очутился вместе с дьяволом у пещеры. Ведя за собой тысячи бесов и бесенят, второй демон подошел к входу в пещеру и приказал сделать привал, а сам тем временем внес схваченного им Чжу Ба-цзе вовнутрь.

– Ну вот, братец! Одного изловил! – торжествующе произнес он.

– Ну-ка, покажи, кого ты изловил? – спросил старый дьявол.

Второй демон разжал хобот и бросил Чжу Ба-цзе наземь.

– Он?

– Нет. Этот негодяй ни на что не годен, – отозвался старый демон.

Услышав эти слова, Чжу Ба-цзе обрадовался.

– Великий князь, – проговорил он, – раз я ни на что не годен, отпусти меня и излови того, кто тебе нужен.

Тут вмешался третий демон:

– Ничего, пусть остается, все же он один из учеников Танского монаха – Чжу Ба-цзе. Свяжем его пока и посадим в пруд на заднем дворе, пусть помокнет. А когда с него слезет шерсть, мы ему вспорем брюхо, выпотрошим, засолим и завялим тушу и в ненастную пору будем закусывать, попивая вино.

Чжу Ба-цзе переполошился.

– Теперь конец мне пришел! – стенал он. – Напоролся на дьяволов, торгующих солониной!

Толпа оборотней набросилась на Чжу Ба-цзе. Его скрутили по рукам и ногам, поддели коромыслом и понесли к пруду, где бросили в воду. После этого все вернулись в пещеру.

Великий Мудрец все же успел взлететь и видел сверху, как Чжу Ба-цзе вертел рылом, то погружаясь, то всплывая, и отчаянно сопел. На него нельзя было смотреть без смеха. Он походил на огромную почерневшую корону лотоса, какая бывает в начале осени, уже побитая инеем, с выпавшими из коробочки семенами. Глядя на Чжу Ба-цзе, Великий Мудрец одновременно испытывал и ненависть и жалость.

«Как же быть? – думал он. – Ведь Чжу Ба-цзе тоже участник собора под деревом с драконообразными цветами и исповедует учение Будды. И все же нельзя простить ему того, что он всякий раз, как случается беда, начинает делить поклажу, чтобы уйти куда вздумается. Кроме того, он всегда подбивает наставника читать заклинание о сжатию обруча на моей голове. На днях я слышал от Ша-сэна, будто Чжу Ба-цзе стал тайком копить деньги. Как бы узнать, правда это или нет? Вот я его сейчас припугну и все узнаю».

Что за молодец Сунь У-кун! Подлетев к уху Чжу Ба-цзе и переменив голос, он стал звать:

– Чжу У-нэн! Чжу У-нэн!

Чжу Ба-цзе опешил. «Кто же это здесь может знать, что я зовусь еще Чжу У-нэн? – подумал он. – Ведь этим именем меня нарекла бодисатва Гуаньинь. Но с того времени как я последовал за Танским монахом, меня стали звать Чжу Ба-цзе. Тьфу ты, вот уж не везет!» Однако любопытство взяло верх, и он спросил:

– Кто назвал меня монашеским именем?

– Я! – отозвался Сунь У-кун.

– Кто ты такой?

– Я из сыскного приказа, – отвечал Сунь У-кун зловещим голосом.

Дурень совсем растерялся.

– Господин начальник, – пролепетал он, – от кого же?

– Меня послал за тобой правитель пятого судилища Преисподней, – важно ответил Сунь У-кун.

– Господин начальник! – взмолился Чжу Ба-цзе. – Вернись обратно и доложи своему повелителю, который хорошо знаком с моим старшим братом в монашестве, Сунь У-куном, что я, мол, прошу его отсрочить явку на один день. А завтра снова придешь!

– Не городи чепуху! – возразил Сунь У-кун. – Знаешь пословицу? «Раз правитель Преисподней назначил умереть в час третьей стражи, кто посмеет задержать до четвертой!» Живо ступай за мной, не то я поволоку тебя на веревке!

– Господин начальник! – продолжал молить Чжу Ба-цзе. – Погляди на меня, ведь мне еще пожить хочется. Погоди денек: здешние дьяволы за это время схватят моего наставника и его учеников, мы еще раз повидаемся и тогда все вместе расстанемся с жизнью.

Сунь У-кун злорадно посмеивался про себя.

– Ну ладно! – сказал он примирительно. – Сегодня я должен увести с собой еще тридцать человек, и всех в разное время. Отправлюсь-ка я пока за ними, а потом приду за тобой, вот и пройдет денек. Нет ли у тебя денег на дорогу? Подкинь хоть сколько-нибудь.

– Смилуйся! – воскликнул Чжу Ба-цзе. – Откуда могут быть деньги на дорогу у того, кто отрешился от мирской суеты?

– Если нет, поведу на веревке! Ступай за мной! – строго прикрикнул Сунь У-кун.

– Господин начальник! – в полном смятении взмолился Чжу Ба-цзе. – Не закидывай на меня петлю! Я ведь знаю, что твоя веревка зовется «ловцом жизни», – затянется петлей, и дух вон! Есть у меня деньги, – заговорил он другим тоном, – да только совсем немного.

– Где? – обрадовался Сунь У-кун. – Ну-ка, доставай живей!

– Пожалей ты меня! Пожалей! – простонал Чжу Ба-цзе. – С тех пор как я стал монахом, добрые люди, видя, что брюхо у меня довольно вместительное, помимо пищи давали мне еще иногда кое-какую мелочишку, и мне перепало больше, чем другим. А я брал да прятал. Вот и набралось у меня пять чохов серебром; держать деньги при себе мне было очень неудобно. Намедни, когда мы были в городе, я упробил золотых дел мастера сплавить их в один слиток. Но мастер оказался бессовестным: украл часть моего серебра и слиток получился всего на четыре чоха с шестью грошами. Вот и возьми его.

Продолжая посмеиваться про себя, Сунь У-кун все же удивился: «Куда же он запрятал серебро, дуралей голоштаный? – подумал он. – Ему ведь и штаны-то купить не на что!»

– Говори, – сказал он, – где твое серебро?

– Я засунул его в левое ухо, – ответил Чжу Ба-цзе. – Будь добр, возьми сам, а то я ведь связан.

Сунь У-кун сразу же, как только услышал эти слова, просунул руку в ухо Чжу Ба-цзе и действительно нащупал там слиток серебра в виде седельца, весом на все четыре чоха с пятью, а может, и с шестью грошами; взяв его в руку, он не выдержал и громко захохотал.

Дурень тотчас узнал Сунь У-куна по голосу и, барахтаясь в воде, стал ругать его:

– Чтб тебе сдохнуть, обезьяна проклятая! Я терплю такие страдания, а ты явился вымогать у меня последнее мое добро.

Сунь У-кун снова расхохотался:

– Ну и вздул бы я тебя, тухлятина! Вот мне действительно пришлось перенести невесть сколько горя и страданий, а ты тем временем копил себе денежки!

– Эх ты, бесстыжий! – разозлился Чжу Ба-цзе. – Какие же это деньги? Я по крохам собирал, отказывал себе в еде, чтобы купить хоть материи и сшить одежду, а ты напугал меня и обманом все забрал. Верни хоть сколько-нибудь!

– Ни полгроша тебе не достанется, – твердо произнес Сунь У-кун.

Чжу Ба-цзе снова выругался, но тут же добавил:

– Так и быть, эти деньги подношу тебе в дар за спасение моей жизни. Обещай только, что вызволишь меня отсюда.

– Ладно, не горячись! – спокойно ответил Сунь У-кун. – Обожди немного, и я спасу тебя.

Сунь У-кун спрятал деньги, после чего тотчас принял свой обычный облик. Взяв в руки железный посох, он подтолкнул им Чжу Ба-цзе поближе, потом схватил его за ноги обеими руками, вытащил на берег и снял с него веревки. Чжу Ба-цзе подпрыгнул, сбросил с себя одежду, выжал ее, встряхнул и снова надел на себя еще совсем сырую.

– Братец! – ласково произнес он, обращаясь к Сунь У-куну. – Давай откроем задние ворота и убежим отсюда!

– Достойно ли будет нашего звания бежать через задние ворота? – насмешливо спросил Сунь У-кун. – Пойдем-ка лучше через передние.

– У меня ноги затекли, – плаксиво ответил Чжу Ба-цзе, – не могу бежать...

Размахивая посохом, Сунь У-кун направился к выходу. Чжу Ба-цзе ковылял за ним, но стоило ему увидеть у вторых ворот свои грабли, как он тут же оттолкнул охранявшего их бесенка, схватил их и ринулся напролом. Пробиваясь через третий ряд ворот, они вместе с Сунь У-куном перебили несметное количество бесенят. Когда старый демон услышал об этом, он стал укорять второго демона.

– Эх ты, ловкач! Ну и ловкач! Гляди-ка, Сунь У-кун похитил твоего Чжу Ба-цзе и смертным боем бьет у ворот наших бесенят.

Второй демон вострепнулся и помчался к воротам с копьём в руке.

– Ах ты, мерзкая обезьяна! – громко бранился он. – До чего же ты наглая! Как ты смеешь так нахально вести себя?

Сунь У-кун тотчас же остановился. Но дьявол без дальнейших разговоров бросился на Сунь У-куна с копьём. А тот неспеша, словно степенный монах, ухватился за свой железный посох и начал наносить врагу встречные удары. Ну и хорош был бой:

Колдун-тапир клыки оскалил,
Со злобы мощь свою утроив.
И львиный царь и старший дьявол,
Бесовскую собравши рать,
Все меж собою сговорились,
Как победить им трех героев,
А после Танского монаха
Втроем осилить и сожрать!

Но Сунь У-кун хитер и ловок,
И мысль его парит, как птица.
За истину решил он биться
И злобных одолеть врагов.
А Чжу Ба-цзе был простодушен
И к демонам попал в темницу.
Царь обезьян проник в пещеру
И спас беднягу из оков.

За ними вслед погнался дьявол,
Разя налево и направо.
Копье и посох вмиг скрестились,
Крутясь, как яростный тайфун.
Грозил герою черный демон
Копьем, похожим на удава,
И посохом – морским драконом —
Разил отважный Сунь У-кун.

От взмахов посоха всклубились
Над ними огненные тучи.
Туман от дьявольских ударов
Зловонной серою дышал.
Из-за паломника святого
Свершился этот бой могучий.
Где не было врагу пощады
И жалости никто не ждал!⁴

⁴ С 76-й по 87-ю главу стихи в обработке В. Марковой.

Тем временем Чжу Ба-цзе, видя, что Великий Мудрец вступил в бой с дьяволом-оборотнем, прислонил свои грабли к горной скале у перевала и спокойно наблюдал за ходом битвы, даже и не думая идти на помощь Сунь У-куну.

Вскоре дьявол убедился, что посох Сунь У-куна довольно увесист, а Сунь У-кун между тем оказался настолько увертлив, что не получил даже царапины. Тогда дьявол перестал нападать и лишь отбивал удары копьем, готовясь вытянуть хобот и обвить им своего противника. Сунь У-кун разгадал умысел врага и, взявшись обеими руками за концы посоха, мгновенно поднял его высоко над головой. В этот момент дьявол обхватил хоботом туловище Сунь У-куна, но руки его оставались свободными. Посмотрели бы вы, что он стал выделять своим посохом, забавляясь концом хобота.

Чжу Ба-цзе не выдержал и стал бить себя в грудь кулаками.

– Эх, дьявол! – воскликнул он. – Меня, разиню, ты сразу поймал хоботом так, что я даже пошевелить руками не смог, а у этой вертлявой обезьяны почему-то оставил руки свободными. Она тебе хобот проткнет, от боли у тебя слезы из глаз брызнут и ты выпустишь ее из рук!

У Сунь У-куна, по правде говоря, не было такого намерения, но Чжу Ба-цзе своими словами надоумил его. Сунь У-кун тотчас взмахнул посохом, который стал толщиной с куриное яйцо, а длиной более одного чжана, и начал засовывать его дьяволу в хобот. Дьявол струсил и, громко фыркнув, разжал хобот, но Сунь У-кун вцепился в него руками и стал тащить. Чтобы спастись от боли, дьявол послушно следовал за движениями рук Сунь У-куна. Тут только Чжу Ба-цзе расхрабрился и решил помочь Сунь У-куну. Схватив грабли, он собрался бить дьявола по ляжкам, но Сунь У-кун остановил его.

– Так не годится! – вскричал он. – У твоих граблей зубья очень острые и проткнут кожу насквозь, так что кровь потечет. Тогда наставник опять будет браниться и обзовет нас душегубами! Лучше бей его рукоятью!

Чжу Ба-цзе послушался и стал размеренно, шаг за шагом, бить оборотня, погоняя его, а Сунь У-кун тем временем тянул его за хобот и вел вниз под гору. Издали можно было подумать, что это два раба-погонщика ведут слона.

Танский монах все время пристально вглядывался вдаль и вдруг заметил своих учеников, которые приближались с криками и шумом. Он поспешно подозвал к себе Ша-сэна.

– У-цзин! Смотри-ка! Кого это тащит Сунь У-кун?

Ша-сэн взглянул и засмеялся.

– Да это же оборотень, – проговорил он сквозь смех. – Видишь, Сунь У-кун тащит его за хобот? Вот миляга-то!

– Прекрасно! – обрадовался Танский монах. – Гляди, какой здоровенный оборотень, и хобот у него длиннющий! – воскликнул он. – Ну-ка, спроси у него, согласится ли он переправить нас через гору. За это мы пощадим его и не причиним вреда.

Ша-сэн пошел навстречу, громко крича на ходу:

– Эй вы! Наставник велел сказать, что пощадит дьявола и не причинит ему никакого вреда, если он даст обещание переправить нас через гору.

Дьявол услышал эти слова, повалился на колени и обещал выполнить все, что от него потребуют. Сунь У-кун все время держал его за хобот так, что дьявол, когда говорил, гнусавил, словно был сильно простужен.

– О великий властитель мой, Танский наставник! – молил второй демон. – Если ты пощадить меня, я немедленно переправлю тебя через гору на паланкине.

Сунь У-кун поспешил ответить за наставника:

– Наставник и мы, ученики его, побеждаем людей добротой. Пусть будет по-твоему, – пока мы пощадим тебя. Ступай скорей за паланкином. Но смотри, если и на этот раз вы измените слову, мы изловим всех вас и тогда уж не ждите пощады!

Дьявол совершил земной поклон и удалился.

А Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе принялись рассказывать, что с ними произошло. О том, как Чжу Ба-цзе, испытывая жгучий стыд, сушил свои одежды, развесив их у склона горы, и как они ждали паланкин, мы распространяться не будем.

Дрожа от страха, второй демон вернулся в пещеру. О том, как Сунь У-кун ухватил его за хобот и потащил куда-то, бесенята успели сообщить старому и младшему демонам еще до его появления. Старый демон был в отчаянии и вместе с третьим демоном и толпой бесов вышел из пещеры. Но тут они увидели второго демона, и все вместе вернулись обратно.

Второй демон передал всем о милосердии Танского монаха и о его умении побеждать людей добром. Все молча переглянулись. Никто не посмел перечить.

– Согласен ли ты, мой старший брат, переправить Танского монаха через гору? – спросил второй демон.

– Братец! Зачем же спрашивать об этом? – отвечал старый демон. – Сунь У-кун добр и справедлив. Находясь у меня в брюхе, он мог тысячу раз погубить меня, если бы захотел. Вот и теперь, когда он уволок тебя за хобот, тоже мог не отпустить тебя. Страшно подумать, что бы было, если бы он повредил кончик твоего хобота! Живо собирайтесь, пойдем провожать Танского монаха!

Тут младший демон рассмеялся и воскликнул:

– Провожайте, провожайте!

– Ты, кажется, чем-то недоволен? – спросил его старый демон. – Не хочешь провожать – не надо, и без тебя обойдемся.

Третий демон опять рассмеялся.

– Разрешите сказать, уважаемые братья! – произнес он. – Лучше бы Танский монах не просил, чтобы мы его провожали, а прошел бы тихо и незаметно. Но раз он требует этого, пусть пеняет на себя. Я приготовлю ему ловушку, которая называется «Выманить тигра из горного логова».

– «Выманить тигра из горного логова»? – переспросил старый демон. – Что это значит?

– Мы сейчас поднимем на ноги всех наших бесов, пересчитаем их и из каждого десятка тысяч отберем по одной тысяче, из тысячи отберем сотню, а затем из сотни отберем шестнадцать и еще тридцать...

Старый дьявол удивился.

– Как же так – сперва шестнадцать, а потом еще тридцать? – спросил он.

– Тридцать нам надо таких, – пояснил третий демон, – которые умеют парить и жарить. Мы дадим им отборного риса, лучшей муки, ростки бамбука, бутоны чая, разных грибов, бобового сыра и вермишель. Прикажем им отойти на двадцать или тридцать ли, разбить палатки, приготовить еду и чай и ожидать Танского монаха.

– Ну а шестнадцать для чего? – продолжал недоумевать старый дьявол.

– Восемь из них пусть несут паланкин, а другие восемь побегут впереди и будут разгонять прохожих и встречных. А вы, братья, сопровождайте паланкин слева и справа на всем пути до первого привала. Мой город расположен к западу отсюда на расстоянии четырехсот с лишним ли. Там уже будут люди и кони наготове, чтобы встретить Танского монаха. Когда он начнет приближаться к городу, то мы сделаем то-то и то-то (тут он понизил голос до шепота), а затем разлучим Танского монаха с его учениками так, чтобы они даже не видели друг друга. На долю этих шестнадцати чертенят и выпадет честь изловить самого Танского монаха.

Этот план действий настолько понравился старому демону, что он полностью пришел в себя и даже воспрянул духом.

– Хорошо! Хорошо! Хорошо! – твердил он непрестанно.

Дьяволы сразу же устроили переключку и отобрали сперва тридцать бесов, которых снабдили всеми припасами, а затем еще шестнадцать, которым велели нести роскошный паланкин,

благоухающий всевозможными ароматами. Дьяволы покинули пещеру, а оставшимся бесам было приказано: «Никому не выходить и не шататься без дела в горах! Знайте, что Сунь У-кун отличается подозрительностью, и, если заметит кого-нибудь из вас, у него сразу же возникнут сомнения, и он разгадает ваш замысел!»

Ведя за собой всю свиту, старый демон дошел до большой дороги и стал громко звать:

– О владыка наш, Танский монах! Отныне пусть дорожная пыль не докучает тебе. Просим поторопиться в путь, чтобы пораньше переправиться через гору!

Услышав зов, Танский монах спросил Сунь У-куна:

– Кто это зовет меня?

Сунь У-кун стал всматриваться и сказал:

– Я вижу того самого дьявола, которого мне удалось покорить. Он явился сюда с паланкином, чтобы перенести тебя через гору.

Танский монах молитвенно сложил руки и, устремив взор в небо, стал восклицать:

– О благо! О благо! Если бы не ты, мой мудрый ученик, разве смог бы я выбраться отсюда живым?!

После этого он направился к паланкину и поклонился дьяволам и всей их свите.

– Я очень признателен вам за доброе отношение, – торжественно произнес он. – Когда мы будем возвращаться к себе на восток со священными книгами, то сочтем своим долгом прославить вас среди всех жителей нашей столицы Чанъань!

Тут дьяволы и бесы совершили земной поклон, а затем старый демон предложил Танскому монаху занять место в паланкине.

Несчастный Танский монах, рожденный от плоти и крови, не представлял себе, что попался на удочку. Да и Великий Мудрец Сунь У-кун, по натуре своей верный и прямой, как властитель Северной Полярной звезды и Золотой небожитель учения Будды, не ожидал, что дьявол, который обязан ему своей жизнью, замыслил недоброе. Он велел Чжу Ба-цзе немедленно навьючить поклажу на коня и неотступно следовать за Ша-сэном, а сам возглавил шествие и зорко смотрел по сторонам, помахивая своим железным посохом. Восемь бесов несли паланкин, а другие восемь бежали впереди и громкими криками разгоняли прохожих. Трое дьяволов-оборотней поддерживали оглобли паланкина. Танский наставник блаженствовал на мягких подушках и предавался тихой радости. Вот вся процессия взобралась на высокую гору и двинулась по большой дороге.

Кто мог знать, что в этой радости таится скорбь? В одной канонической книге сказано:

Когда счастье достигнет высшего предела,
Тогда же рождается зло.

Есть еще и такое изречение:

К встрече со звездой Долголетия
Может судьба нас привести;
К воротам скорбного дома
Звезда, ниспадая, утешенье готова принести.

Трое дьяволов, единомышленники в своем заговоре, шли как стражи, охраняя паланкин с обеих сторон, и были весьма предупредительны. Пройдя тридцать ли, устроили небольшой привал, а через пятьдесят ли снова расположились на отдых. Всякий раз подавали еду и питье. Дьяволы просили разрешения располагаться на отдых до наступления сумерек. Всю дорогу поддерживался образцовый порядок. На дню кормили три раза, причем выбор блюд удовле-

творял все вкусы и желания. Для ночлега выбирали превосходные места, и путники спокойно отдыхали.

Продвинувшись на запад более чем на четыреста ли, путники вдруг увидели город. Великий Мудрец Сунь У-кун, с высоко поднятым железным посохом, оказался впереди на расстоянии всего лишь одного ли от паланкина. При виде города он так испугался, что даже оступился и упал, тщетно пытаясь подняться на ноги. Вас, наверное, удивило, почему Сунь У-кун, такой храбрый, вдруг испугался? А дело в том, что он узрел над этим городом зловещий туман, невидимый для простых смертных.

Там над кровлями
Демоны водят нечистые игры,
Там у каждых ворот
Стражи в облике волчьем стоят.
Воеводами служат
Свирепые пестрые тигры,
И тигрят беломордых
Идет за отрядом отряд.
Там олени-гонцы
От заставы снуют до заставы,
А лисицы ползут
По следам незнакомых людей.
Там вдоль стен городских
Разлеглись, голодая, удавы,
И повсюду кишат
Исполинские скопища змей.
Там матерые волки
Сидят на высоких балконах,
Отдают повеленья,
Огонь извергая и чад,
И пятнистые барсы
Резвятся в садах, в павильонах, —
Окликают друг друга,
Хохочут, поют и кричат.
Злые духи проносят знамена
И бьют в барабаны,
Привиденья во тьме
Стерегут перекрестки дорог.
И проносят большие тюки
Кабанов караваны,
И зайчата торговлю ведут
И зовут на порог.
Это княжество
Некогда было блаженной страной,
Называлось «Уделом Зари
И Небесных гостей».
Все давно изменилось.
Тот город за черной стеною
Стал убежищем оборотней
И коварных чертей.

Как раз в тот самый момент, когда Сунь У-кун в ужасе смотрел на бесовское наваждение, позади раздался свист ветра. Сунь У-кун быстро обернулся и увидел третьего демона, который со страшной силой нанес ему удар по голове замечательной пикой с разукрашенным древком. Сунь У-кун мгновенно перевернулся и, вскочив на ноги, пустил в ход свой железный посох-палицу с золотыми обручами. Оба они, тяжело дыша от распиравшего их гнева и злобы, не находили слов и дрались, скрежеща зубами от ярости.

Между тем старый демон подал знак и, подняв свой стальной меч, накинулся на Чжу Ба-цзе. В сильном смятении Чжу Ба-цзе бросил коня, завертел своими граблями, а затем стал колотить ими куда попало. Второй демон нацелился длинным копьём на Ша-сэна, но тот успел отразить удар своим волшебным посохом. Так на вершине начался жаркий бой трех дьяволов с тремя монахами.

Шестнадцать бесов по сигналу стали действовать: один схватил белого коня, другой завладел поклажей, остальные ринулись на Танского монаха, потащили паланкин прямо к окраине города и стали громко кричать: «О великий князь, властитель наш! Твой замысел удался на славу. Танский монах уже в наших руках».

Толпы бесов и бесенят стали сбегаться со стен города. Городские ворота широко распахнулись, и была дана команда: свернуть знамена и заглушить барабаны, не поднимать никакого шума и не бить в гонги. Все стали говорить: «Великий князь велел не производить никакого шума, чтобы не испугать Танского монаха. Его ни в коем случае нельзя пугать, иначе его мясо прокиснет и не пригодится в пищу!»

Толпа бесов и бесенят, ликуя, приветствовала Танского монаха низкими поклонами как главу всех монахов. Его внесли на паланкине прямо в тронный зал дворца с золотыми колокольцами. Там его усадили на почетное место в самой середине зала и принялись угощать и чаем и яствами, кружились и хлопотали возле него со всех сторон.

Несчастный монах в состоянии полубабытья с трудом открыл глаза, но не увидел ни одного близкого ему лица.

Как в дальнейшем повернется его судьба? Останется он жив или погибнет – об этом вы, читатель, узнаете из следующей главы.

Глава семьдесят седьмая, *повествующая о том, как были обмануты дьяволы- оборотни и как все они преклонились перед Буддой*

Не будем пока рассказывать вам о страданиях и мучениях Танского монаха. Обратимся к трем дьяволам, которые дрались не на жизнь, а на смерть с тремя монахами – Сунь У-куном и его духовными братьями. Они бились с одинаковой яростью, не щадя сил своих. Видно, про них говорится в пословице: «Нашла коса на камень». Бой происходил на пригорке к востоку от города. Вот послушайте, что это был за бой!

Трое на трое сшиблись враги
И оружие скрестили
Шесть могучих борцов,
Соревнуясь в проворстве и силе.
Шесть различных желаний
Вступили в борьбу меж собой.
Шесть стремлений и чувств,
Разъяренные, ринулись в бой.

Есть небесных дворцов тридцать шесть,
И всегда там весна.
А страстей на земле – шестью шесть,
Между ними – война!⁵
Сунь У-кун воздымал свою палицу
С гневом и жаром,
Но и черт отражал алебардой
Удар за ударом.

И второй омерзительный демон
Был грозен и зол, —
Он дразнил Чжу Ба-цзе
И копьем его адским колол.
Чжу Ба-цзе подымал на врага
Исполинские грабли,
Но могучие руки его
Постепенно ослабли.

И великий подвижник Ша-сэн
Не простой был монах:
Колдовской, зачарованный посох
Сжимал он в руках.
Поражал им третьего дьявола
Смело с размаху.

⁵ *А страстей на земле – шестью шесть, между ними – война!* – Буддизм учит людей бороться с шестью чувствами, чтобы после ряда перерождений люди могли стать достойными обитателями тридцати шести небесных сфер, где нет земных страстей, а следовательно, нет и войн.

Старый дьявол секирой сражался,
Не ведая страха.

Трое славных борцов
Защищали наставника честь.
Трех проклятых врагов
Разжигали и злоба и месть.
Распаляясь от гнева,
Бойцы поражали сплеча
И взлетели на воздух,
Заклятий слова бормоча.

От ударов рождался огонь.
Облака за клубились.
Все носились в тумане,
Сцепились во тьме и кружились,
И сквозь черное марево,
Из грозовых облаков
Только слышался рев,
Да хрипенье, да стоны врагов.

Долго бились шесть чародеев. Уже стало смеркаться, поползли туманы, подгоняемые ветром, и вскоре совсем стемнело. А как вам известно, у Чжу Ба-цзе были огромные уши, которые свисали прямо на глаза, поэтому он в сумерки почти ничего не видел. Он неуклюже ворочал руками и ногами и не мог отбивать удары противника. Наконец, улучив момент, он бросился бежать, волоча за собою грабли. Старый дьявол помчался за ним и едва не зарубил мечом. К счастью, Чжу Ба-цзе удалось увернуться, и дьявол отхватил концом меча лишь несколько щетинок на его загривке. Продолжая преследовать Чжу Ба-цзе, дьявол все же нашел его и, схватив зубами за голову, помчался с ним в город. Там он бросил его бесенятам, велел крепко связать веревками и поместить во дворец, в тронном зале с золотыми колокольцами. Затем, вскочив на облако, старый дьявол помчался обратно к месту боя, чтобы в нужный момент прийти на помощь своим братьям. Ша-сэн понял, что дело принимает дурной оборот, и, сделав ложный выпад своим волшебным посохом, неожиданно повернулся и бросился наутек, спасая жизнь. Второй демон вытянул хобот, протрубил в него и обвинил им Ша-сэна. Затем он доставил его в город, где тоже передал бесенятам, приказав связать пленника и поместить его в том же зале.

Сам же он взвился в воздух, полетел к братьям и стал кричать им, чтобы они изловили Сунь У-куна.

Сунь У-кун, видя, как оба его брата попали в лапы врагам, понял, что одному ему не справиться. Не зря говорится: «Одной рукой не отразишь двух кулаков, а двумя кулаками не перешибешь четыре руки». Сунь У-кун издал клич, отбил своим волшебным посохом удары всех трех дьяволов сразу, перекувыркнулся и, вскочив на облако, умчался. Третий демон, видя, что Сунь У-кун пустился наутек, сразу же встряхнулся и принял свой первоначальный облик – превратился вмиг в огромную птицу. Расправив крылья, он полетел вдогонку за Сунь У-куном. И как бы вы думали, догнал он его? Помните, когда Сунь У-кун учинил буйство в небесных чертогах, против него не устояло стотысячное войско небесного царя, а от небесных духов он спасся благодаря умению летать на волшебном облаке: перекувыркнется разок – и восемь тысяч ли позади, перекувыркнется другой, – глядишь, сто тысяч ли отмахал. Никто не мог догнать его. Однако этот дьявол одним взмахом крыльев покрывал расстояние в девяносто тысяч ли. Стоило ему два раза взмахнуть крыльями, как он настиг Сунь У-куна и, клюнув его, зажал

в когти, да так крепко, что тот даже пошевелинуться не мог. Чтобы он ни придумывал, избавиться от когтей ему не удалось бы. Предположим, с помощью волшебства он принял бы другой облик или стал невидимым, ему все равно некуда было бы деваться. Он мог увеличиться, но тогда дьявол разжал бы когти, а если бы он стал уменьшаться, дьявол еще крепче стиснул бы его. И вот дьявол со своей добычей снова направился в город. Там он разжал когти, сбросил Сунь У-куна прямо в пыль и приказал бесенятам связать его и поместить вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном. Старый и второй демоны вышли к младшему и приветствовали его. Затем все трое направились во дворец. Дьяволам, конечно, повезло! Не свяжи они Сунь У-куна, он наверняка расправился бы с ними.

Было время второй стражи. Дьяволы столкнули Танского монаха с места, на которое с почетом усадили его вначале. При свете фонарей Танский монах увидел своих спутников: они лежали на полу, связанные по рукам и ногам. Сюань-цзан упал на грудь Сунь У-куна и заплакал.

– О мой верный ученик, – причитал Танский монах, – из каких бед ты выручал меня, скольких дьяволов-оборотней покорил своим волшебством, а теперь ты сам попался. Что же будет со мною, с несчастным монахом?

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, услышав эти причитания, не удержались и зарыдали. Один только Сунь У-кун оставался спокойным.

– Не волнуйся, наставник! – посмеиваясь, сказал он. – И вы, братья, не плачьте! Что бы эти дьяволы ни придумывали, все равно они не причинят нам никакого вреда. Пусть заснут покрепче, тогда мы спокойно выберемся отсюда.

Чжу Ба-цзе не выдержал:

– Братец, ты снова затеваешь недоброе! Мы ведь связаны пеньковыми веревками, да еще смоченными водой. Тебе-то хорошо, ты ведь тощий и не чувствуешь боли, а каково мне! Да ты взгляни на мои руки. Веревка впилась в них на глубину двух цуней! Как же избавиться от таких пут?

– Подумаешь, пеньковая веревка, – со смехом сказал Сунь У-кун. – Да если бы нас связали канатом толщиной с чайную чашку, и то для меня ничего не стоило бы освободиться. Знаешь пословицу: «Осенний ветер пролетает мимо ушей»? Мне это не впервые.

Пока они беседовали, до их слуха донеслись слова старого дьявола:

– Ай да младший братец! До чего же силен, умен и как ловко выполнил свой замысел! Сам Танский монах оказался в наших руках.

Затем последовало приказание:

– Эй, слуги, пусть пятеро носят воду, семеро – чистят котел, десять – разжигают огонь, а двадцать – тащат железную клетку. В этой клетке сварим на пару четырех монахов. Сами отведем, да и слугам нашим дадим по лакомому кусочку, пусть и они обретут долголетие.

Чжу Ба-цзе задрожал от страха:

– Слышишь, братец? Эти дьяволы собираются нас сварить и съесть.

– Не бойся! Дай только мне узнать, мастера ли они готовить пищу.

Ша-сэн заплакал.

– Дорогой брат, – сквозь слезы проговорил он, – перестань шутить, не время! Считай, что одной ногой мы уже в преисподней. Не все ли равно теперь – мастера они готовить пищу или нет.

Не успел Ша-сэн проговорить это, как до них донесся голос второго дьявола:

– Вот Чжу Ба-цзе будет трудно сварить на пару.

Чжу Ба-цзе просиял.

– Амитофо! – воскликнул он. – Кто мой тайный благодетель?

Затем раздался голос третьего дьявола:

– Если будет трудно сварить, мы сдерем с него шкуру.

Тут Чжу Ба-цзе так перепугался, что начал вопить не своим голосом:

– Не надо сдирать! Не надо! В крутом кипятке все равно разварится!

Тогда вмешался старый дьявол:

– Того, кто плохо варится, нужно положить на нижнюю решетку клетки.

Сунь У-кун расхохотался:

– Ну, Чжу Ба-цзе, не бойся, эти дьяволы ничего не смыслят в стряпне.

– Откуда ты знаешь? – полюбопытствовал Ша-сэн.

– А вот откуда. Когда варят на пару, продукты начинают развариваться сверху. То, что плохо разваривается, кладут на верхнюю решетку и увеличивают огонь, чтобы он охватил кругом весь котел. Если же класть их на нижнюю решетку, хоть полгода вари, все равно останутся сырыми. А дьявол говорит, что Чжу Ба-цзе надо положить вниз. Ясно, что он ни черта не смыслит.

– Братец! – воскликнул Чжу Ба-цзе. – Выходит, они собираются сварить нас заживо. И как только увидят, что пар от меня не идет, оттащат, перевернут на другую сторону и снова на огонь, пока не разварят с обеих сторон. Стало быть, нутро мое останется сырым. Так, что ли?

Пока он говорил, прибежали бесенята.

– Вода кипит! – доложили они.

Дьявол распорядился втащить пленников. Толпа бесенят сразу же приступила к делу. Чжу Ба-цзе уложили на самую нижнюю решетку клетки, а Ша-сэна – на вторую. Сунь У-кун, смекнув, что и его сейчас понесут, тотчас освободился от веревок. Зажгли фонари. «При таком тусклом свете удобно действовать!» – мелькнуло у Сунь У-куна в голове. Он вырвал у себя шерстинку, дунул на нее своим волшебным дыханием и произнес: «Изменись!» Шерстинка сразу же превратилась в точную копию Сунь У-куна, тоже связанного веревками. Сам же он, став бесплотным, подскочил вверх, застыл в воздухе и, свесив голову, стал смотреть вниз.

Бесенята, конечно, ничего не заметили, а потащили мнимого Сунь У-куна и положили его на третью решетку. Наконец дошла очередь до Танского монаха. Его повалили навзничь, скрутили веревками и внесли на четвертую решетку. Дрова были сухие, и костер горел ярким пламенем.

Великий Мудрец не смог удержаться от горестного возгласа:

– Чжу Ба-цзе и Ша-сэну вначале ничего не сделается, а вот бедный наставник сразу разварится. Надо, не мешкая, спасать его!

Добрый Сунь У-кун тотчас прищелкнул пальцами и произнес заклинание: «Ом мани падме хум! Цянь Юань Хэн Ли Чжэнь!» Не успел он произнести последние слова, как к нему в виде тучки явился царь драконов Северного моря и, низко кланяясь, воскликнул:

– Дракон Ао-шунь из Северного моря приветствует тебя!

Сунь У-кун остановил его:

– Ну что за церемонии! Встань! Прошу тебя! Не будь серьезного дела, я не осмелился бы потревожить тебя. Но мой наставник попал в плен к злым дьяволам, которые посадили его в железную клетку и собираются сварить на пару. Огради его от беды и не дай ему погибнуть!

Дракон сразу же превратился в ледяной ветер и начал дуть, мешая огню лизать днище котла. Таким образом наши друзья оставались пока невредимыми.

В конце третьей стражи старый дьявол распорядился:

– Эй вы, подручные! Хорошенько стерегите пленников! Пусть десять бесенят по очереди поддерживают огонь, а мы на время покинем дворец и отдохнем хоть немного. Очень уж мы переутомились, гоняясь за Танским монахом и его учениками, да еще четверо суток не спали, когда везли его сюда. Ну, ничего, зато теперь им не уйти отсюда. В пятую стражу, как только начнет светать, они будут готовы, тогда можно будет заправить их чесноком, посолить, подлить уксусу. Затем вы разбудите нас, и мы полакомимся их мясом.

Бесы обещали в точности выполнить приказание, и трое дьяволов разошлись по своим опочивальням.

Находившемуся на краю облака Сунь У-куну было отчетливо слышно каждое слово старого дьявола, однако из железной клетки не доносилось ни звука. «Что же это такое? – думал Сунь У-кун. – Ведь там нестерпимая жара. Почему же они не стонут, не жалуются? Неужто сварились? Дай-ка спущусь пониже и послушаю!»

Добрый Мудрец вскочил на ноги, встряхнулся и, превратившись в муху, уселся снаружи, у верхней решетки клетки.

– Черт возьми, – услышал он ругань Чжу Ба-цзе, – как бы узнать, собираются нас тушить или варить на пару?

– Братец! – отозвался Ша-сэн. – Что значит «тушить» и «варить на пару»? Объясни!

– Когда тушат, накрывают крышкой, а когда парят, то крышкой не накрывают.

Вслед за этим раздался голос Танского монаха:

– Братцы! Крышкой пока не накрыли!

– Нам повезло! – обрадовался Чжу Ба-цзе. – Эту ночь мы, видно, еще проживем! Наверно, нас будут варить на пару.

Убедившись, что все трое живы, Сунь У-кун подлетел к крышке и легонько прикрыл ею железную клетку. Танский монах испугался.

– Братцы, – в ужасе прошептал он, – накрыли крышкой!

– Ну все, теперь конец! – упавшим голосом произнес Чжу Ба-цзе. – Нас будут тушить, и к концу ночи мы сваримся.

Ша-сэн и Танский монах расплакались, словно дети.

– Не плачьте! – утешал их Чжу Ба-цзе. – Видно, истопники сменились.

– Откуда ты знаешь? – удивился Ша-сэн.

– Когда нас втащили сюда, – отвечал Чжу Ба-цзе, – мне было даже приятно. У меня ведь застарелая простуда, а тепло в таких случаях очень полезно. Сейчас, не знаю откуда, повеяло холодом. Эй, начальник истопников! – громко крикнул Чжу Ба-цзе: – Поддай-ка жару! Дров жалко, что ли? Ведь не твои!

Сунь У-кун, услышав эти слова, усмехнулся: «Ну и дуралей! – подумал он. – Холод можно еще перенести, а вот если жара хватит, то с жизнью распрощаешься. Ну, нечего терять время, надо скорее выручать их, а то Чжу Ба-цзе своим криком всех переполошит. Но для того чтобы спасти их, я должен принять свой прежний облик. Как же быть? Бежать? Но меня могут увидеть, поднимут крик, разбудят дьяволов, и тогда хлопот не оберешься. Нет, сперва надо напустить на них чары... – И тут Сунь У-кун вспомнил: – Давно, когда я стал зваться Великим Мудрецом, помню, как-то раз играли мы с хранителем небесного царства в цайцюань и я выиграл у него снотворных мушек; кажется, несколько штук у меня еще осталось. Напущу-ка я их на бесенят».

Он стал шарить у пояса и нашел двенадцать штук.

«Пущу десять, а парочку оставлю для развода», – решил Сунь У-кун.

Так он и сделал. Каждому истопнику он бросил в лицо по мушке. Мушки забрались в ноздри, и бесенят стало неудержимо клонить ко сну, они засыпали, падая на землю. Один только бесенок с кочергой не поддавался дремоте. Он вертел головой, тер лапами лицо, хватался за нос и беспрестанно чихал.

«Этот негодяй смекнул, в чем дело, – подумал Сунь У-кун. – Запущу-ка я ему парочку «гусариков»! – И он бросил ему в лицо еще одну мушку. – Пусть бегают навстречу друг другу. Уж какая-нибудь из них угломонит его», – решил Сунь У-кун.

Бесенок зевнул раза два или три, потянулся, выронил кочергу, шлепнулся наземь и заснул непробудным сном.

– Вот это способ! – промолвил Сунь У-кун. Он тотчас принял свой обычный вид, подошел к клетке и позвал: – Наставник!

Танский монах услышал.

– О Сунь У-кун! Спаси меня! – воскликнул он.

– Ты где, братец? Снаружи? – спросил Ша-сэн.

– Еще бы! Стану я обречь себя на подобные мучения! – задорно ответил Сунь У-кун.

– Ну, братец! – рассердился Чжу Ба-цзе. – Ты скользкий, вот и выскользнул, а мы, словно козлы отпущения, ждем, когда нас сварят.

– Не кричи, Дурень! – смеясь ответил Сунь У-кун. – Я ведь пришел спасать вас.

– Если спасать, так уж до конца, братец, – умоляюще произнес Чжу Ба-цзе, – чтобы нам снова не пришлось париться.

Тем временем Сунь У-кун открыл верхнюю часть клетки, освободил наставника, встряхнулся и вобрал в себя шерстинку, превращенную в двойника, затем одного за другим высвободил Ша-сэна и Чжу Ба-цзе. Как только Дурень почувствовал себя на свободе, он сразу же вознамерился бежать.

– Постой! – остановил его Сунь У-кун. – Не торопись! – Прищелкнув пальцами и произнеся заклинание, он отпустил дракона и тогда только снова обратился к Чжу Ба-цзе: – До Западного неба, где обитает Будда, пока очень далеко, – сказал он, – на пути еще встретятся высокие горы с крутыми вершинами. Нашему наставнику с его слабыми ногами не пройти пешком через такие препятствия. Нужно идти выручать коня.

Вы бы видели, с какой легкостью Сунь У-кун на четвереньках пробрался в зал с золотыми колокольцами. Бесы и бесенята спали вповалку в самых различных позах. Никто из них не слышал, как Сунь У-кун отвязывал поводья. Как вам известно, это был не простой конь, а конь-дракон. Он узнал Сунь У-куна, поэтому стоял смирно, не лягался и не ржал. Вы помните, конечно, что Сунь У-куну когда-то приходилось ухаживать за конями и ему был пожалован чин бимавэня – конюшего. Великий Мудрец бесшумно вывел коня, подтянул подпругу, взвиздал как полагается, а затем попросил наставника сесть верхом. Танский монах, дрожа от страха, с трудом взобрался на коня и хотел было ехать, но Сунь У-кун остановил его.

– Прошу тебя, не спеши, – сказал он. – По дороге на Запад нам еще повстречаются разные правители и цари, которым придется предьявлять подорожное свидетельство, иначе они нас не пропустят. Что мы им предьявим? Сейчас схожу за поклажей.

– Когда меня вносили в ворота, – сказал Танский монах, – я заметил, что бесы положили поклажу слева от входа в зал с золотыми колокольцами. Там же осталось и коромысло.

– Понятно! – ответил Сунь У-кун и так же неслышно ступая отправился на поиски во дворец. Вдруг он заметил в одном углу мерцающее сияние. «Это, должно быть, и есть поклажа», – сообразил он. А дело было в том, что парчовая ряса Танского монаха была украшена жемчужиной, от которой и исходило сияние. Сунь У-кун поспешно подошел к узлам, здесь же лежало и коромысло. Узлы были целы и даже не развязаны. Он поспешно забрал их вместе с коромыслом и передал Ша-сэну.

Чжу Ба-цзе повел коня, который хорошо знал дорогу, и они направились прямо к главным воротам, но тут послышались стук караульных колотушек и звон колокольцев. На воротах оказался замок с печатью.

– Ишь ты, какие осторожные эти дьяволы! – воскликнул Сунь У-кун. – Как же нам выбраться отсюда?

– Пойдемте через задние ворота, – предложил Чжу Ба-цзе.

Так они и сделали. Сунь У-кун шел впереди, указывая дорогу.

Но и здесь слышался стук колотушек и звякали колокольцы. На задних воротах тоже висел замок с печатью. «Как же быть? – подумал Сунь У-кун. – Если бы с нами не было Танского монаха с его плотским телом, мы трое во всяком случае выбрались бы отсюда и улетели

на облаке. Но с ним мы не можем взлететь, только потому, что он еще не переступил границы трех миров, в которых господствуют желания, страсти и бесчувствие, он все еще находится в пределах пяти стихий тщеславия, любостыжательства, разгула, надменности и лени, сам он происходит от родителей, не очистившихся от грехов».

– Плохо дело! – сказал Сунь У-кун.

– Братец! Незачем ломать голову, – посоветовал Чжу Ба-цзе. – Поищем такое место, где нет ни колотушек, ни колокольцев и никакой охраны. Там мы поможем нашему наставнику перелезть через забор и выберемся отсюда.

Сунь У-кун засмеялся.

– Ну и придумал! – сказал он. – Ведь если сделать, как ты предлагаешь, то потом, когда мы будем возвращаться со священными книгами, ты же своим длинным языком везде разболтаешь, что мы, монахи, лазали через чужие заборы.

– Сейчас не время читать нравоучения, – перебил его Чжу Ба-цзе. – Подумай лучше, как спастись!

Сунь У-кун не мог предложить ничего лучшего, и они решили последовать совету Чжу Ба-цзе. Подойдя к гладкой стене, наши путники стали думать, как перелезть через нее.

Но надо же было случиться беде! Видно, зловещая звезда не покинула несчастного Сюань-цзана. Трое дьяволов вдруг проснулись и, почувяв, что Танский монах сбежал, стали кричать. Кое-как напялив на себя одежду, они бросились в зал.

– Сколько раз прокипел Танский монах? – спрашивали они бесов.

Однако бесенята-истопники так крепко спали, что даже удары палок не могли их разбудить. Остальные бесы спросонья отвечали заплетающимся языком:

– Се-се-се-семь разков прокипели!

Затем, немного придя в себя, они стремглав кинулись к котлу, увидели сброшенную на пол железную клеть, спящих истопников и в ужасе явились к дьяволам.

– Великие князья! Сбе-сбе-сбе-сбежали! – с трудом доложили они.

Трое дьяволов поспешно вышли из тронного зала, направились к котлу и, внимательно осмотрев его, убедились, что клеть действительно сброшена на пол, кипяток остыл, а от огня даже головешек не осталось. Истопники спали мертвым сном и громко храпели. Тут дьяволы-оборотни подняли невообразимый крик.

– Живее в погоню, ловите Танского монаха!

От этого страшного крика бесенята проснулись, вскочили на ноги, схватили оружие и бросились к главным воротам. Но тут все было в порядке. Печать и замок оказались на месте, колотушки стучали, колокольцы звенели.

Бесы стали спрашивать ночных дозорных, карауливших за воротами:

– Не видели, откуда выбежал Танский монах?

– Отсюда никто не выходил! – в один голос отвечали дозорные.

Тогда бесы кинулись к задним воротам. Но и здесь замок и печать, колотушки и колокольцы – все было на месте. Суматоха усилилась, – стали зажигать факелы, фонари. Кругом запылало красное зарево, стало светло как днем. Тут все отчетливо увидели, как четыре беглеца пытаются перелезть через стену. Старый дьявол подбежал к ним и закричал:

– Вы куда?!

У Танского монаха от испуга обмякли руки и ноги, и он, как мешок, рухнул со стены на землю. Старый дьявол тут же схватил его. Тем временем второй дьявол поймал Ша-сэна, третий вцепился в Чжу Ба-цзе. Остальные бесы тащили поклажу и вели белого коня. Одному только Сунь У-куну удалось бежать. Чжу Ба-цзе, бормоча под нос ругательства, изливал свою досаду на Сунь У-куна.

– Чтоб тебе ни дна ни покрывки! – ворчал он. – Я же говорил, если будешь спасать, то уж до конца. Теперь нас опять запрячут в железную клетку и станут варить!

Дьяволы притащили Танского монаха в тронный зал, – они, видимо, отказались от намерения сварить его. Второй дьявол велел слугам привязать Чжу Ба-цзе к одному из передних столбов, поддерживавших крышу дворца. Третий демон распорядился привязать Ша-сэна к такому же заднему столбу. А старый демон не выпускал Танского монаха, обхватив его своими ручищами.

– Ты что его держишь, братец?! – спросил младший брат дьявола. – Неужели хочешь съесть его живьем? Вряд ли он придется тебе по вкусу. То ли дело простые мужики и парни, – поймал и тут же ешь себе на здоровье. А это, брат, редчайшее лакомство из высочайшего удела, им можно лакомиться только в свободную пору, когда погода ненастная. Перед этим надо тщательно привести себя в порядок, причем вкушать его нужно под первосортное вино и нежную музыку!

Старый дьявол рассмеялся.

– Ты совершенно прав, брат мой, – молвил он, – боюсь только, что опять появится Сунь У-кун и похитит его.

– У нас во дворце есть узорчатая беседка с разными благовониями, в ней стоит железный поставец. Давай упрячем в него Танского монаха, запрем беседку и пустим слух о том, что мы съели Танского монаха сырым. Пусть бесенята разнесут этот слух по всему городу. Будь уверен, Сунь У-кун непременно явится, чтобы пронюхать, как обстоят дела. Узнав о том, что мы съели Танского монаха, он придет в такое уныние, что, безусловно, уберется восвояси. Мы же подождем несколько дней, пока не убедимся, что Сунь У-кун не станет больше тревожить нас, а уж тогда притащим сюда монаха и будем понемногу лакомиться. Ну как? Что ты на это скажешь?

Оба демона очень обрадовались и стали хвалить своего младшего брата:

– Молодец! Правильно говоришь!

После этого дьяволы схватили несчастного монаха и, не дожидаясь рассвета, поволокли его в беседку и втолкнули в железный поставец. Двери в беседку наглухо закрыли.

Молва о том, что дьяволы съели Сюань-цзана, быстро облетела весь город. Но об этом рассказывать мы не будем.

Вернемся к Сунь У-куну. Вы знаете, что он удрал на облаке, спасая жизнь, и не мог позаботиться о Танском монахе. Он направился прямо к пещере Льва и верблюда и там уничтожил своим посохом всех бесенят до единого, хотя их было десятки тысяч.

Когда он возвращался назад, на востоке уже взошло солнце. Приблизившись к городу, Сунь У-кун не осмелился вызвать дьяволов на бой. Ведь известно, что: «Из одной пряди нитки не скрутишь, одной ладонью не захлопаешь». Он спустился с облака, качнулся из стороны в сторону и, превратившись в маленького бесенка, проник в город, где стал обходить все улицы и переулки, чтобы хоть что-нибудь разузнать. В городе только и было разговоров о том, что Танского монаха этой ночью заживо съел великий князь. Вот когда Сунь У-кун действительно встревожился. Он устремился во дворец и заглянул в зал с золотыми колокольцами, где увидел множество оборотней, разодетых в одежды из желтой материи, в меховых шапках, отороченных золотом, с красными лакированными дубинками в руках и с табличками из слоновой кости у пояса. Все они сновали взад и вперед. Глядя на них, Сунь У-кун подумал: «Это, наверное, дворцовые служащие. Превращусь-ка и я в такого, войду туда и все разузнаю».

Ну и Сунь У-кун! Он сразу же принял вид дворцового служащего и, смешавшись с остальными, вошел в золотые ворота дворца. Вдруг он заметил привязанного к столбу Чжу Ба-цзе, который чуть слышно стонал. Сунь У-кун приблизился к нему и окликнул:

– Чжу У-нэн!

Чжу Ба-цзе узнал Сунь У-куна по голосу и взмолился:

– Дорогой братец, это ты? Спаси меня!

– Спасу, – ответил Сунь У-кун, – скажи только, где наставник.

– Наставника нет в живых, – ответил Чжу Ба-цзе. – Вчера ночью эти дьяволы живьем сожрали его!

Услышав эти слова, Сунь У-кун лишился голоса и заплакал. Чжу Ба-цзе стал утешать его:

– Братец, не плачь! Я передаю тебе только то, что слышал от этих бесов, но собственными глазами не видел. Ты лучше не теряй зря времени и узнай точнее.

Сунь У-кун перестал плакать и направился дальше. Он обошел дворец и заметил Ша-сэна, который был привязан к другому столбу. Подойдя к нему поближе и коснувшись его рукой, Сунь У-кун позвал:

– Ша У-цзин!

Ша-сэн тоже сразу узнал голос Сунь У-куна.

– Это ты, братец, проник сюда? – обрадовался он. – Спаси меня! Спаси!

– Тебя спасти не трудно – подбодрил его Сунь У-кун, – но скажи мне, не знаешь ли ты, где наш наставник?

У Ша-сэна закапали слезы из глаз.

– Братец! – горестно ответил он. – Оборотни не дождались, пока наш наставник сварится, и съели его живьем!

Сомнений больше не было. Оба его брата говорили одно и то же. Сунь У-куну показалось, будто сердце его пронзил острый нож. Он не стал спасать ни Чжу Ба-цзе, ни Ша-сэна, стремительно подпрыгнул вверх, поднялся в воздух и помчался на пригорок у восточной стороны города. Там он спустился с облака и принялся громко рыдать и причитать, мысленно обращаясь к наставнику.

Я грущу, вспоминая,
Как я в небесах провинился.
Небывалые муки
В тот день ожидали меня.
Ты, мой добрый наставник,
Тогда предо мною явился.
Ты избавил от пытки меня,
От меча и огня.

И живой благодарностью полон,
Любовью глубокой,
Я к обители Будды
Направился вместе с тобой,
С искушением дьявольским
В сердце боролся жестоко
И, стремясь к совершенству,
Сражался с бесовской гурьбой.

Я желал, чтобы цели достиг ты,
Мой добрый учитель,
Но тебя я не спас,
И не можешь ты путь завершить.
Ты погиб, не пройдя сквозь ворота
В святую обитель.
Ты погиб... я живу без тебя...
И не знаю, как жить!

Долго терзался Сунь У-кун, пребывая в скорби и печали. Долго размышлял он, задавал себе всевозможные вопросы, но не находил на них ответа.

«Это все он, наш Будда Татагата, в своей обители высшего блаженства от безделья насочинял всякие книги. Подумаешь! Священные книги! «Три сокровища»! – раздумывал он. – Да если у него действительно было намерение склонять всех к добру, позаботился бы лучше о том, чтобы самому доставить эти книги в восточные земли. Разве тогда не стали бы они распространяться среди людей вечно? Видно, жалко ему расставаться с этими книгами, вот и приходится таким, как мы, ходить к нему на поклон. Разве знает он, сколько мучений вынесли мы, переходя через тысячи гор. И все зря! Сегодня к утру мой наставник лишился жизни! Кончено! Все кончено! Ну что ж, полечу-ка я на облаке к самому Будде и расскажу ему все, что произошло. Если он согласится передать мне свои книги, я доставлю их в восточные земли. Пусть люди узнают, что ждет их в награду за добрые дела. В то же время я исполню данный мною обет. Если же Будда не даст мне своих книг, я попрошу его снять с моей головы волшебный обруч, оставлю его Будде, а сам вернусь в свою пещеру, где буду царствовать над обезьянами и забавляться с ними».

Решив так, Сунь У-кун сразу же вскочил на облако и направился прямо в страну Небесных бамбуков. Не прошло и часа, как показалась чудодейственная гора Линшань. Еще миг, и Сунь У-кун, прижав книзу облако, достиг основания пика Горный орел. Не успел он поднять голову, как его обступили четыре великана – хранителя Будды и грозно спросили:

– Ты куда направляешься?

Вежливо поклонившись, Сунь У-кун ответил:

– Мне нужно видеть Будду Татагату по важному делу.

Старший из хранителей по имени Юн-чжу, досточтимый князь, правитель горного хребта Золотой зари в горах Куэньлунь, крикнул:

– Эй ты, маргышка! Слишком грубо и дерзко себя ведешь! В прошлый раз мы много сил потратили, чтобы выручить тебя из лап дьявола с головой Быка, а сейчас при встрече с нами ты не проявил ни малейшей учтивости. Если ты явился по важному делу, обожди здесь, пока мы доложим Будде. Если он разрешит, мы, тебя пропустим. Тут тебе, братец, не Южные ворота неба, где ты можешь входить и выходить, когда тебе вздумается! Ну-ка, отойди!

Наш Великий Мудрец Сунь У-кун был и без того сильно огорчен и раздосадован, а потому, услышав такое обращение, вскипел неудержимой яростью и стал кричать так, что потревожил самого Будду.

В это время Будда сидел на своем троне в виде цветка лотоса с девятью лепестками и объяснял священные книги своим наиболее близким ученикам – восемнадцати архатам. Он прервал свои объяснения и сказал:

– Сунь У-кун явился! Ступайте и примите его.

Выполняя повеление Будды, архаты чинно, двумя рядами, вышли из ворот с приветственными возгласами:

– О Великий Мудрец Сунь У-кун! Сам Будда зовет тебя.

Четыре хранителя Будды, стоявшие у ворот, сразу же расступились и пропустили Сунь У-куна. Архаты провели Сунь У-куна к трону Будды. При виде Будды Сунь У-кун пал ниц, и слезы ручьем хлынули из его глаз.

– Что случилось? Чем ты так опечален? – участливо спросил Будда.

– Я, твой ученик, неоднократно был удостоен милости внимать твоим поучениям и пользоваться твоим покровительством. С того времени, как я вступил на путь твоего истинного учения, на меня возложена обязанность охранять Танского монаха, которого я почитаю как своего наставника. Трудно передать, сколько горя нам пришлось изведать на далеком пути к тебе. И вот сейчас мы достигли горы Льва и верблюда, где оказалась пещера, а поодаль и город того же названия.

Три лютых дьявола, три родных брата, владеют этой горой, пещерой и городом. Старший зовется царь Львов, средний – царь Тапиров, а младший – Великий кондор. Они и схватили моего наставника. Мы трое, его ученики, потерпели полное поражение в борьбе с дьяволами. Нас всех связали и поместили в железную клетку, чтоб сварить. К счастью, мне удалось бежать, и я призвал на помощь царя драконов из Северного моря, который избавил наставника от этих мук. В ту же ночь я вызволил наставника и обоих моих братьев из железной клетки, но, увы, избавить их от власти злой звезды я не смог – наставник снова попался в лапы дьяволам. Когда рассвело, я проник в город: хотел узнать, какова судьба моего учителя. И узнал, что эти проклятые чудовища, беспощадные и хищные, в ту же ночь растерзали моего наставника, сожрали его живьем, и от него теперь не осталось ни костей, ни мяса. К тому же я сам видел моих собратьев, Чжу У-нэна и Ша У-цзина, которых тоже ожидает люта́я смерть, привязанными к столбу. Спасти их не в моих силах, потому только я и явился сюда преклониться перед тобой, всемогущий Будда Татагата. Уповая на твою величайшую доброту и сострадание, молю тебя снять заклятие, которым сковывает мою голову обруч, и взять его обратно. Меня же отпусти на гору Цветов и плодов, где меня ожидает привольная жизнь и забавы с моими мартышками.

При последних словах слезы градом покатались из глаз Сунь У-куна, и он разрыдался.

– Успокойся! – смеясь проговорил Будда Татагата. – У этих оборотней чары оказались столь могущественны, что ты не смог одолеть их, вот ты и убиваешься.

Сунь У-кун опустил на колени и стал бить себя в грудь.

– Не скрою от тебя, Будда Татагата, – сказал он, – с того года, когда я учинил буйство в небесных чертогах и меня прозвали Великим Мудрецом, с того времени, как я появился в образе человека, ни один враг еще не одолел меня. Но на сей раз проклятым дьяволам удалось провести меня.

– Не досадуй! – стал утешать его Будда. – Я хорошо их знаю.

Сунь У-кун сразу же осекся и вполголоса спросил:

– О милосердный Будда! Правду ли говорят, что они приходятся тебе сродни? Я слышал об этом от людей.

Будда прервал его.

– Экая ты хитрая обезьяна! – воскликнул он. – Как могут подобные твари находиться со мной в родстве?

– Откуда же ты их знаешь, – улыбнулся Сунь У-кун, – если не состоишь с ними в родстве?

– Я наблюдал за ними своим всевидящим оком, – пояснил Будда. – Вот откуда я их знаю.

Над старым оборотнем и его вторым братом здесь есть хозяйева. – И Будда кликнул: – Ананда и Кашьяпа!⁶ Идите сюда! Пусть один из вас отправится на облаке к горе Пяти террас и призовет сюда Вэнь Шу, а другой пусть летит к горе Брови красавицы и призовет Пу Сяня.

Оба досточтимых архата тотчас отправились выполнять повеление Будды.

– Я отправил их за хозяевами старого оборотня и его второго брата, – объяснил Будда Сунь У-куну. – Говоря по правде, – добавил он, – третий оборотень в какой-то мере приходится мне сродни.

– С какой стороны? – живо спросил Сунь У-кун. – Со стороны отца или матери?

Будда не сразу ответил на вопрос.

– Видишь ли, – сказал он, помолчав, – с того времени, как первоначальный хаос начал распадаться, небо разверзлось в первый период – «цзы», земля образовалась во второй период – «чоу», а люди появились в третий период – «инь». Затем небо вновь совокупилось с землей и народились все твари. Среди тварей выделились звери, бегающие по земле, и птицы, летающие по воздуху. Старшим над всеми зверями является жираф, а над всеми птицами – феникс. Феникс был сверх всего наделен еще животворным духом и породил павлинов и кондоров.

⁶ Ананда, Кашьяпа (Ано, Цзяшэ) – ближайшие ученики Будды Татагаты.

Павлины при своем появлении на свет оказались наиболее лютыми и способны были поедать людей. Они всасывали их в себя сразу на расстоянии сорока пяти ли. Как-то раз я находился на снежной вершине горы, чтоб упражняться в достижении роста в шесть чжан с озолочением всего туловища, но меня сразу же всосал павлин, и я попал прямо к нему в брюхо. Я уж хотел было выбраться через задний проход, но побоялся измазаться. Тогда я перебил ему позвоночник, вылез и вскарабкался на чудодейственную гору Линшань. У меня было желание убить этого павлина, но все Будды стали уговаривать меня не делать этого. Ведь погубить павлина, все равно, что погубить родную мать. Поэтому я и оставил павлина в скопище пернатых, обитающих на этой горе, и пожаловал ему почетный титул «Великий просвещенный повелитель павлинов, породивший Будду». А кондор был рожден той же самкой, что и павлин. Теперь ты понимаешь, какое между нами родство?

– Так вот оно что! – рассмеялся Сунь У-кун. – Значит, если продолжить эту линию родства, то получится, что ты, Будда, приходишься племянником оборотню со стороны матери.

– Придется, видно, мне самому отправиться на расправу с этим оборотнем, – сказал Будда, не дослушав Сунь У-куна.

После этого Сунь У-кун земно поклонился Будде и произнес:

– Умоляю тебя, сделай милость и хоть раз сойди со своего трона!

Будда выполнил просьбу Сунь У-куна и в сопровождении всей свиты вышел из наружных ворот своей обители. Там он встретился с Анандой и Кашьяпой, которые привели двух бодисатв: особо просвещенного Вэнь Шу и во всем сведущего Пу Сяня. Оба они совершили поклон перед Буддой Татагатой.

– Бодисатва, – обратился Будда к Вэнь Шу, – сколько времени прошло с тех пор, как твой зверь покинул гору?

– Семь дней, – отвечал Вэнь Шу.

– Семь дней – это значит несколько мирских тысячелетий, – промолвил Будда. – Сколько живых тварей погубил он за это время! Следуйте за мной, надо скорей изловить его! – приказал он.

Сопровождаемый двумя бодисатвами, Будда со всей свитой поднялся в воздух и полетел. Вот как об этом рассказывается в стихах:

Высокая лазурь
Покрылась облаками,
Даруя благодать
И силу без конца...
Сам Будда вышел в путь
Из горнего дворца
И, милосердный,
Шествует над нами.

Он помыслом проник
В сердца земных существ,
Он тайну разъяснил
Их смерти и рожденья,
Все превращения,
Зверей, людей, божеств,
И цель глубокую
Их перевоплощенья.

И перед ним неслись торжественно

Пятьсот
Архатов избранных,
Святителей смиренных,
А позади него
Держали путь с высот
Три тысячи святых —
Соратников блаженных.

А рядом с ним
Несли Цзяшэ, Ано,
Готовые на бой.
И – бодисатв опора —
Пу Сянь, Вэнь Шу.
И было решено,
Что подчинится им
Вся дьявольская свора!

Благодаря тому, что Сунь У-кун обладал столь добрыми чувствами, ему удалось упросить Будду-прародителя прийти на помощь. Вскоре они увидели зловещий город.

– О Будда! – воскликнул Сунь У-кун. – Вон там, где клубятся черные испарения, столица государства Льва и верблюда.

– Ты спустишься первым, – приказал Будда, – войди в город и вступи в бой с этими оборотнями. Только смотри не побеждай их. Сделай вид, что потерпел поражение, и возвращайся сюда, а я уж сам с ними справлюсь.

Великий Мудрец направил облако прямо к городу и, спустившись на городскую стену, стал кричать и ругаться:

– Эй вы, скоты негодные! Выходите сюда сразиться со мной, старым Сунь У-куном!

Находившиеся в дозорных вышках бесенята перепугались и сломя голову бросились вниз, издавая громкие вопли:

– О великий князь! Сунь У-кун находится на городской стене и вызывает вас на бой!

– Ну и обезьяна! – вскричал старый дьявол. – Три дня не показывалась и, на тебе, с утра явилась, не иначе как привела с собой кого-то на помощь!

– Чего бояться! – вскричал третий брат. – Давайте вместе пойдем и посмотрим!

Трое дьяволов с оружием в руках устремились на городскую стену. Увидев Сунь У-куна, они, не говоря ни слова, сразу же набросились на него. Сунь У-кун, вращая свой посох, вышел им навстречу. Они схватывались раз семь или восемь, после чего Сунь У-кун, притворившись побежденным, бросился бежать. Дьяволы во всю глотку закричали ему вслед:

– Ты куда?!

Тут Сунь У-кун перекувыркнулся и очутился на облаке. Дьяволы вскочили на другое облако и пустились в погоню. Сунь У-кун мгновенно уклонился в сторону и скрылся в лучах сияния, исходящего от Будды. Тут дьяволы-оборотни увидели перед собой трех достопочтенных Будд, олицетворяющих Прошедшее, Будущее и Настоящее, в окружении пятисот архатов и трех тысяч праведных приверженцев Будды Татагаты. Они кольцом обступили трех оборотней, да так плотно, что даже капля воды не могла бы просочиться.

У старого дьявола от страха отнялись руки и ноги.

– Братцы! – закричал он. – Плохо дело! Эта обезьяна – настоящий черт, выросший из земли! Как же ей удалось призвать сюда моего властителя?!

– Не бойся, братец! – старался подбодрить его третий дьявол. – Мы втроем разом набросимся на Будду, собьем его с ног нашим оружием и завладеем его дивным храмом Раскатов грома...

Старый дьявол в самом деле замахнулся мечом на Будду. Но тут Вэнь Шу и Пу Сянь прочли заклинание и прикрикнули:

– Экие скоты негодные! Все не возвращаетесь на истинный путь и не раскаиваетесь? Чего же вы ждете?!

Старый дьявол и его второй брат испугались и больше не посмели хорохориться. Они побросали оружие, перекувыркнулись через голову и приняли свой настоящий облик. Двое бодисатв кинули им на спины свои сидения в виде цветка лотоса и сразу же уселись на них, а оборотни, опустив уши, изъявили полную покорность.

Так двумя бодисатвами были пойманы Черный Лев и Белый тапир. Один только третий оборотень не покорился. Он расправил крылья, отбросил свою замечательную пику, взвился в воздух и, играя широко растопыренными когтями, кинулся на Царя обезьян, который скрылся в лучах сияния Будды. Будда предугадал намерение оборотня и метнул в него золотистый луч. Голова оборотня, с макушкой в виде сорочьего гнезда, метнулась против ветра и превратилась в окровавленный кусок мяса. Продолжая играть когтями, оборотень ринулся было на Будду, но тот поднял руку, перепонки на крыльях оборотня тотчас лопнули, и он не мог больше летать. Он тут же сел на макушку Будды и принял свой первоначальный образ. Это оказался огромный кондор с орлиными крыльями золотистого цвета. Раскрыв клюв, он вдруг заговорил:

– О Будда Татагата! Зачем ты околдовал меня своими могущественными чарами?

– Ты натворил немало бед! – отвечал Будда. – Но если последуешь за мной и станешь творить добро, то этим, может быть, искупишь свою вину.

– У тебя там надо соблюдать посты, питаться одними овощами, жить в крайней бедности, терпеть лишения. А здесь я ем человечину и ни в чем себе не отказываю. Грех падет на тебя, если ты уморишь меня голодом.

– Мне подвластны четыре огромных острова, – отвечал Будда, – великое множество живых существ живет на них, уповая на меня. Я велю им приносить тебе жертвы за каждое твое доброе деяние.

Кондор попытался было освободиться, хотел бежать, но все его старания оказались тщетными. Пришлось покориться.

Между тем Сунь У-кун перекувыркнулся и, очутившись перед Буддой, стал отбивать земные поклоны.

– О мой повелитель! – восклицал он. – Ты изловил оборотней и устранил великую напасть, но моего бедного наставника все равно уже нет в живых.

Щелкая зубами, кондор закричал:

– Противная обезьяна! Нашла-таки злодеев, которые покорили меня. Когда это мы сожрали твоего наставника? Разве не он находится там, в узорчатой беседке, в железном поставце?

Услышав эти слова, Сунь У-кун поклонился Будде до земли и снова поблагодарил его. Опасаясь, как бы не выпустить кондора, Будда велел Сунь У-куну скрыться в лучезарном сиянии и совершить заклинание, предохраняющее от всякой напасти. Затем он вернулся на облако и вместе со всей свитой полетел к своей драгоценной обители.

Тем временем Сунь У-кун на облаке спустился на землю и вошел в город. Там уже не было ни одного бесенка. Недаром говорится: «Без головы змея не ползает, без крыльев птица не летает».

Узнав о том, что их властители покорились Будде, бесенята удрали, спасая свою жизнь. Сунь У-кун освободил Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, нашел поклажу и отыскал коня.

– Наш наставник жив! – сообщил он своим братьям. – Идемте за мной!

Он провел их в дворцовый сад, где они нашли узорчатую беседку. А когда заглянули внутрь, то увидели в ней железный поставец, из которого доносились глухие стенания Танского монаха. Ша-сэнь вскрыл поставец своим волшебным посохом, покоряющим оборотней, и, сдвинув крышку, позвал: «Наставник!»

При виде своих учеников Танский монах зарыдал.

– Братцы! – говорил он сквозь слезы. – Как это вам удалось покорить этих дьяволов? И откуда вы узнали, что я здесь?

Тут Сунь У-кун подробно рассказал ему все, что произошло, от самого начала до самого конца.

Танский монах был растроган до глубины души и непрестанно благодарил.

Наставник и его ученики разыскали еду в хоромах дворца, приготовили чай, сварили кашу, наелись досыта, привели себя в порядок и, выйдя из города, отправились по большой дороге дальше на Запад.

Вот уж действительно верно сказано, что: «За книгами священными идти должны только люди праведные» и что: «Мысленные переживания и душевные тревобления всегда оказываются пустыми».

Когда закончится это путешествие и наши путники смогут лицезреть Будду, вы узнаете из следующих глав.

Глава семьдесят восьмая,
*из которой читатель узнает о том, как странствующие
монахи преисполнились жалостью к детям, вызвали
для их спасения духов, а также о том, как в зале
дворца распознали дьявола и вели беседу о добродетели*

Едва откроешь ты души своей ворота
Желаньям и страстям, —
Тебе грозит беда:
Стремглав ворвутся демоны туда,
А их изгнать – великая забота!
Как трудно, совершенствуясь, идти
К спасению по высшему пути!
Но изгони из сердца злые страсти,
Чтоб сор земли стряхнуть и отмести.
Храни себя от их враждебной власти.
Держи на привязи мятежный ум
И сердце укроти уздою дум.
Когда ж соблазнов ты развеешь тучи,
Отвергнешь себялюбие и ложь,
Очищенный, в нирвану попадешь.
Подстерегай счастливый час и случай,
Чтоб демонов коварных побороть
И усмирить бунтующую плоть.
И только подвиг завершив могучий,
Мирские узы ты расторгнешь сам
И возлетишь из клетки к небесам!

Итак, вы уже знаете, что Великий Мудрец Сунь У-кун, исчерпав всю свою изобретательность, обратился к Будде Татагате, который привел к покорности злых духов и тем самым избавил Танского монаха и его учеников от беды. Покинув город Диковинного верблюда, они продолжали свой путь на Запад. Прошло еще несколько месяцев, приближалась зима.

Всюду в горных лесах
Перезрели, полопались сливы,
У озер
Ледяною корою покрылись заливы,
И, нахмурясь,
Угрюмые сосны чернеют вдали,
И багряные листья,
Спадая на землю, кружатся,
И летящие плоские тучи
Снегами грозятся,
И высокие травы
На горных лугах полегли.

Наступающей стужи
Мы всюду встречаем приметы.
До костей передрогли.
Теплом очага не согреты...

Наставник и его ученики стойко переносили все невзгоды, как говорится: «Ночевали под дождем и ели под открытым небом». И вот впереди снова показались строения.

– Сунь У-кун! Что за город виднеется вдаль? – спросил Танский монах.

– Вот подойдем поближе, тогда и узнаем, – ответил Сунь У-кун. – Если это столица княжества, то надо будет получить там пропуск по проходному свидетельству, если же просто областной или окружной город, то мы так пройдем.

Беседуя, они подошли к городским воротам.

Танский монах спешился, и все четверо вышли на площадку перед главными воротами, полукругом обнесенную стеной. Здесь они увидели пожилого воина-стражника, который, прислонившись к стене, сладко спал на солнышке, убаюканный ветерком. Сунь У-кун подошел к нему и, тряхнув, окликнул:

– Эй, начальник!

Стражник сразу же в испуге проснулся, вытаращил глаза и, увидев Сунь У-куна, поспешно опустился на колени, отбивая земные поклоны и приговаривая:

– Отец! Отец!

– Чего зря шумишь? – остановил его Сунь У-кун. – Я ведь не святой и не злой дух. Чего ж это ты вздумал величать меня отцом?

– А ты разве не бог Грома? – спросил стражник, продолжая стучать лбом о землю.

– Глупости! – воскликнул Сунь У-кун. – Я монах из восточных земель и иду на Запад за священными книгами. Мы только что прибыли сюда, не знаем, как называется этот город, вот я и решил спросить тебя.

Тут стражник оправился от испуга, зевнул, поднялся и, потягиваясь, ответил:

– О почтеннейший! Почтеннейший! Прости мою вину! Эта страна вначале носила название государство Нищенствующих монахов бикшу, а теперь ее переименовали в Страну детей.

– Есть ли в этой стране государь-правитель? – спросил Сунь У-кун.

– Ну как же не быть? Есть, есть, есть, – ответил стражник.

Тут Сунь У-кун обернулся к Танскому монаху и сказал:

– Наставник! Эта страна прежде называлась государство Нищенствующих монахов бикшу, а теперь ее переименовали в Страну детей. Никак не пойму, зачем это сделали.

Танского монаха тоже охватило сомнение, и он нерешительно произнес:

– Если это была страна бикшу, то почему ее стали называть Страной детей?

– По-моему, царь нищенствующих монахов бикшу скончался, а на престол возвели малолетнего царя, вот поэтому ей и дали такое название, – выразил свою догадку Чжу Ба-цзе.

– Не может этого быть, – возразил Танский монах. – Никак не может быть! Давайте пройдем в город и спросим у кого-нибудь из прохожих.

– Вот это правильно, – поддержал наставника Ша-сэн. – Этот старый стражник ничего не знает, а вид нашего старшего братца так напугал его, что он стал молотить всякий вздор. Пойдемте в город и там все разузнаем.

Они прошли через третьи ворота, вышли на главную улицу, ведущую к базару, и стали смотреть по сторонам. Прохожие были нарядно одеты и имели весьма благообразный вид.

Вот как рассказывается в стихах об этом городе:

Из питейных домов
С веселящимся шумным народом,

Из веселых кварталов
Разносятся песни и гам.
Сколько лавок
И вывесок пестрых, висящих над входом!
Сколько пышной парчи!
И числа нет узорным шелкам!

На базарах конца нет и края
Веселой торговле.
Сколько улиц кругом,
Сколько тысяч домов – и не счесть!
Сколько разных торговых рядов
Под высокою кровлей!
Вот источник богатств,
Приносящих довольство и честь.

Все спешат и снуют,
Продают – ради денег и славы! —
Золотые изделия,
Чай, и шелка, и нефрит,
Но чем ближе к дворцу,
Тем прохожие все величавей!
Как нарядны! Как чинны!
Там строгий порядок царит!

Наставник вместе со своими учениками, которые вели коня и несли поклажу, шагал по городу. Шли они долго и никак не могли наглядеться на его пышность и великолепие. Они заметили, что у каждого дома висят корзины, в которых носят гусей.

– Братцы, – спросил, наконец, Танский монах, – почему это здесь почти на каждом воротах висят корзины для гусей?

Чжу Ба-цзе стал оглядываться по сторонам и действительно увидел, что над каждым воротами висят корзины, покрытые разноцветными шелковыми пологами.

– Наставник! – сказал он, рассмеявшись, – сегодня, наверное, счастливый день, в который устраивают свадьбы и встречи с друзьями. По этому случаю и вывесили корзины.

– Чепуха! – возразил Сунь У-кун. – Разве бывает, чтобы у всех на один и тот же день приходились семейные праздники! Нет, тут что-то не то. Погодите, сейчас я все разужу.

– Не ходи! – крикнул Танский монах, удерживая Сунь У-куна. – Уж очень ты безобразен на вид, напугаешь людей.

– Я могу изменить свой облик, – ответил Сунь У-кун.

Ну и молодец Сунь У-кун! Прицелкнув пальцами и прочтя заклинание, он встряхнулся, превратился в пчелку, расправил крылышки и, подлетев к ближайшей корзинке, пролез под полог. Каково же было его удивление, когда он в корзинке увидел ребенка. В другой корзинке тоже оказался ребенок. Сунь У-кун просмотрел одну за другой несколько корзинок и во всех обнаружил детей, причем только мальчиков, ни одной девочки не было. Некоторые из них забавлялись, другие кричали и плакали, третьи лакомились фруктами или спали. Сунь У-кун не стал осматривать остальные корзинки и, приняв свой настоящий облик, вернулся к Танскому монаху.

– В корзинках дети, – доложил он наставнику, – причем самому старшему не больше семи лет, а самому маленькому нет и пяти. Не знаю, в чем тут дело.

Танский монах задумался.

Свернув за угол, путники увидели какое-то учреждение. Это оказалась почтовая станция с постоянным двором. Танский монах обрадовался.

– Братья, – сказал он, – давайте зайдём сюда. Во-первых, мы узнаем, что это за город; во-вторых, дадим передохнуть нашему коню и, наконец, попросимся на ночлег, ведь уже вечерет.

– Правильно, – поддержал наставника Ша-сэн, – идемте скорей!

Все четверо, довольные, вошли в помещение. Дежурный по станции доложил о них смотрителю. Путников пригласили войти. После взаимных приветствий все расселись по местам, и смотритель обратился к Танскому монаху:

– Почтеннейший! Откуда путь держишь?

– Я, бедный монах, иду из восточных земель, из великого Танского государства, на Запад за священными книгами. У нас есть при себе проходное свидетельство, и мы сочли своим долгом предъявить его и получить пропуск, а заодно попроситься у вас на ночлег и передохнуть с дороги.

Смотритель станции велел тотчас же подать чаю, а затем распорядился устроить путников на ночлег. Танский монах поблагодарил его и спросил:

– Могу ли я надеяться побывать сегодня на приеме у вашего правителя и предъявить ему свое проходное свидетельство?

– Нет, – ответил смотритель, – сегодня уже поздно. Придется вам отправиться завтра на утренний прием. А пока располагайтесь поудобнее и отдыхайте.

Вскоре все было приготовлено, и смотритель станции пригласил четверых путников вместе с ним покушать, а слугам тем временем велел подмести и проветрить помещение, отведенное гостям для ночлега. Танский монах не переставал благодарить за радушный прием. Во время трапезы наставник обратился к смотрителю станции с такими словами:

– Сейчас нас, бедных монахов, мучает сомнение, которое мы никак не можем разрешить. Помогите нам, пожалуйста! Интересно знать, как у вас здесь появляются дети на свет и как их растят?

– Есть поговорка: «На небе два солнца не светят, а среди людей не бывает двух разных истин», – начал объяснять смотритель. – Всем известно, что дети рождаются от семени отца и крови матери, десять лун зародыш пребывает в материнской утробе, а в положенное время появляется на свет. Мать кормит младенца грудью три года, после чего он постепенно принимает свой настоящий облик. Неужто вам об этом ничего не известно? Не может быть!

– Выходит, в вашей стране все происходит точно так же, как и в нашей, – вежливо ответил Танский монах. – Почему же в вашем городе над воротами каждого дома висят корзины для гусей, а в каждой корзине находится ребенок? Этого мы никак не можем понять, а потому и осмелились потревожить тебя своими расспросами.

Тут смотритель станции приложил палец ко рту и, понизив голос до шепота, сказал:

– Почтеннейший, пусть это вас не тревожит! Ни с кем не говорите об этом! Спокойно устраивайтесь на ночлег, а завтра утром отправляйтесь в путь-дорогу.

Но Танский монах настолько был взволнован, что схватил за рукав смотрителя станции и, притянув его себе, стал настаивать, чтобы он обязательно разъяснил, в чем дело. Но тот лишь головой мотал и все повторял:

– Будьте осторожны! Будьте осторожны!

Однако Танский монах изо всех сил вцепился в смотрителя и не выпускал его. Он, видимо, во что бы то ни стало решил, хотя бы ценою жизни, выведать у него всю правду.

Пришлось смотрителю удалить всех служащих и слуг из помещения. Оставшись наедине с монахами, при свете ночника он начал едва слышно рассказывать им:

– Это случилось при нынешнем правителе, человеку беспутном, и лежит на его совести. К чему вам знать об этом?

– В чем же беспутство вашего правителя? – перебил его Танский монах. – Уж ты, пожалуйста, все толком объясни нам. Иначе мы не успокоимся.

– Так вот, знайте, что прежде эта страна называлась государство Нищенствующих монахов бикшу, – ответил смотритель, – а теперь в народе распевают песенки, в которых нашу страну называют Страной детей. Три года назад здесь появился какой-то старец, одетый даосом, который водил с собой девицу лет шестнадцати, – надо прямо сказать, очаровательную и грациозную, а лицом похожую на бодисатву Гуаньинь. Старец взял да и поднес ее в дар нашему правителю, которому она понравилась, и так он ее полюбил, что ввел к себе во дворец и дал ей прозвище Прекрасная государыня. Вскоре он стал коситься на своих законных цариц в трех дворцах и на любимиц в шести палатах и дни и ночи проводил в непрестанных утехах и веселии с молодой красавицей, и вот довел себя до того, что ослаб и духом и телом, перестал есть и пить, жизнь в нем едва теплится. Лекари из придворной лечебной палаты испробовали все лучшие средства, но ничего не помогает. Даоса, который подарил девицу, стали величать государевым тестем. Он знает секрет заморских снадобий, которые могут продлить жизнь. Когда-то ему довелось побывать на трех священных островах, где он собрал все целебные травы. Однако заливать их нужно отваром, приготовленным из сердец и печени тысячи ста одиннадцати детей. Зато действие его снадобья волшебное. Кто выпьет, тот тысячу лет не состарится. В корзинках как раз и находятся дети, которым суждено пойти на приготовление отвара. А родители их не смеют даже плакать из страха перед государем. Вот почему нашу страну стали называть Страной детей. Когда будешь завтра получать пропуск по проходному свидетельству, смотри ничего не говори правителю.

С этими словами он удалился.

Танский монах от страха не в силах был пошевелиться, по щекам его неудержимо катились слезы.

– О неразумный государь, – прерывающимся голосом заговорил он. – Своими неумными желаниями и страстями ты навлек на себя хворь и болезнь, зачем же теперь губить столько невинных детских жизней?! О горе! Великое горе! Сердце мое разрывается от жалости к несчастным детям.

Вот что рассказывают стихи об этом печальном событии:

Правитель той страны
Впал в мерзостную ересь.
Утратив Истину,
Колдунью полюбил.
Коварным замыслам красавицы
Доверясь,
Он душу погубил
И тело погубил.

Ища бессмертия,
Поверив безусловно
Советам демона,
Забыл он стыд и честь.
Чтоб дни свои продлить,
Решил он поголовно
Всех истребить детей,
Сварить сердца – и съесть!

Правдивые слова

Хозяина трактира
Так поразили слух
Монаха-мудреца,
Что вдруг лишился он
Спокойствия и мира,
Лицом на землю пал
И плакал без конца.

Перед светильником
Не прекращал стенанья
И слезы проливал,
Рыдал за часом час,
И к Будде он взывал
В глубины созерцанья,
Молясь, чтоб он детей
От лютой смерти спас.

Чжу Ба-цзе подошел к наставнику и стал утешать его:

– Наставник, что с тобой, ты, как говорится, притащил в дом чужой гроб и оплакиваешь покойника. Знаешь пословицу: «Если государь велит своему слуге умереть, а тот не умирает, значит, он не предан; если отец велит сыну погибнуть, а сын не погибает, значит, он непочтителен!» Ведь правитель губит свой народ, какое же тебе до этого дело?! Ложись спать и не убивайся из-за чужого горя.

– Брат! – обливаясь слезами, сказал Танский монах. – Какой ты бесчувственный! А ведь для нас, людей, покинувших мир суеты, первая заповедь это сострадание и добрые дела. Как же можно допустить, чтобы неразумный государь по своему неразумению совершал подобные поступки! Никто еще не слышал о том, чтобы отвар из человеческих сердец и печенок мог продлить жизнь! Как же мне не горевать и не убиваться?

– Не горюй и не печалься, наставник, – вмешался Ша-сэн. – Завтра утром, когда пойдешь получать проходное свидетельство, поговори с правителем. Если же он тебя не послушает, тогда посмотрим, что за птица тесть государя. Боюсь, что этот тесть как раз и есть злой оборотень, который сам хочет полакомиться человеческим мясом, вот он и придумал такой способ лечения. Все может быть.

– Ша-сэн, пожалуй, верно говорит, – отозвался Сунь У-кун. – Ложись спать, наставник, а завтра я отправлюсь с тобой вместе на прием к правителю. Посмотрим, что из себя представляет этот тесть государя. Если он человек, то, значит, сбился с правильного пути, впал в ересь и зря возлагает все надежды на снадобья, считая их истинным средством исцеления, тогда я, Сунь У-кун, постараюсь обратить его на путь Истины. Если же он злой дух-оборотень, я схвачу его и покажу правителю здешнего государства, каков он в действительности, а затем научу государя умерять страсти и заботиться о своем здоровье; ни за что не дам ему загубить столько невинных детских жизней.

Танский монах так был растроган словами Сунь У-куна, что поспешно поклонился ему и с чувством произнес:

– Брат! Ты прекрасно придумал, молодец! Только у неразумного государя об этом деле нельзя ничего спрашивать, а то он, чего доброго, по своему неразумению обвинит нас в распространении ложных слухов, и тогда не знаю даже, что с нами сделают!

– Ничего, – засмеялся Сунь У-кун, – как-нибудь справимся. А сейчас прежде всего надо унести подальше от города все корзинки с детьми и спрятать их. Местные власти, разумеется, явятся с докладом, а неразумный правитель станет либо советоваться с тестем государя, либо

заставит отобрать столько же детей. Тогда, не опасаясь, что на нас возведут обвинение, и можно будет заговорить с ним об этом деле.

Танский монах очень обрадовался и спросил:

– Как же тебе удастся вынести корзинки из города? – И тут же добавил: – Если ты избавишь детей от гибели, это зачтется тебе, мой мудрый ученик, как великое благодеяние, равное по величине самому небу! Только действуй как можно скорее, ибо малейшее промедление может оказаться роковым!

Сунь У-кун приосанился и начал отдавать распоряжения Чжу Ба-цзе и Ша-сэну.

– Оставайтесь пока с учителем, – говорил он, – и ждите. Я вызову северный ветер, и как только вы услышите его завывание, знайте, что дети уже за городом.

Тут все трое монахов хором прочли псалом:

Я верю в великого Будду,
В спасителя нашего верю...

Великий Мудрец Сунь У-кун вышел за ворота, присвистнул и сразу же поднялся в воздух. Там он прищелкнул пальцами и прочел заклинание.

Тотчас же к нему явились: дух – хранитель города, дух местности, духи очагов, повелители духов пяти стран света, вникающие в суть явлений природы, четыре дежурных божества времени, небесные посланцы Лю-дин и Лю-цзя, а также духи – хранители кумирен. Все они, совершив вежливый поклон, обратились к Сунь У-куну с вопросом:

– Великий Мудрец! Что привело тебя сюда – уж не стряслась ли какая-нибудь беда в ночную пору?

– Идя на Запад, мы попали в страну Нищенствующих монахов, – отвечал Сунь У-кун. – Правитель этой страны оказался человеком беспутным и всецело доверился злему духу-оборотню. А этот оборотень требует сейчас, чтобы ему дали сердца и печенки детей. Он говорит, что они необходимы ему для приготовления отвара, которым правитель должен запить снадобье, приносящее долголетие. Мой наставник не в силах вынести подобного злодейства и желает, чтобы мы спасли детей и уничтожили злого оборотня. Поэтому я и призвал вас всех, уважаемые духи, и прошу каждого проявить свое волшебство и вынести в отдаленные горы и ущелья или в глухие леса на один-два дня все корзинки, висящие на воротах домов в этом городе, в которых находятся маленькие дети. Спрячьте их, кормите разными съедобными плодами, смотрите, чтобы они не голодали и не захворали, не пугались и не плакали. А когда я уничтожу злого оборотня, наведу порядок в стране, уговорю правителя вступить на путь Истины, мы тронемся в дорогу, тогда вы и доставите детей обратно.

Духи тотчас же принялись выполнять приказ Сунь У-куна и стали спускаться на землю, приготовившись пустить в ход волшебные чары. Завыл северный ветер, мгла окутала город.

Внезапно дунул ветер,
Узор померкнул звездный,
И лунный лик, сияющий
Над кругом всей земли,
Закрылся черным облаком,
И взвился вихрь морозный,
И грохот урагана
Послышался вдали.

Все ближе гул зловещий,
Все громче вой и гомон.

И, словно сотни дьяволов
Сюда слетелись вдруг,
Тайфун упал на город
И все затмил кругом он,
И горожан беспомощных
Всех охватил испуг.

Родители кидаются
В туман и мрак кромешный,
Хотят ребят испуганных
Под кровлю увести,
И, не страшась правителя,
Пытаются поспешно
Детей, в гусиных клетках томящихся,
Спасти!

Как было все угрюмо,
И сумрачно, и грозно,
Крутящаяся выюга,
Клубящаяся мгла!
Боролись люди с бурей,
Замерзли на морозе,
Корою ледяною
Покрылись их тела.

Метались, плача, матери
В тревоге безнадежной,
Отцы, рыдая, звали,
Те – сына, эти – дочь,
Дядья и деды древние
Во тьме блуждали снежной,
Хоть жизни не щадили,
Но не могли помочь.

Везде кружились вихри!
И духи-исполины,
По воле Сунь У-куна
Слетевшие на зов,
С дрожащими младенцами
Гусиные корзины
В горах укрыли бережно
И в глубине лесов.

Пусть эту ночь родители
Всю провели в печали,
Безвременно погибшую
Оплавав детвору,
Зато рассвет безоблачный
С веселием встречали,

Найдя детей любимых
У двери поутру.

Об этом знаменательном событии сложены еще и такие стихи:

Как много было их,
Подвижников безгрешных,
Буддийских мудрецов,
Достойных всех похвал!
И звали Мохо⁷ тех,
Кто долго и успешно
Деяния добра и правды
Совершал.

Десятки тысяч их,
Великого Ученья
Святых учеников,
На праведном пути,
Кто в трех прибежищах⁸
Искал успокоенья,
Кто заповедей пять⁹
Старался соблюсти.

И к Будде светлому
Возносятся моления,
Чтоб людям он простил
Былые прегрешенья.
Не царь был виноват,
Забывший стыд и жалость,
К несчастиям детей
В стране бикшу тогда:
Нет, видимо, давно —
В прошедшие года —
В их прежнюю судьбу
Несовершенство вкралось.

Но мудрый Сунь У-кун,
Душой страдая сам,
Всем духам приказал
Спасти детей в корзинах.
И подвиг совершил,
Угодный небесам,
Заслуги превзойдя
Буддийского брамина¹⁰.

⁷ *Мохо* – великий.

⁸ ... *в трех прибежищах*... – Под тремя прибежищами буддисты подразумевают Будду, закон и сарга (духовенство).

⁹ *Пять заповедей*. – Имеются в виду следующие заповеди, обязательные для каждого буддиста: 1. Не убей; 2. Не укради; 3. Не прелюбодействуй; 4. Не лги; 5. Не пей неразумно хмельного.

¹⁰ *Брамин* – буддийский законоучитель.

В ту ночь, в час, когда сменилась третья стража, духи благополучно доставили детей в безопасное место и приютили их там.

Тем временем Сунь У-кун по благодатному лучу спустился на землю и направился прямо во двор почтовой станции. До него донеслась молитва:

Я верю в великого Будду,
В спасителя нашего верю...

Ликуя, вошел Сунь У-кун в помещение и воскликнул:

– Наставник, вот и я! Ну как, бушевал здесь ветер?

– Ну и ветер был! – вставил свое слово Чжу Ба-цзе.

– А что с детьми? Удалось их спасти? – нетерпеливо спросил Танский монах.

– Они все до единого доставлены в безопасное место, – ответил Сунь У-кун. – А когда мы все уладим и отправимся в дальнейший путь, – их привезут обратно.

Танский монах принялся благодарить Сунь У-куна и лишь теперь спокойно улегся спать.

Едва забрезжил рассвет, Танский монах проснулся, привел себя в порядок и позвал Сунь У-куна.

– Брат У-кун! Я пойду во дворец за пропуском, – сказал он.

– Наставник! Боюсь, что один ты там ничего не добьешься! – ответил Сунь У-кун. – Пойдем вместе, посмотрим, что из себя представляет здешний злодей-еретик, заправляющий всеми делами в государстве.

– Как бы своей грубостью ты не навлек гнев правителя, – растерянно произнес Танский монах. – Ведь кланяться ему ты не пожелаешь.

– А он меня и не увидит, – ответил Сунь У-кун. – Я буду невидимо следовать за тобой, а если понадобится, то сразу же приду на помощь.

Ответ Сунь У-куна очень обрадовал Танского монаха. Он велел Чжу Ба-цзе и Ша-сэну сторожить поклажу и коня, а сам собрался в путь. В это время вошел смотритель станции, чтобы повидаться с Танским монахом, и был поражен переменной, происшедшей со вчерашнего дня во внешнем его облике. В самом деле:

...Он теперь одет
В халат буддийский из расшитой ткани
С чудесной яшмой.

На голове
Убор, как у святого Сакья-муни,
И так же волосы уложены.

В руках
Он держит стройный посох с девятью
Большими кольцами. В груди таит он
Незримый луч сияния святого.

И в ладанке из золотой парчи,
Сверкающей узорами, на сердце
Он проходную грамоту хранит.
Ступает плавно, медленно, спокойно,
Как будто он архат, с небес сошедший.

Так он одет. Взгляни, как он похож

На образ светлого живого Будды.

Совершив положенные поклоны, смотритель станции приблизился к Танскому монаху и шепнул ему на ухо, чтобы он не говорил с правителем о делах, которые его не касаются.

Танский монах кивнул в знак согласия и обещал.

Тем временем Великий Мудрец Сунь У-кун шмыгнул к дверям, встряхнулся, прочел заклинание и, превратившись в цикаду, с жужжанием взлетел на головной убор Танского монаха. Тот вышел из помещения почтовой станции и направился прямо во дворец на утренний прием.

У ворот его остановил придворный евнух. Танский монах совершил вежливый поклон и произнес:

– Я – бедный монах, иду из восточных земель, где находится великое Танское государство, на Запад за священными книгами. Ныне, прибыв в ваши земли, я счел своим долгом явиться сюда, чтобы получить пропуск по своему проходному свидетельству. Мне хотелось бы повидаться со здешним правителем. Покорно прошу тебя доложить обо мне.

Придворный евнух отправился с докладом к правителю. Правитель был очень обрадован и произнес:

– Недаром говорится: «Монах из дальних стран к добру имеет талисман!» Вели ему, пусть войдет!

Придворный евнух передал волю своего повелителя Танскому монаху и пригласил его последовать за ним во дворец.

После того как Танский монах совершил церемонию приветствия у ступеней трона, правитель предложил ему взойти на возвышение и сесть рядом с ним. Танский монах учтиво поблагодарил его за честь и милость и уселся на указанное место. Присмотревшись повнимательнее к правителю, Танский монах отметил про себя, что вид у него жалкий и изнуренный. Когда он жестом пригласил Танского монаха занять место, руки у него дрожали, а когда говорил – голос прерывался.

Танский монах показал правителю свое проходное свидетельство, но тот не мог прочесть ни строчки, так как и зрение у него стало слабым, – он несколько раз просматривал бумагу. Наконец взял свою драгоценную печать, приложил ее, а затем поставил подпись, после чего вернул свидетельство Танскому монаху, и тот спрятал его у себя.

Не успел правитель спросить, зачем понадобилось Танскому монаху отправиться за священными книгами, как появился сановник для поручений и доложил:

– Тесть государя изволил пожаловать!

Правитель с трудом сошел со своего ложа, поддерживаемый приближенными евнухами, и встретил прибывшего поясным поклоном.

Танский монах вскочил с места, стал в сторонке и начал исподтишка разглядывать тестя государя. Это был благообразного вида старец даос, он важно, вразвалку шествовал по яшмовым ступеням трона:

Бледно-желтая ткань¹¹
С шелестеньем, приятным для слуха,
С головы ниспадает
В разводах небес девяти¹²,
И от рясы сверкающей
Из журавлиного пуха

¹¹ *Бледно-желтая ткань*. – Бледно-желтый цвет в те времена был цветом императорских эмблем.

¹² *Девять небес*. – Согласно даосским и буддийским верованиям, небеса делятся на девять сфер.

Запах сливы цветущей
Несется за ним по пути.

Три лазурных шнура разукрашенных —
Царственный пояс! —
Туго-натуго
Бедра его оплетают кругом.
Он спокойно ступает,
О будущем не беспокоясь,
В конопляных сандалиях,
С поднятым гордо челом.

И таинственный посох
В руках у него извивался
Из волшебной лианы,
Как змей узловатый, живой.
И парчовый мешочек, блестя,
На груди красовался,
Весь в драконах и фениксах,
Полон волшебной травой.

И чело его, яшмы светлее,
Довольством сияло
И – в сознании власти —
Дышало покоем всегда.
А на грудь, развеваясь по ветру,
Легко ниспадала
Завитая, вся в кольцах,
Седая его борода.

Но зрачки его желтым огнем,
Как у тигра, горели,
И глаза его были длиннее,
Чем брови его.
И струился за ним аромат,
Как из сада в апреле,
И в движениях гордых
Сквозило его торжество!

И у тронных ступеней
Почтительно старца встречали
Сто придворных чинов,
И, отдав ему должную честь,
До земли наклоняясь,
Торжественно все возвещали:
«К государю пришел
Государя возвышенный тесть».

Подходя к трону правителя, старец даже не подумал поклониться, а продолжал идти, гордо подняв голову. Когда же он приблизился, правитель выпрямился, поддерживаемый приближенными.

– Приветствую тебя, тесть государя! – сказал правитель. – Сегодня ты осчастливил меня своим ранним посещением.

Затем он жестом пригласил даоса сесть слева от себя. Танский монах сделал шаг вперед, склонился в глубоком поклоне и вежливо произнес:

– О великий тесть государя! Разреши мне, бедному монаху, справиться о твоём здоровье!

Но тесть государя продолжал важно восседать на своем месте, не отвечая на приветствие.

Затем, повернувшись лицом к правителю, он спросил его:

– Зачем явился этот монах?

– Он из восточных земель, – ответил правитель, – его послал Танский император на Запад за священными книгами. А сюда он пришел получить пропуск по проходному свидетельству.

– Путь на Запад, – засмеялся тесть государя, – зловещ и бесконечен. Что там хорошего?

– Запад издавна славится как страна высшего блаженства, – возразил Танский монах... –

Как же можно говорить, что там нехорошо.

Тут в разговор вмешался правитель государства.

– Хотелось бы знать, верно ли говорят, будто с незапамятных времен монахи – дети Будды? Никак не могу понять! Неужели монахи, уверовавшие в Будду, не умирают, обретают долголетие?

При этих словах Танский монах молитвенно сложил руки и стал объяснять правителю:

– Для того, кто становится монахом, сразу же прекращаются все мирские тревобления, кто постигнет истинную природу, тому все законы больше не нужны. Великий ум, беспредельный в своих знаниях, открыл, что безмятежный покой бывает только пока человек не родится. Человек пребывает в нирване, пока безмолвствуют его природные наклонности. Когда пусты его три мира, он управляет всеми поводами, ведущими к порокам; когда чисты его шесть чувств, то исчезают тысячи семян зла. Ты, повелитель, тверд в Истине и сам все понимаешь: если сердце чисто в своих помыслах, то оно только одно и будет сиять в тебе полным блеском, и если сохранишь в себе такое сердце, то сияние его проникнет во все пределы. Кто праведный, у того нет недостатка в чем-либо, нет также чего-либо излишнего, что можно наблюдать и при жизни; к чему прибегать к исключительным мерам и искать в них спасение, если воображаемые образы принимают какой-либо облик, который сулит недобрый конец? Для начала, чтобы погрузиться в самоотрешение, надо совершить подвижничество, сесть уединенно и предаться самосозерцанию. Основой самосовершенствования, по правде говоря, являются щедро раздаваемые милости и совершение благодеяний. Когда великий мастер не в ударе, он знает, что не следует приниматься ни за какие дела; если хорошо задуманный план не подготовлен к осуществлению, необходимо целиком отложить его. Но если в сердце ты непоколебим, то мечты твои все сбудутся наверняка; кто говорит о том, что силой темной Инь восполнить можно силу света Ян, тот лжет тебе, скажу по правде; он создает тебе приманку для отвода глаз обещанием пустым о долгоденствии твоём. Стоит тебе отказаться вообще от всех мирских желаний, и сразу станут пустыми твои все страсти к предметам и к существам живым. Будь прост во всем и меньше проявляй желаний и любви, тогда и долгоденствие само придет к тебе и станет вечным.

Тесть государя, внимательно слушавший Танского монаха, при последних словах его разразился громким смехом.

– Ха! Ха! Ха! – хохотал он, указывая пальцем на Сюань-цзана. – Вот так монах! Сколько нагородил разной чепухи! Значит, чтобы пребывать в состоянии блаженства, надо обязательно уяснить свою природу? Да ты и сам толком не знаешь, как можно уничтожить свои природные наклонности! Сиди и чахни в своем созерцании. Все это глупые бредни. Недаром сложили про вас меткую поговорку:

Сиди, сиди, сиди, сиди, —
До дырки ты протрешь халат.
Ты – в состоянье «Самади»¹³,
Огонь горит в твоей груди,
А между тем, того гляди,
Хоромы у тебя сгорят!

Видно, ничего он не знает о нас: тот, кто совершенствует себя, чтобы стать бессмертным, заботится о своем здоровье, а кто постигнет учение Дао, тот станет духом проницательнее всех. Возьмешь с собой плетушку и ковш из тыквы-горлянки и пойдешь в горы к друзьям своим. Там соберешь лекарственные травы, какие только есть на свете, будешь ими лечить людей. Собрешь цветов бессмертника, сплетишь из стебельков соломенную шляпу, а из душистого ятрышника набьешь подстилку для постели. Споешь песню, похлопаешь в ладоши, затем уснешь под облаками. Каким же способом постичь учение Дао? Очень просто: повсюду прославляй превыше всего учение наше и правильным его считай. Как воду наговаривать ты научись и как изгонять разбойный дух в мирянах. Потом узнай, как извлекать из неба и земли их лучшие эфиры и собирать цвет жизненных сил, таящихся в Луне и Солнце. И, наконец, ты можешь приступить к тому, чтоб сочетать силы Инь и Ян в пилюле для жизни вечной, соразмеряя огонь и воду, ядро пилюли бессмертия завяжет плод. В числах «два» и «восемь» растворится сила Инь, и станет твой рассудок мутным и неясным, а в числах «три» и «девять» сила Ян расти начнет, и в мрак ты вступишь Преисподней. И будешь ты класть в снадобье, сообразуясь с временами года, все разные вещества, пусть пройдут еще девять оборотов в тигле, где будет вариться твое снадобье, и оно, наконец, будет готово. Тогда ты воссядешь на чудесную черную птицу Луань, и она поднимет тебя в Пурпурный дворец¹⁴, сядешь верхом на белого аиста и поднимешься до самой столицы Нефритового императора. Будешь любоваться всеми красотою небесных чертогов и прославлять таинства учения Дао.

А теперь сравни мое учение со своим – учением Сакья-муни, требующим неподвижного спокойствия и созерцания, подавления в себе всех страстей и угашения духа! Ведь даже когда ты войдешь в нирвану, все равно останется твоя зловонная оболочка и тебе не оторваться от бренного мира! Из всех трех учений¹⁵ нет выше моего. Недаром издавна одно лишь Дао считалось достойным уважения.

Правитель государства от этих слов пришел в неопикуемый восторг. А придворные чины подхватили последние слова тестя государя и стали хором повторять:

– Одно лишь Дао достойно уважения!

Танский монах, видя, что все в один голос восхваляют его противника, пришел в сильное смущение.

Между тем правитель государства велел приготовить постную трапезу для гостей, пришедших издалека, и затем проводить их из города.

Танский монах еще раз поблагодарил за милость и честь и покинул дворец. Не успел он сойти с тронного возвышения и направиться к выходу, как Сунь У-кун очутился возле его уха.

– Наставник! – сказал он. – Этот тесть государя самый настоящий оборотень. А здешний правитель всецело находится в его власти. Ты иди пока на станцию и жди, когда позовут на трапезу, а я побуду здесь, может быть, еще что-нибудь разузнаю.

Танский монах покинул дворец, и тут мы пока расстанемся с ним.

¹³ «Самади» – созерцание мира в огне.

¹⁴ Даосский монастырь в горах.

¹⁵ Под тремя учениями имеются в виду конфуцианство, буддизм и даосизм.

Вернемся теперь к Сунь У-куну. Взмахнув крылышками, он влетел в приемный зал дворца Золотых колокольчиков, сел на изумрудную ширму и вдруг увидел, как из рядов сановников вышел начальник стражи.

– Повелитель мой! – воскликнул он. – Сегодня ночью над городом пронесся сильный ветер, он сорвал все корзины с детьми и унес их. До сих пор никто не знает, где они.

Правитель пришел в ужас от этого сообщения, и в то же время его охватило чувство досады. Обратившись к тестю государя, он с раздражением произнес:

– Не иначе как само небо хочет моей гибели! С каждым месяцем мне становится все хуже, и придворные лекари не в силах вылечить меня. Я был так счастлив, когда ты рассказал мне о своем чудесном средстве, и с нетерпением ждал наступления полудня, когда должны были приготовить отвар. Кто мог подумать, что налетит ветер и унесет корзины с детьми. Видно, так и есть, само небо хочет моей гибели.

– Повелитель! – сказал тесть государя. – Не надо огорчаться. Небо дарует тебе долгую жизнь, и именно поэтому ветер унес детей.

– Как же так? – изумился правитель. – Ведь теперь не из чего готовить отвар, а ты говоришь, что небо дарует мне долгую жизнь.

– Сегодня утром, когда я явился к тебе на прием, – ответил тесть государя, – я увидел прекраснейшее средство для приготовления отвара, которое во много раз сильнее, чем сердца тысячи ста одиннадцати мальчиков. Отвар из них продлил бы тебе жизнь всего на тысячу лет, а средство, о котором я сейчас говорю, даст тебе возможность прожить сотни тысяч лет.

Правитель никак не мог понять, что имеет в виду тесть государя. Наконец тот уступил настойчивым просьбам правителя и сказал:

– У монаха из восточных земель, который идет за священными книгами, весьма благообразный вид. Это значит, что он прошел через десять перерождений в самоусовершенствований. С самого раннего детства ведет монашескую жизнь и еще ни разу не источал из себя первичную жизненную силу. Он в десятки тысяч раз лучше, чем все эти дети. Если приготовить отвар из его сердца и печени и запить им мое чудесное снадобье, то можно прожить целых десять тысяч лет.

Неразумный правитель поверил словам тестя государя.

– Что ж ты мне раньше об этом не сказал? – огорчился он. – Знал бы я, так не отпустил бы его.

– Это легко исправить! – утешил его тесть государя. – Ведь он прежде вкусит трапезу и лишь потом тронется в путь; надо сейчас же отдать приказ закрыть все городские ворота и выделить отряд воинов. Они плотным кольцом окружают здание почтовой станции и постоянного двора, схватят монаха и доставят сюда. Вначале нужно вежливо попросить его отдать свое сердце. Если он согласится, мы вскроем ножом его грудь и извлечем сердце, а затем похороним его с императорскими почестями, можно даже воздвигнуть в честь его храм и приносить жертвы; если же он не согласится, надо связать его и применить к нему силу. Разве это так трудно?

Неразумный правитель послушался совета тестя государя и велел закрыть все городские ворота, а старшим и младшим начальникам дворцовой стражи приказал окружить почтовую станцию и постоянный двор при ней.

Сунь У-кун, который слышал весь разговор, вспорхнул и мигом очутился у почтовой станции. Приняв свой прежний вид, он вошел в помещение и сразу же обратился к Танскому монаху.

– Наставник! Беда! Беда! – взволнованно сказал он.

Танский монах, который только что вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном сытно поел, услышав эти слова, так испугался, что сразу же без чувств упал на пол, весь покрылся холодным

потом и не мог вымолвить ни слова. Ша-сэн кинулся поднимать его, приговаривая: «Наставник! Очнись! Очнись!»

– Ну, какая беда? Какая? – спросил Чжу Ба-цзе. – Ты бы лучше рассказал все толком, да по порядку, чем путать наставника!

– Как только наставник покинул дворец, – торопливо заговорил Сунь У-кун, – я стал следить за всем, что происходило там, и убедился, что тесть государя – злой оборотень. Когда к правителю явился начальник стражи и доложил о том, что ветер унес корзины с детьми, правитель был очень раздосадован, но оборотень сразу же утешил и обрадовал его, сказав: «Это само небо дарует тебе долгую жизнь!» Оборотень уговорил правителя схватить нашего наставника и сварить из его сердца и печени отвар. Он сказал правителю, что это продлит ему жизнь на сотни тысяч лет. Неразумный правитель поверил оборотню и выделил отряд отборных воинов, приказав им окружить станцию и постоянный двор. Кроме того, сейчас сюда явится сановник в парчовой одежде, который будет просить сердце у нашего наставника!

Чжу Ба-цзе захохотал:

– Сострадание мы проявили. Детей спасли! Ветер подняли! А в беду все же попали!

Трясаясь от страха, Танский монах поднялся на ноги и, ухватившись за Сунь У-куна, стал причитать:

– Что же нам теперь делать? Просвещенный ученик мой, скажи, что делать?

– Если хочешь, чтобы все обошлось благополучно, – сказал Сунь У-кун, – то надо «великое» представить «ничтожным».

– Что значит: «великое» представить «ничтожным»? – спросил Ша-сэн.

– Я могу спасти наставника лишь в том случае, если он станет учеником, а я наставником, – сказал Сунь У-кун.

– Я охотно готов стать твоим учеником и даже учеником твоих учеников, если только ты спасешь мне жизнь, – с мольбой в голосе произнес Танский монах.

– Если так, то медлить нечего, – решительно сказал Сунь У-кун и принялся отдавать распоряжения.

– Чжу Ба-цзе! Скорей замеси немного глины, – скомандовал он.

Дурень тотчас же достал свои грабли и наковырял из пола немного земли. Однако он побоялся выйти из помещения, чтоб принести воды, а потому отошел в сторону и поднял полы одежды. Смочив землю, он замесил комок глины и передал его Сунь У-куну. Тот раскатал из земли блин, а затем прижал к своему лицу, чтобы сделать с него точный слепок. Потом он велел Танскому монаху стать перед ним неподвижно и молча, после чего налепил слепок на его лицо, прочел магическое заклинание, дунул волшебным дыханием и произнес: «Изменись!» Танский монах сразу же принял облик Сунь У-куна. Он снял свои одежды и надел на себя одежду Сунь У-куна. А Сунь У-кун поспешил нарядиться в одеяния Танского монаха, щелкнул пальцами, прочел заклинание, встряхнулся и тотчас же принял благообразный вид Танского монаха. Теперь даже Чжу Ба-цзе и Ша-сэну было бы трудно распознать его.

Едва монахи успели преобразиться, как послышались удары в гонги и барабаны и показался целый лес копий и мечей. Это был трехтысячный отряд дворцовой стражи, который прибыл под командой придворных чинов и окружил кольцом почтовую станцию с постоянным двором. Затем монахи увидели сановника в парчовом одеянии, который вошел в помещение и спросил:

– Где здесь почтенный наставник – монах из восточных земель, посланец Танского императора?

Смотритель станции перепугался и повалился в ноги важному наставнику.

– Он находится в следующем помещении для постояльцев, – проговорил смотритель, указывая на дверь.

Важный сановник прошел в помещение, где были монахи.

– Почтенный наставник из Танского государства! – торжественно возвестил он. – Мой повелитель приглашает тебя к себе!

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн стали по обеим сторонам мнимого Танского монаха, а тот вышел к сановнику, совершил церемонный поклон и спросил:

– Не можешь ли сказать мне, великий сановник, о чем хочет говорить со мной твой повелитель?

Тот подошел поближе и, взяв его за руку, сказал:

– Пойдем со мной ко двору. Думаю, что государь хочет взять тебя на службу.

Вот уж поистине:

Обманом оборотень злой
Добру жестокий дал урок.
Монах безмерной добротой
Сам на себя беду навлек.

Если вам интересно узнать, что произошло с Сунь У-куном, обратитесь к следующей главе.

**Глава семьдесят девятая,
из которой вы узнаете о том, как Сунь У-кун нашел
пещеру, поймал укрывшегося в ней злого оборотня и
встретил почтенного духа Долголетия, а также о том,
как правитель государства Нищенствующих монахов
бикшу собственными глазами увидел возвращение детей**

Итак, мы остановились на том, как важный сановник в парчовой одежде взял за руку мнимого Танского монаха и вывел его из помещения почтовой станции. Дворцовая стража сразу же обступила их плотным кольцом и сопровождала до самых ворот дворца. Там придворному евноху было сказано: «Мы пригласили сюда Танского монаха и просим доложить об этом государю».

Евнух поспешно вошел во дворец и сообщил неразумному правителю все, что ему было сказано, а тот отдал распоряжение просить монаха пожаловать к нему.

Войдя во дворец, толпа придворных чинов и служителей опустилась на колени у ступеней трона. Один только мнимый Танский монах невозмутимо стоял посреди зала перед тронными ступенями.

– Правитель! – зычным голосом произнес он. – О чем хочешь ты говорить со мною, бедным монахом?

– Я давно страдаю недугом и никак не могу исцелиться, – с улыбкой ответил правитель. – К счастью, тесть государя посоветовал мне чудодейственное средство. Оно уже готово, нечем только запивать его. Вот я и пригласил тебя, почтенный наставник, чтобы попросить то, из чего необходимо приготовить отвар. Если я вылечусь от своего недуга, то обещаю построить в честь тебя храм. Там круглый год будут приносить тебе жертвы, вечно будут гореть неугасимые светильники и куриться фимиам, чтобы слава о тебе не померкла во веки веков.

– Я – монах, отрешившийся от всего земного, – сказал Сунь У-кун, – ничего у меня нет. Не знаю, что посоветовал тебе тесть государя просить у меня.

– Мне нужны твои сердце и печень, – решительно сказал неразумный правитель.

– Не стану скрывать от тебя, правитель, сердец у меня несколько. Какое тебе нужно? – с самым серьезным видом спросил Сунь У-кун.

Тесть государя не удержался и, тыча пальцем в сторону Сунь У-куна, закричал:

– Давай свое черное сердце! Слышишь?

– Ну что ж! – невозмутимо произнес мнимый Сюань-цзан, – раз на то пошло, давайте мне нож, только живее. Сейчас я вскрою свое нутро. Если там окажется черное сердце, то я сочту своим долгом почтительно преподнести его вам.

Правитель обрадовался, стал благодарить мнимого Танского монаха и велел сановнику для поручений подать кривой короткий нож. Приняв нож и держа его в одной руке, мнимый монах другой рукой расстегнул одежду и выпятил грудь вперед. Затем он взялся за живот левой рукой, держа нож в правой. Раздался характерный звук и из вспоротого живота¹⁶ со стуком посыпались сердца, образовав целую грудку. Гражданские чины от страха побледнели, да и у военных мурашки побежали по телу.

– Оказывается, у этого монаха множество сердец, – удивился тесть государя, наблюдавший за происходившим с тронного возвышения.

¹⁶ По китайским народным представлениям, сердце находится в верхней части живота в области желудка.

Между тем мнимый Танский монах стал ворошить груды сердец, дымящихся кровью, и по одному показывал их собравшимся. Тут было красное сердце, белое, желтое, было сердце алчное, честолюбивое, ревнивое и завистливое, хитрое и коварное, заносчивое, спесивое, пренебрежительное, пагубное, злое, устрашающее, осторожное, невоздержанное и необузданное, скрытное и боязливое и еще много разных нехороших сердец, но черного сердца так и не оказалось.

Неразумный правитель до того был напуган этим зрелищем, что начал отчаянно отмахиваться руками и ногами, язык ему не повиновался и, дрожа всем телом от страха, он мог лишь кричать:

– Убери! Убери!

Наконец Сунь У-куну все это надоело, он снял с себя свои чары и сразу же предстал в своем настоящем виде.

– Государь! – крикнул он. – Ты просто слеп! У всех нас, буддийских монахов, добрые сердца, только у твоего тестя в утробе черное сердце, вот из него-то и хорошо бы приготовить отвар для твоего снадобья. Если не веришь мне, погоди минутку, я сейчас достану его и покажу.

Тесть государя при этих словах вытаращил глаза и стал внимательно разглядывать Сунь У-куна. Он заметил, что «монах» переменялся до неузнаваемости.

И вдруг он вспомнил: это был тот самый Сунь У-кун, которого он знал еще пятьсот лет назад. Тесть государя сразу съезжился и, вскочив на облако, стал быстро подниматься вверх. Сунь У-кун тут же перекувыркнулся в воздухе и закричал:

– Ты куда? Постой! Сейчас я угощу тебя моим посохом.

Тесть государя поспешно вооружился своим посохом, извилистым, как дракон, и бросился навстречу Сунь У-куну. Ну и бой разыгрался между ними!

Вот послушайте:

Большая палица
И посох, как дракон,
Скрестились яростно
В клубах палящей серы.
Был оборотнем тесть правителя.
И он
Лисице облик дал
Прекраснейшей гетеры.

Правитель падох был
До сладостных утех,
Он истомил себя
Порочною любовью.
А оборотень – тесть,
Собрав малюток всех,
Упиться захотел
Младенческою кровью.

Но на свою беду
Колдун не разгадал,
Кто перед ним стоял,
Какой герой могучий,
Не знал, что Сунь У-кун
Врагов уничтожал,

Спасая всех друзей
От смерти неминучей.

Железной палицей
Взмахнув над головой,
Бьет Сунь У-кун врага,
Дыша могучим жаром.
Но оборотень злой
Вращает посох свой,
Отводит в сторону
Удар он за ударом.

От грозной палицы
Летят огонь и дым.
Бледнеют жители,
Бегут, дрожа от страха,
А демон-чародей
Оружием своим
Вздывает до небес
Туман и клубы праха.

Придворные дрожат.
Дрожит весь двор царя.
Трясутся воины,
И, взяв пример с улиток,
Попрятались кто где,
Уже не говоря
Про всех придворных дам,
Наложниц, фавориток.

Сам неразумный царь
От ужаса дрожал,
Закрыв глаза, бежал,
И, позабыв молитвы,
Укрылся в глубине
Дворцовых тайных зал
И в страхе ожидал
Конца ужасной битвы.

А палица меж тем
В руках у силача
Рычала, словно тигр,
Носясь над головами,
Резвилась, прыгала
И рушилась сплеча
На темя колдуна,
Сверкая ободками.

Хоть злого колдуна

Порой бросало в дрожь,
Сражался бодро он,
С врагом в проворстве споря.
Он посохом разил,
И посох был похож
На змея, всплывшего
Из огненного моря.

Большой переполох,
Великая беда
Случилась в этот день
В прославленной столице.
Ее правителям
И жителям тогда
Немало довелось
Узреть и подивиться.

Колдун не избежал
В тот день своей судьбы,
Бежал он,
Словно рысь, в последний раз ощерясь.
Но ясно стало всем
Свидетелям борьбы,
Где зло и где добро,
Где истина, где ересь!

Раз двадцать, а то и больше, сходилась злой оборотень с Сунь У-куном, но не мог устоять против его волшебного посоха с золотыми обручами. Наконец он сделал ложный выпад и превратился сразу же в холодный луч, метнувшись во внутренние покои дворца. Там он схватил подаренную им деву, вывел ее за ворота дворца, обратил ее в холодный луч и вместе с ней исчез.

Сунь У-кун прижал край облака книзу, спустился у самого входа в тронный зал и, войдя в него, обратился к находившимся там многочисленным сановникам:

– Ну и хорош ваш тесть государя! Нечего сказать! Сановники принялись разом отбивать низкие поклоны и изъявлять благодарность мудрому монаху. Но Сунь У-кун остановил их:

– Нечего кланяться! Идите ищите вашего неразумного правителя!

– Когда начался бой, он так испугался, что бросился бежать со всех ног, и теперь мы не знаем, в каком из дворцов он укрылся.

– Ступайте, найдите его, только живее! – приказал Сунь У-кун. – А то Прекрасная государыня утащит его куда-нибудь.

Тут все чины вместе с Сунь У-куном бросились во дворец Прекрасной государыни, но там было пусто: ни правителя, ни его любимицы. Тем временем к Сунь У-куну явились все жены и наложницы царя, обитательницы главного женского дворца, восточного и западного дворцов и шести палат. Все они хором благодарили Великого Мудреца, земно кланялись ему.

– Прошу вас, встаньте! – велел им Сунь У-кун. – Пока еще рано благодарить! Идите лучше и ищите своего повелителя!

Вскоре из дворцовых покоев появилось несколько евнухов, которые вели под руки своего неразумного государя. При виде повелителя все сановники и прочие чины повалились ему в ноги и разом воскликнули:

– О повелитель наш! Как мы признательны сему святому монаху, прибывшему сюда, в нашу страну; он открыл нам, где правда, где ложь. Ведь тесть государя, который исчез, оказался злым оборотнем. С ним исчезла также и Прекрасная государыня.

Услышав эти слова, правитель тотчас же пригласил Сунь У-куна в парадный зал дворца, где низко поклонился ему в знак благодарности, и промолвил:

– Почтеннейший! Почему это ты так сильно изменился? Когда ты прибыл сюда, у тебя был очень благообразный вид.

Сунь У-кун рассмеялся.

– Не стану скрывать от тебя государь, – ответил он. – В первый раз у тебя был не я, а мой наставник, Сюань-цзан, названный брат Танского императора. Я же только его ученик. Зовут меня Сунь У-кун. У наставника еще есть два ученика: Чжу У-нэн и Ша У-цзин. Все они находятся сейчас на постоялом дворе при почтовой станции. Узнав, что ты послушался злого оборотня и замыслил приготовить из сердца и печени моего наставника отвар, чтобы запивать снадобье, я принял облик своего наставника и явился сюда лишь за тем, чтобы привести в покорность злого чародея.

Правитель выслушал Сунь У-куна и приказал самому великому сановнику Тай-цзаю¹⁷ отправиться на почтовую станцию и пригласить Танского монаха и его учеников пожаловать ко двору.

Между тем, узнав о том, что Сунь У-кун принял свой первоначальный облик и вступил в бой со злым оборотнем, Танский монах до того перепугался, что душа у него, как говорится, едва не покинула тела. К счастью, рядом с ним были Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, которые утешали и подбадривали его. Кроме того, наставника томил и мучил зловонный запах глины, наклепленной ему на лицо, и как раз в тот момент, когда он испытывал особое неудовольствие, вдруг за дверьми раздался голос:

– Наставник! Я – Тай-цзай, и явился сюда по приказу моего повелителя просить тебя пожаловать ко двору, где тебе будет воздана благодарность за совершенное благодеяние.

Чжу Ба-цзе не удержался от смеха:

– Наставник! Не бойся! Не бойся! На этот раз тебя приглашают не за тем, чтобы вырезать у тебя сердце; видно, наш Сунь У-кун расправился с оборотнем и тебя зовут, чтобы отблагодарить и отпраздновать победу.

– Возможно, что это так, – скорбно отозвался Танский монах, – пусть меня зовут праздновать победу, но как я покажусь людям в таком виде, с этой зловонной глиной на лице?

– Ничего не поделаешь, – сочувственно произнес Чжу Ба-цзе, – пойдем сперва к Сунь У-куну, пусть он снимет с тебя свои чары.

Танский монах долго колебался и наконец последовал за Чжу Ба-цзе и Ша-сэном, которые несли поклажу и вели коня. Когда они вышли из ворот почтовой станции, Тай-цзай, увидев их, так и обомлел от страха.

– О небо! – воскликнул он. – Да ведь это же самые настоящие чудища!

– Не посетуй на нашу уродливость, – с достоинством произнес Ша-сэн. – Мы не виноваты в этом. А наставник наш сразу же примет благообразный вид, как только встретится со своим старшим учеником.

Трое путников, сопровождаемые огромной толпой, прибыли во дворец и прошли к тронному залу без всякого доклада.

Сунь У-кун, увидев их, поспешно сбежал с тронного возвышения. Он остановился перед наставником, снял с лица его глину, дунул на него своим волшебным дыханием и произнес: «Изменись!» Танский монах принял свой первоначальный облик и сразу же преобразился. Правитель тоже сошел с трона и приветствовал Танского монаха.

¹⁷ Тай-цзай – один из высших придворных сановников императорского двора.

– О мой наставник! – повторял он. – Почтенный Будда!

Тем временем ученики Сюань-цзана привязали коня и подошли к тронному залу представиться. Сунь У-кун завел беседу.

– Государь! – молвил он. – Не скажешь ли нам, из какой страны прибыл к тебе этот злой оборотень. Я хоть сейчас готов отправиться за ним и схватить его вместе с его отродьем, чтобы вырвать с корнем зло.

А надо вам сказать, читатель, что за изумрудными ширмами находились все жены и любимцы государя из трех дворцов и шести палат. Они слышали все, что говорил Сунь У-кун, и при последних его словах, забыв приличие и не смущаясь присутствием посторонних мужчин, вышли из-за ширмы и стали земно кланяться Сунь У-куну.

– Умоляем тебя, святой монах, почтенный Будда наш, соверши свое великое волшебство, яви чудотворную силу, – молили они, – скоси ты прочь всю сорную траву и выполи ее с корнем! Пусть сгинет злое отродье! Поистине ты окажешь нам величайшее благодеяние, которого мы не забудем во всю нашу жизнь.

Сунь У-кун в свою очередь поспешил низко поклониться в ответ на их поклоны и, обратившись к правителю, стал просить его поскорее сказать, где живет злой оборотень.

Превозмогая жгучий стыд, правитель начал рассказывать:

– Три года назад, когда он впервые появился здесь, я как-то раз спросил его, откуда он родом. Он ответил, что живет неподалеку от нашего города, в семидесяти ли к югу отсюда, в селении Цветов на склоне горы Люлиньпо. Там его родина. До преклонных лет у него не было детей, и лишь от второй жены родилась дочь. Когда он явился сюда, девушке исполнилось шестнадцать лет. Он сказал, что она еще никому не просватана, и выразил желание преподнести ее мне в знак своих верноподданнических чувств. Мне очень полюбилась эта девчонка, я взял ее к себе и наслаждался с ней во дворце всеми радостями жизни. Не ожидал я, что получу от нее недуг. Все знаменитые лекари лечили меня, но ничего не помогло. А оборотень взялся вылечить меня: «У меня, – сказал он, – есть чудесное снадобье, только запивать его надо отваром из сердец детей!» Я по своему неразумению поверил ему. У жителей отобрали маленьких детей и сегодня ровно в полдень должны были вырезать у них сердца. Но неожиданно-негаданно явились вы, святые монахи, словно с неба снизошли, а тут еще, как нарочно, исчезли все корзины с детьми. Оборотень давай меня уговаривать, что, мол, сей святой монах в течение десяти поколений совершенствовал себя, ни разу еще не источал из себя изначальную мужскую силу, и если взять у него сердце, то оно окажется в десять тысяч раз полезней, чем сердца всех детей вместе взятых. На меня словно затмение какое-то нашло, не знал я, что вы, святые монахи, распознаете злого оборотня. Осмелюсь молить вас явить свою великую волшебную силу и искоренить на будущее это страшное зло. Готов отдать вам за это все достояние моего государства!

– Не будем ничего скрывать друг от друга, – смеясь ответил Сунь У-кун. – Детей велел мне спрятать мой наставник из чувства жалости и сострадания к ним. А о твоих богатствах лучше не говори. Если я изловлю оборотня, то это зачтется мне как заслуга, вот и все.

Затем, обратившись к Чжу Ба-цзе, Сунь У-кун сказал:

– Пойдем со мною, Чжу Ба-цзе!

– Я бы с удовольствием, – ответил тот, – но у меня в брюхе совсем пусто, надо бы сперва набраться сил!

Правитель, услышав эти слова, тут же распорядился:

– Живей приготовить трапезу!

Не прошло и часа, как угощение было подано.

Чжу Ба-цзе досыта наелся, приободрился и последовал за Сунь У-куном. Они вскочили на облако и умчались. Ошеломленные этим зрелищем, правитель государства, все его жены и наложницы, а также многие гражданские и военные чины, задрав голову вверх, в страхе совершали поклоны.

– Вот уж, право, сущие праведники и истинные Будды снизошли к нам, грешным! – причитали многие из них.

Великий Мудрец Сунь У-кун в сопровождении Чжу Ба-цзе направился прямо на юг, к тому месту, которое отстояло на семьдесят ли от города. Там они придержали ветер и облако и стали искать логово злого оборотня. Их взорам представился чистый ручей, протекавший в узких горных расселинах, сплошь покрытых густыми зарослями ив и тополей, но селения Цветов нигде не было видно. Вот уж поистине:

На десять тысяч цин¹⁸
Раскинулись долины,
И взорам не обнять
Степную благодать.
Под мгlistой тенью ив,
Растущих вдоль плотины,
Селенье спряталось —
И кровель не видеть.

Не находя нигде селения, Сунь У-кун щелкнул пальцами и прочел заклинание. Тотчас же явился местный дух земли, который опустился на колени и дрожа от страха пролепетал:

– Великий Мудрец! Местный дух горы Люлиньпо кланяется тебе до земли!

– Не бойся! – успокоил его Сунь У-кун. – Я вовсе не собираюсь бить тебя. Скажи мне только, где здесь селение, которое носит название селение Цветов.

– Такого селения здесь нет, – отвечал дух, – но есть пещера под таким названием. Теперь я догадываюсь, в чем дело. Ты, Великий Мудрец, вероятно, прибыл сюда из страны бикшу, не так ли?

– Совершенно верно! – подтвердил Сунь У-кун. – Ты прав. Какой-то злой оборотень обманул правителя страны бикшу. Я сразу понял, что обманщик на самом деле оборотень, и тотчас же вступил с ним в бой. Но он превратился в холодный луч и исчез. От тамошнего правителя я узнал, что три года назад этот оборотень подарил ему молодую девицу и что живет оборотень в семидесяти ли к югу от города, в селении Цветов на склоне горы Люлиньпо. Вот я и явился сюда на розыски, увидел гору, поросшую ивами, а селения Цветов не нашел. Поэтому я вызвал тебя, чтобы справиться.

Дух земли снова поклонился до земли и проговорил:

– Великий Мудрец! Молю тебя, прости мне мою вину. Должен сознаться, что правитель страны бикшу – властитель здешних мест. Надо было мне рассказать ему про оборотня. Но оборотень этот обладает огромной волшебной силой, и, если бы он узнал, что я выдал его, он принялся бы истязать и тиранить меня, поэтому я и смолчал. А теперь, раз уж ты, Великий Мудрец, сам явился сюда, я открою тебе тайну, как добраться до него. Ступай на южный берег ручья, там увидишь тополь с девятью большими ветвями. Обойди его кругом: три раза влево и три раза вправо. Потом хлопни по стволу ладонями и три раза подряд кликни: «Откройте ворота!» Ворота откроются, и ты увидишь пещеру Цветов.

Великий Мудрец внимательно выслушал духа, затем велел ему убраться, перепрыгнул вместе с Чжу Ба-цзе через ручей и стал искать тополь, который они действительно скоро увидели. Это было огромное дерево с могучими корнями и девятью огромными ветвями.

– Отойди-ка подальше, – сказал Сунь У-кун, обращаясь к Чжу Ба-цзе, – и стой там, пока я не найду оборотня. А когда я выгоню его из пещеры, принимай его на себя.

¹⁸ Цин – мера площади, равная 17 га.

Чжу Ба-цзе послушался, отошел на пол-ли от дерева и встал там как вкопанный. Тем временем наш Великий Мудрец, следуя совету местного духа, стал кружиться вокруг дерева: сперва три раза влево, потом три раза вправо. После этого он хлопнул ладонями по дереву и трижды произнес: «Откройте ворота!» В тот же миг раздался резкий звук, ворота распахнулись, а от дерева не осталось и следа. Вокруг все сверкало и переливалось всеми цветами радуги, но ни одного живого существа не было видно. Сунь У-кун отважно ринулся в ворота, и взору его открылась удивительная по своей красоте картина:

Разноцветный туман
Кольхался вокруг без конца,
Словно скрылась луна за шелками,
И в отблеске чудном
Зарумянилось солнце.
К ступеням большого дворца
Подступала поляна,
Одетая мхом изумрудным.

И растет и растет
Белоснежный туманный покров.
Травы нежные дышат
Волшебным, живым ароматом,
И дорожка прямая
Бежит по лужайкам покатым
В многоцветном ковре
Из неизвестных чудесных цветов...

Меж стволов
Вьется ветер весенний струей прихотливой,
Пчелы в улья приносят
Цветов ароматную дань.
Этот сад, – как похож он
На остров бессмертья счастливый:
На Пэнлай, на Инчжоу,
На благостный сад Ланьюань!¹⁹

Петли длинные лоз
По сверкающим вьются скамейкам,
И лианы обвили мосты
Над волною реки.
Через камень оград
За нектаром душистым и клейким
Залетают, танцуя среди орхидей,
Мотыльки.

Сунь У-кун быстро зашагал, внимательно глядя перед собой. На каменной плите, служившей экраном перед входом во вторые ворота, он увидел надпись из четырех больших иеро-

¹⁹ *Ланьюань* – название волшебного сада, расположенного якобы в северном отроге Куэньлуня. По преданию, там находятся пять чертогов царицы Сиванму и двенадцать башен для любования природой.

глифов: «Дворец цветов бессмертного старца». Сгорая от нетерпения, Сунь У-кун завернул за экран и увидел самого оборотня. Он держал в объятиях красотку и, захлебываясь, рассказывал ей о том, что случилось в столице страны бикшу. Затем оба они горестно воскликнули:

– Как жаль! Такой хороший случай! Три года собирались и сегодня могли бы завершить все дело, если бы не эта обезьянья морда, которая взяла да все испортила!

Сунь У-кун подбежал к оборотню и, выхватив свой посох, закричал что было силы:

– Я вам задам, мохнатые! О каком это «хорошем случае» вы говорите? Отведайте-ка вкус моего посоха!

Старый оборотень выпустил из объятий красотку и, взмахнув своим посохом, бросился навстречу Сунь У-куну. И вот у пещеры разгорелся бой. Противники дрались не на жизнь, а на смерть, не так, как в первый раз. Вот послушайте:

Лишь палицей
Царь обезьяний взмахнет,
Из палицы брызжет
Огонь золотистый.
И, мрак нагоняя,
Из посоха бьет
Дыханье дракона
Струею нечистой.
– Как смел ты пролезть
Сквозь ворота, злодей? —
Царю обезьян
Закричал чародей.

– Поклялся всех оборотней
Истребить я, —
Великий Мудрец
Отвечает ему.
Колдун свирепеет:
– А ты здесь к чему?
Твоя ли забота,
Что мог обольстить я
Правителя бикшу?
Что девы наитья
Его покорили?
Что отроков тьму
Собрал я
И крови задумал испить я?

Герой отвечает:
– Мой добрый учитель
Велел заступиться
За бедных детей.
Тебя отучу
От кровавых затей!
Меня ты узнаешь,
Коварный мучитель!
Ты Будды святого

Изведаеть власть! —
И палицей в демона
Метит попасть.

В их сердце
Вскипают и ярость и злоба.
О жизни своей
Не заботятся оба,
Пытаясь врага
Захватить врасплох.
Тот – палицей бьет,
А этот – драконом,
И мечутся оба
По склонам зеленым,
И топчут траву
И узорчатый мох.

Заря угасает
В пещере проклятой.
Не слышно
Волшебных цветов аромата.
Сгустилась вокруг
Непроглядная ночь.
Удары оружия
Взвихрили воздух,
И птицы,
Спокойно уснувшие в гнездах,
Взмахнули крылами
И кинулись прочь.
От грохота битвы
Земля задрожала.
Колдунья-красавица
Прочь убежала.

Все яростней битва.
Удары все чаще.
Сражается посохом
Злой чародей.
Но Царь обезьян —
Он мстит за детей! —
Разит его палицей,
Грозно гремящей,
Удар за ударом
Наносит в упор
И гонит злодея
Из тьмы на простор.

Но граблями
Там Чжу Ба-цзе замахнулся,

И демон

Холодным лучом обернулся.

Вам известно, читатель, что Чжу Ба-цзе не пошел в пещеру и, слыша яростные крики и вопли сражающихся, едва удерживался, чтобы не ринуться в бой. Не находя себе места от нетерпения, он взмахнул граблями и изо всей силы ударил по тополю. Огромное дерево со стоном повалилось наземь. В остервенении Чжу Ба-цзе ударил по дереву еще несколько раз, и вдруг из него брызнула алая кровь и послышались звуки, похожие на стон.

– Вот те на! – удивился Чжу Ба-цзе. – Дерево-то, оказывается, оборотень!

Он поднял грабли, готовясь нанести еще один сокрушительный удар, но в этот момент увидел Сунь У-куна, который гнал оборотня из пещеры. Не говоря ни слова, Чжу Ба-цзе бросился вперед и принялся что было силы колотить оборотня. Старый колдун, который и без того уже выдохся, увидев Чжу Ба-цзе с граблями, пришел в смятение и, обратившись холодным лучом, умчался на восток. Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе с воинственными криками помчались за ним. Вдруг их оглушил резкий крик птицы Люань и трубный глас аиста, а вслед затем появился яркий луч света. Они стали всматриваться и узнали в луче старца духа звезды Южного предела неба²⁰. Старец сразу же накрыл рукой, словно колпаком, холодный луч и воскликнул:

– погоди, Великий Мудрец, и ты, полководец звезды Тяньпэн. Дайте мне, старику, поклониться вам, как положено!

Сунь У-кун тотчас же совершил ответный поклон, а затем спросил:

– Брат мой, дух звезды Долголетия, откуда изволил пожаловать?

Чжу Ба-цзе со смехом сказал:

– Эх ты, дурная голова! Накрыл холодный луч. Да ведь ты же поймал оборотня!

– Здесь он! Не уйдет! – тоже засмеявшись, ответил старец. – Прошу вас, пощадите его, оставьте ему жизнь.

– А кем он тебе приходится, брат мой? – удивился Сунь У-кун. – Зачем ты вступился за него и просишь о пощаде?

– Да я ведь ездил на нем, – отвечал старец, – не ожидал я, что он удерет от меня и превратится в оборотня.

– Раз эта тварь принадлежит тебе, прикажи ей показаться нам в своем настоящем виде, – попросил Сунь У-кун.

При этих словах старец выпустил холодный луч и строго прикрикнул:

– Скотина ты этакая! Живо предстань в своем настоящем виде, тогда тебя пощадят!

Тут оборотень встряхнулся – это был белый олень. Старец поднял с земли кривой суковатый посох, приговаривая:

– Какая скотина, а? Даже мой посох уволокла с собой!

Олень, ни слова не говоря, припал к земле и лишь головой кивал, словно отбивая поклоны; из глаз его струились слезы.

Был тот белый олень,
Словно яшма, покрыт письменами.
Он, блаженствуя, пасся
В нагорных целебных садах.
Дух звезды Долголетия
Носился на нем в облаках,
Вдоль Небесной Реки
Пролетая высоко над нами.

²⁰ Звезда Южного предела неба – Южная Полярная звезда, которая считалась в народе обиталищем духа Долголетия.

На рогах красовались
Четырнадцать длинных развилин.
Был он оборотнем,
А теперь навсегда обессилен.
Он тайком обучился
Бесовским заклятьям и чарам:
Колдовать, становиться драконом,
Холодным лучом.

Жил в волшебном дворце он,
И было ему нипочем
Обернуться святым мудрецом
И наставником старым.
Но расплата пришла,
И возмездия ждал его день:
Пред хозяином снова склонился
Покорный олень.

Дух звезды Долголетия простился с Сунь У-куном, сел верхом на оленя и собрался было отправиться в путь, но Сунь У-кун удержал его:

– Постой-ка, брат! – сказал он. – Надо завершить еще два дела.

– Какие там еще дела? – удивился старец.

– Надо поймать его красотку и узнать, что это за тварь, – ответил Сунь У-кун. – Кроме того, мы должны все вместе отправиться в страну бикшу и предстать перед ее неразумным правителем; пусть посмотрит на оборотня в его настоящем виде и откажется от своих прежних повелений.

– Ну что же, – ответил старец, – придется, видно, мне потерпеть. Ступайте с полководцем звезды Тяньпэн в пещеру и изловите красотку. Заодно и ее покажете в настоящем виде.

– Так ты жди нас здесь, брат, – попросил Сунь У-кун. – Мы живо справимся и вернемся сюда.

Чжу Ба-цзе приосанился и направился вслед за Сунь У-куном в пещеру Цветов бессмертного старца.

– Идем за оборотнем! Идем за оборотнем! – кричал Чжу Ба-цзе зычным голосом.

А красотка тем временем дрожала от страха. Бежать было некуда. Услышав крики Чжу Ба-цзе, она спряталась за каменным экраном перед воротами, но задних ворот в пещере не было, – выскочить она не могла, и Чжу Ба-цзе увидел ее.

– Ты куда? – заорал он, видя, как заметалась красотка. – погоди, гнусная тварь, я покажу тебе, как морочить добрых людей! Видишь эти грабли?

У красотки в руках не было никакого оружия, и она, отскочив в сторону, превратилась в холодный луч и помчалась к выходу. Но Сунь У-кун не растерялся и сразу же преградил ей путь. «Бац! Бац!» – раздались удары посохом, и оборотень, потеряв опору в ногах, упал на землю, прямо в пыль, где сразу же принял свой первоначальный облик. Представьте себе, это была лисичка с белой мордочкой! Чжу Ба-цзе не удержался, высоко поднял грабли и одним ударом размозжил ей голову. Бедная лисичка! Еще недавно она была обворожительной красавицей, одним взглядом покоряющей целые города! А сейчас это был неподвижный мохнатый комок.

– Не трогай ее! – закричал Сунь У-кун. – Пусть правитель полюбуется своей красоткой!

Без всякого отвращения Чжу Ба-цзе схватил лисичку за хвост и поволок ее за собой, выйдя вместе с Сунь У-куном из пещеры.

Тем временем дух звезды Долголетия, глядя рукой голову оленя, журил его.

– Ах ты, скот этакий! – говорил он. – Как же это ты провел меня? Оставил своего хозяина, а сам превратился в оборотня! Да если бы я не подоспел сюда, Великий Мудрец избил бы тебя до смерти!

В этот момент к ним подошел Сунь У-кун и спросил:

– Ты о чем тут толкуешь?

– Да вот все браню своего оленя!

Чжу Ба-цзе швырнул лисицу прямо к оленю.

– Не твоя ли это любимая доченька? – злорадно спросил он.

Олень помотал головой и, вытянув морду, стал обнюхивать мертвую лисицу, после чего жалобно замычал. Дух звезды Долголетия хлопнул его по голове.

– Скотина! Довольно с тебя и того, что ты остался жив, – укоризненно сказал он. – А ты еще обнюхиваешь эту падаль!

Он быстро снял с себя пояс, привязал один конец к шее животного, а другой взял в руки.

– Великий Мудрец! – сказал он, обращаясь к Сунь У-куну. – Я готов идти с тобой в страну бикшу.

– Постой! – остановил его Сунь У-кун. – Надо очистить это место от всяких следов нечисти, чтобы впредь она вновь не завелась.

Чжу Ба-цзе, услышав эти слова, сразу же стал ломать растущие вокруг ивы. А Сунь У-кун прочел волшебное заклинание, и перед ним снова предстал местный дух земли.

– Набери скорей сухого хвороста. Мы разведем костер и выжжем всю нечисть, которая здесь завелась, чтобы она больше не причиняла зла людям.

Дух земли покружился: сразу же подул северный ветер и, откуда ни возьмись, появился целый сонм духов-воинов, которые приволокли несметное количество разных сухих трав и сухой камыш. Образовался огромный стог растений, которые сохли в течение двух лет и от одной искры могли загореться, словно облитые гарным маслом.

– Ба-цзе! – крикнул Сунь У-кун. – Не ломай деревья! Давай завалим пещеру этим стогом, подожжем его, и все сгорит дотла.

И действительно, как только взметнулся огонь, пещера Цветов, в которой жил оборотень, превратилась в бушующее море пламени.

После этого Сунь У-кун велел духу земли убраться восвояси. А затем вместе с Чжу Ба-цзе и духом звезды Долголетия, который вел на поводу оленя и тащил лисицу, прибыл ко дворцу правителя страны бикшу.

– Вот тебе твоя красotka, любуйся! – воскликнул Сунь У-кун, указывая на лисицу. – Разве можно было любить ее?

Правитель весь дрожал от страха. Все придворные, в том числе жены и наложницы правителя, увидев Великого Мудреца Сунь У-куна и духа звезды Долголетия, который тащил на поводу белого оленя, оцепенели от страха и принялись отбивать земные поклоны. Подойдя к правителю, Сунь У-кун взял его под руку и, смеясь, сказал:

– Хватит кланяться! Вот этот олень как раз и есть тесть государя. Ты бы лучше ему поклонился!

Правитель не знал, куда деваться от стыда.

– Благодарю тебя, святой монах, за избавление от смерти невинных детей моей страны, – лепетал он. – Вот уж поистине вы оказали нам милость, такую же великую, как само небо!

Затем он распорядился, чтобы приготовили обильную трапезу из постных блюд.

Широко распахнулись ворота восточного дворца, и правитель пригласил туда в знак благодарности духа звезды Долголетия, Танского монаха и его учеников. Танский монах и Ша-сэн приветствовали духа звезды Долголетия вежливым поклоном, а затем они оба заинтересовались белым оленем.

– Каким же образом он мог попасть сюда и натворить столько зла, если принадлежит вам? – спросили они у старца.

Дух звезды Долголетия рассмеялся.

– Вот как было дело, – начал он, – недавно мимо моей горы проносился Восточный князь²¹. Я задержал его у себя и уселся играть с ним в шашки. Не успели мы закончить партию, как эта скотина вдруг куда-то исчезла. Когда гость мой удалился, я пустился на поиски, но нигде не мог его найти. Тогда я стал прикидывать по пальцам, куда он мог деваться, и сообразил, что он может находиться только здесь. Едва я направился сюда, как повстречал Великого Мудреца Сунь У-куна, который прикончил бы эту скотину, если бы я еще немного задержался.

В это время явились слуги с докладом: «Кушать подано!» Каких только не было яств на этом пиру! Вот послушайте:

Числа нет украшениям богатым
У входа в зал. Там – тысячи ковров,
Завес узорных из живых цветов.
Дворец наполнен дивным ароматом.
Для пира пышный стол уже готов,
Парчовой, яркой скатертью накрытый.
Ковер червлёный застилает плиты,
Как облако на утренней заре.
Из ста курильниц фимиам сандала
Плывет, клубясь, до пестрых балок зала.
Стол тонет в золоте и серебре:
Там овощей полны большие блюда,
Приятен вид их, тонок аромат.
В корзинах, сложенные свежей грудой,
Там фрукты разноцветные лежат.
Там звери разные, за рядом ряд,
Отлитые из леденца цветного:
Вот барс, вот пара уток «Юаньян»,
Вот лев, вот конь, вот лев багряный снова,
А вот верблюды и стадо обезьян.
Здесь ковш похож на птицу-рыболова.
Бокала клюв похож на какаду.
Там виноград разложен на виду.
А персики? – один сочнее другого!

Стручков, бобов, орехов разных тьма.
Колючие плоды, личжи, каштаны
И фундуки... А здесь лежат бананы,
И финики, и фиги, и хурма,
Фруктовые пастилы и печенья,
И лакомые сласти на меду —
Все дразнит обоняние и зреньё.
Куски сыров лежат в одном ряду
С творожниками... Просто объеденье!

²¹ Восточный князь – по преданию, небожитель, властвующий над всеми бессмертными праведниками.

Вот в чашах виноградное вино
С густым настоем из сосновых шишек.
На золотых подносах горы пышек!
Душистый рис, наваленный стеной!
Под масляной и сахарной подливой
Разложены, нарядны, горделивы,
Зажаренные овощи, яркие,
Сочны, точь-в-точь пионов лепестки!
Здесь все цветет, дымится и сверкает.
Горячий суп в серебряных котлах,
Настоенный на пряных овощах,
С лапшой, заправлен перцем: разжигает
Желанье он и дразнит жадный вкус.

Все перечислить я и не берусь,
Все кушанья, все блюда, все названья.
А сколько там кореньев и грибов,
Закусок разных – тысячи сортов!
Ростки бамбука, тающие сладко
На языке, как сахар, без остатка.
Все десять самых лучших овощей:
Имбирь нагорный, сладкий лук-порей,
Листы бобовые, латук с салатом,
Петрушка, спаржа, нежный сельдерей
И мальва с мелкокрошенным шпинатом,
В стихах как опишу я сотни блюд,
Их вкус и запах, соус и приправу?
Всех и не счесть, а новые несут!..

На славу пир! – могу сказать по праву.

Гости начали с того, что сперва определили места за столом по порядку старшинства. Первое место было предложено занять духу звезды Долголетия. Танский монах занял второе место. Правитель государства сел напротив. По бокам расселись Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. Далее, слева и справа, уселись несколько великих сановников и советников Тай-ши²², после чего сразу же было отдано распоряжение сановнику, ведавшему музыкой, пением и пляской, начинать представление. Правитель собственноручно подносил гостям пурпурные бокалы, наполненные вином. Один лишь Танский монах не выпил ни глотка.

– Брат! – сказал Чжу Ба-цзе, обращаясь к Сунь У-куну. – Бери все мои фрукты и плоды, а взамен отдай мне все супы и рис.

Сунь У-кун согласился, и Дурень принялся уплетать за обе щеки, ни крошки не оставляя после себя.

Но вот пир подошел к концу, и дух звезды Долголетия стал прощаться. Правитель приблизился к нему, опустился на колени и начал с поклонами молить его дать совет, как избавиться от недуга и продлить жизнь.

– Я, видишь ли, искал своего оленя, а потому не взял с собой никаких пилюль и снадобий, – отвечал дух Долголетия. – Я бы охотно дал тебе совет, как излечиться, но уж больно ты

²² Тай-ши – чин высшего придворного наставника, учителя молодого императора.

слаб и хил, не сможешь выполнить его. Ба! Да у меня в рукаве осталось еще три финика из тех, что я набрал для Восточного князя, когда потчевал его чаем. На, возьми их в подарок!

Правитель тут же проглотил их и почувствовал облегчение: болезнь начала выходить из него. Вот почему впоследствии тот, кто вкушал финики, обретал долголетие.

Чжу Ба-цзе стал просить старца:

– Почтеннейший дух Долголетия! Дай и мне хоть несколько фиников.

– А у меня больше нет при себе! – отвечал старец. – Как-нибудь в другой раз я подарю тебе хоть несколько цзиней.

С этими словами он вышел из восточного дворца, поблагодарил за угощение, подозвал к себе белого оленя, вскочил ему на спину и улетел на облаке.

Мы не станем рассказывать здесь о том, как правитель со своими женами и наложницами, все жители, знатные и простые, возжигали фимиам, кланялись и благодарили.

– Ну, братья, – сказал Танский монах, – и нам пора в путь. Давайте прощаться с правителем.

Но правитель ни за что не хотел отпускать монахов, слезно молил их остаться и просветить его учением Будды.

– Государь! – сказал Сунь У-кун. – Возьми себе за правило отныне поменьше предаваться страстям, побольше совершать тайных благодеяний, во всех делах старайся добром перекрывать зло, и этого будет вполне достаточно, чтобы изгнать болезнь и продлить жизнь. В этом и заключается наше учение.

Тогда правитель велел вынести два подноса с рассыпным золотом и серебром и преподнес его монахам на дорожные расходы. Но Танский монах наотрез отказался взять хотя бы крупицу. Однако правитель государства не унимался. Он велел подать царский выезд, предложил Танскому монаху занять место в своей колеснице, и сам вместе с женами и наложницами выкатил ее за ворота дворца. На всех улицах и базарах толпами собрались жители, каждый хотел хоть чем-нибудь проявить свою благодарность: кто подносил воду, кто возжигал душистый ладан; так наших путников провожали до городских ворот.

Неожиданно налетел сильный ветер, и с воздуха по обеим сторонам дороги плавно опустились корзины – тысяча сто одиннадцать штук. Дети, которые находились в них, громко плакали. Их незримо охраняли дух – хранитель города, дух местности, духи очагов, повелитель духов пяти стран света, четыре божества времени, небесные посланцы Лю-дин и Лю-цзя и, наконец, духи – хранители кумирен. Обращаясь к Сунь У-куну, они воскликнули:

– Великий Мудрец! Мы в точности выполнили твое повеление и укрыли всех этих детей. Ныне, узнав, что ты, Великий Мудрец, расправился с оборотнем и отправляешься в дальнейший путь, мы решили вернуть сюда всех детей.

Правитель вместе со всеми своими приближенными, а так же все сановники и простой народ стали отбивать земные поклоны.

– Благодарю вас всех, уважаемые духи! – громко произнес Сунь У-кун, взглянув на небо. – Возвращайтесь к себе. Я велю всем людям этой страны постоянно приносить вам в благодарность жертвы.

Вновь зашумел, завыл сильный северный ветер и быстро умчался.

Сунь У-кун велел жителям города забрать своих детей. Весть об этом сразу же разнеслась по всему городу. Родители явились, радостные и ликующие, вынимали детей из корзин, обнимали их, называя разными ласковыми именами, некоторые даже прыгали от радости, смеялись, и все в один голос упрашивали Танского монаха и его спутников: «Обязательно зайдите к нам, мы хотим отблагодарить вас хоть чем-нибудь за спасение наших детей!»

Старые и малые, мужчины и женщины без всякого страха подходили к ученикам Сюань-цзана, несмотря на их безобразную внешность; Танского монаха, Сунь У-куна, Чжу Ба-цзе и

Ша-сэна подхватили на руки, взяли под уздцы коня, потащили поклажу и так возвратились в город. Правитель не мог помешать жителям изъявлять благодарность. И вот начались угощения. Кто не мог пригласить к себе монахов, подносил им подарки: монашеские головные уборы, сандалии, одежду, чулки. В общем, всех их снарядили с ног до головы.

Лишь через месяц монахи покинули страну бикшу. Перед их уходом с них срисовали образа, возвели в их честь памятные таблицы в домовых храмах и стали совершать перед ними жертвоприношения. Все это произошло потому, что

Монахи много сделали добра
И тысячи людей спасли от смерти.
Огромная возвысилась гора
Деяний добрых – до небесной тверди!

Если хотите знать, какие еще события произошли после этого, прочитайте следующие главы.

Глава восьмидесятая,
в которой повествуется о том, как дева-
оборотень хотела сойтись с монахом праведным
и как сметливый Сунь У-кун отстоял своего
наставника и распознал в деве злого духа

Итак, сам правитель страны бикшу, все его придворные чины, а также жители столицы провожали Танского монаха и его спутников целых двадцать ли и никак не могли расстаться с ними. Танскому монаху едва удалось покинуть царскую колесницу. Оседлав коня, он тут же распростился со всеми и пустился в путь-дорогу. Долго еще смотрели вслед путникам провожающие и вернулись в город лишь тогда, когда те исчезли из виду.

Прошло много времени, лютая зима сменилась весной, и уже близилось лето, а путники все шли и шли, и не было ни конца ни края полевым цветам в степных просторах, дремучим лесам в неприступных горах. Волшебница-природа поражала своей красотой и пьянила ароматом цветов и трав. Но вот впереди показался огромный горный кряж с неприступными вершинами. Танский монах встревожился, однако не подал вида и спокойно спросил:

– Братья! Что скажете? Можно пройти через эту высокую гору?

Сунь У-кун, как обычно, рассмеялся.

– Наставник! – проговорил он. – Можно подумать, что ты никогда не отправлялся в далекое путешествие. Да разве ты княжич или царевич какой, что живет взаперти и ничего не видит, вроде лягушки, попавшей в колодец. Ведь еще в древности говорили: «Гора дороге не помеха». Зачем же спрашивать, можно пройти или нет.

– Все это верно, – отвечал Танский монах, – боюсь только, что на этих кручах водятся чудовища, которые могут напасть на нас.

– Не беспокойся! – вмешался Чжу Ба-цзе. – Отсюда до страны высшего блаженства, где обитает Будда, не так уж далеко. Уверен, что теперь с нами ничего не случится.

Беседуя, Танский монах и его ученики не заметили, как подошли к подножию горы. Сунь У-кун вооружился своим посохом с золотыми обручами и поднялся на вершину горы.

– Наставник! – крикнул он. – Здесь, оказывается, прекрасная дорога! Она опоясывает горы. Живей поднимайтесь сюда!

Танский монах пришпорил коня.

– Брат Чжу Ба-цзе! Возьми коромысло с поклажей, – попросил Ша-сэн.

Чжу Ба-цзе взвалил поклажу на спину. Ша-сэн взял коня под уздцы, Танский монах покрепче уселся в седле, и они все вместе последовали за Сунь У-куном. С вершины открывался поистине прекрасный вид.

Туман и облака
Вершины обвивали,
Журчали между скал
Десятки ручейков.
Дорога шла
Средь множества цветов,
Что сладкий аромат,
Качаясь, изливали.
О первых летних днях
Кукушки куковали.

Белели сотни груш,
Синели слив плоды,
И ветви зыбких ив,
Растущих у воды,
Румянец персиков,
Кольшась, оттеняли.
Стрижи носились,
Душу веселя:
Знак, что давно
Засеяны поля.

За кряжем кряж
Теснился и сверкал.
Над кручами
Шумели сосны хором.
Нагорный путь
Змеился между скал,
Как спутанный клубок,
Причудливым узором.
Обрывы плющ обвил
И стебли диких трав.
В горах шумели рош
Раскидистые чаши.
Как тысяча клинков,
Стеной грозящей,
Теснились пики,
Над предгорьем встав.

И водопад
С заоблачной вершины,
Гремя, спадает
В гулкие долины...

Наставник попридержал коня, любуясь горными видами. Где-то вдруг защебетала птичка, и невольная тоска по родным местам охватила монаха.

– Братья! – воскликнул он, придержав коня, и сложил стихи:

Ах, с той поры, как волю Сына Неба²³
На государевой табличке²⁴ начертали
И за «парчовой ширмой»²⁵ во дворце
Мне проходную грамоту вручили, —
Не знаю я покоя.

Бросил я
В день «Смотра фонарей»²⁶ страну родную

²³ *Сын Неба*. – В Китае императора считали сыном неба.

²⁴ *Государева табличка*. – Императорские указы и распоряжения обычно писали на деревянной или бамбуковой дощечке.

²⁵ «*Парчовая ширма*», «*Смотр фонарей*», «*двенадцать кряжей Уианьских гор*» – эти слова, помимо их прямого значения, служат названиями костей в одной из древних игр.

²⁶ «*Парчовая ширма*», «*Смотр фонарей*», «*двенадцать кряжей Уианьских гор*» – эти слова, помимо их прямого значения,

И с Танским императором расстался.
Разлука эта мне была горька,
Как для земли горька разлука с небом.
Но только я оставил позади
Торжественные проводы, как разом
Нахлынули опасности и беды:
Лисицы-оборотни, бесы-тигры,
Колдуньи, обольстительницы-ведьмы,
Неслыханные грозы, ураганы,
Лесные дебри и разливы рек —
Все дружно встали на моем пути,
Мне угрожая гибелью.

Давно

Перевалили мы «двенадцать кряжей
Ушаньских гор»²⁷.

И новое несчастье

Меня подстерегает. О, когда ж
Я родину свою опять увижу?

– Наставник! – с укором молвил Сунь У-кун. – Очень уж часто ты грустишь о родине. Человеку, отрешившемуся от мира, это не подобает. Спокойно продолжай свой путь и ни о чем не думай. Недаром еще в древности говорили:

Кто хочет богатства и славы добиться,
Тот с мирным досугом навеки простится.

– Все это верно, ученик мой, – возразил ему Танский монах, – однако мы идем, идем, а я до сих пор не знаю, где страна высшего блаженства, обитель Будды.

– Учитель! – вмешался тут Чжу Ба-цзе. – Думается мне, что Будда Татагата не хочет расставаться со своими книгами, вот и переселился в другое место, зная, что мы идем за ними. Иначе, чем объяснить, что мы никак не можем добраться до его райской обители?

– Попридержи язык! – оборвал его Ша-сэн. – Иди за старшим братом да помалкивай. Не надо только времени терять даром; ведь должен наступить день, когда мы достигнем цели.

Продолжая беседовать, наши путники подошли к густому бору, где росли черные сосны. Тут Танский монах окончательно потерял присутствие духа.

– Сунь У-кун! – испуганно произнес он. – Что же это такое? Не успели мы преодолеть горные кручи, как перед нами вырос дремучий лес? Нет, все это неспроста!

– А что нам лес! – беззаботно ответил Сунь У-кун.

– Как что? – одернул его Танский монах. – Разве не знаешь пословицу: «Кто кажется чересчур честным – не всегда честен. Кто выглядит чересчур добрым, может оказаться злым». Нам не раз доводилось проходить через густые леса, но в дремучей чаще мы еще не бывали!

Вы бы видели, читатель, что это был за лес!

Лес дремучий встал пред нами,
Путь заветный заграждая.

служат названиями костей в одной из древних игр.

²⁷ «Парчовая ширма», «Смотр фонарей», «двенадцать кряжей Ушаньских гор» – эти слова, помимо их прямого значения, служат названиями костей в одной из древних игр.

Он с востока лег на запад
Дикой чащей между скал,
С юга уходил на север
Грозным строем черных сосен,
И в ущельях каменистых
Он проходы заграждал.

На восток глядят, на запад
Грозно вздыбленные кручи.
Сосны мрачные теснятся,
Поднимаясь к небесам.
Там шиповник и терновник
Разрослись стеной колючей,
И лианы всюду вьются
По ветвям и по стволам.

С кряжистых суков свисая,
Петли цепкие скрутились.
Кто, войдя сюда с востока,
Путь на запад обретет?
Кто пройти тот лес возьмется
С севера на юг далекий?
Будет в зарослях кружиться
Целый месяц или год.

Можно в чаще той скитаться
Круглый год, не различая
Ни луны над головою,
Ни огня в ночной дали.
Круглый год блуждать ты будешь,
Не приметив над собою
Звездного Ковша²⁸ на небе,
Хоть пройдешь сто сотен ли!

О, взгляни, какие дебри!
Сколько здесь цветов таится,
Сколько трав растет волшебных,
Им не нужен солнца свет.
Здесь ты ясени увидишь,
Ствол их толстый в семь обхватов,
Лет им тысяча и больше,
Крепче их и выше нет.

Можжевательники седые, —
Десять тысяч лет их возраст!
Сосны черные толпятся,
Что им вьюга и мороз!

²⁸ Звездный Ковш – созвездие Большой Медведицы.

Сколько здесь плодов и ягод!
Сколько персиков пушистых!
Кисло-сладких шаоя²⁹.
Смоков и виноградных лоз!

Все сплелось, срослось, сцепилось,
Перепуталось ветвями,
Все переплелось корнями
Средь извечной тесноты.
Даже сам святой отшельник
Не найдет себе приюта,
Не найдет в лесу дороги,
Сквозь колючие кусты.

Сколько птиц ты здесь услышишь
Сколько пташек голосистых!
Серокрылые кукушки
Здесь кукуют без конца.
Нежно голуби воркуют,
Дикие орлы клекочут,
И суровый старый ворон
Кормит жадного птенца.

Заливаясь звонкой трелью,
Там летает пересмешник,
Иволга порхает в танце
И уносится, крича.
Там хвостатые стрекочут
Вороватые сороки,
Стаи ласточек взлетают
И кружатся, щебеча.

Суется попугай,
То трещат и звонко свищут,
Сквозь лианы пролетая,
Сквозь кусты и бурелом,
То стараются упрямо
Говорить по-человечьи,
Разные слова бормочут,
Как заученный псалом.

Там зверей ты встретишь хищных.
Старый тигр таится в чаще,
Меж стволов скользит неслышно,
Скалит зубы, бьет хвостом.
Престарелые лисицы
Роют норы в темных недрах,

²⁹ Шаояо – целебные плодовые деревья, произрастающие на Юге Китая.

В обольстительниц-колдуний
Превращаются потом.

Слышишь, волк завыл угрюмо?
Все живое содрогнулось.
В этих дебрях заповедных
Страшно путнику блуждать.
Сам небесный император
И могучий Вайсравана, —
И они могли от страха
В этой чаще задрожать!

Однако Сунь У-кун действительно ничего не боялся. Он шел впереди, прорубая дорогу посохом, и вел Танского монаха в самую чащу леса. Целых полдня блуждали путники по лесу, которому не было ни конца ни края.

Танский монах, наконец, не выдержал и взмолился:

– Братья! Здесь так хорошо и спокойно, как еще не бывало ни в одном из многих лесов, через которые нам пришлось пройти. Вы только посмотрите, какие замечательные цветы, удивительные растения! Так хотелось бы посидеть здесь хоть недолго. И конь бы передохнул. А ты, Сунь У-кун, тем временем сходил бы да раздобыл чего-нибудь поесть. Я что-то проголодался.

– Ну что ж! – отвечал Сунь У-кун. – В таком случае слезай с коня, наставник! Я постараюсь принести тебе чего-нибудь.

Танский монах послушался Сунь У-куна и спешил. Чжу Ба-цзе крепко-накрепко привязал коня к дереву, а Ша-сэн опустил на землю поклажу, достал патру и передал ее Сунь У-куну.

– Сиди на месте, наставник, и ничего не бойся! – проговорил Сунь У-кун. – Я мигом слетаю туда и обратно.

Танский монах уселся под сенью сосны, а Чжу Ба-цзе и Ша-сэн стали собирать цветы и ягоды, чтобы поразмяться.

Сунь У-кун одним прыжком поднялся высоко в небо, встал на благодатное облачко и, взглянув вниз, увидел сияние. Оно исходило из лесной чащи.

– Чудесно! Замечательно! – не утерпев, воскликнул Сунь У-кун, желая воздать хвалу Танскому монаху, истому праведнику. Он совершенствовался целых десять поколений, и вот теперь над головой его незримо сиял благовещий нимб.

– Я, старый Сунь У-кун, – продолжал Царь обезьян, – пятьсот лет назад учинил великое буйство в небесных чертогах, на чудесном облаке долетал до конца земли, побывал на краю неба, собрал вокруг себя целую толпу оборотней и провозгласил себя Великим Мудрецом, равным небу, покорял драконов и укрощал тигров, вычеркнул себя из книги смерти. Я, старый Сунь У-кун, носил трехъярусную золотую корону, надевал золотую кольчугу и латы, в руках держал посох с золотыми обручами, на ногах носил башмаки, шагающие по облакам! У меня в услужении находилось сорок семь тысяч покорных мне духов-оборотней, которые величали меня: «Отец наш, Великий Мудрец». Но теперь я превратился в человека, избавился от небесной кары и стал твоим покорным слугой и учеником. Это благовещее сияние вокруг твоей головы, чудесный мой наставник, говорит о том, что тебя ждут многие блага по возвращении в восточные земли, стало быть, и мне, старому Сунь У-куну, безусловно выпадет счастье получить истинное перерождение.

Пока Сунь У-кун рассуждал так с самим собою, с южной стороны неба, из-за леса, вдруг показался черный дым, который стал быстро подниматься вверх.

Сунь У-кун вздрогнул.

– В клубах этого дыма, – проговорил он, – несомненно, кроется злой дух. Не может быть, чтобы от Чжу Ба-цзе и Ша-сэна могло исходить нечто подобное...

Пока Сунь У-кун думал да гадал, откуда мог взяться черный дым, Танский монах сидел в лесу, погружившись в глубокое созерцание своей внутренней природы, и напевал сутру о великомудром брамине, впавшем в нирвану. Вдруг раздался жалобный крик: «Спасите! Спасите!» Танский монах сильно встревожился.

– Да восторжествует благо! – воскликнул он. – Кто может взывать о помощи в этой глухой лесной чаще? Может, волк задрал кого-нибудь или тигры и барсы напугали? Надо пойти посмотреть!

С этими словами он встал с места и пошел на крик. Он миновал тысячелетние кипарисы и в десятки раз более старые сосны, перелез через густые поросли разных вьющихся растений и, наконец, очутился рядом с несчастным существом. Он увидел женщину: верхняя часть ее тела была привязана лианами к стволу огромного дерева, а нижняя часть закопана в землю. Танский монах замер на месте и обратился к женщине с вопросом:

– О добрая женщина! Скажи мне, за что тебя привязали к дереву?

Танский монах своими плотскими очами не мог распознать в женщине злого духа. Между тем в ответ на участливое обращение женщина залилась слезами. Ее румяное личико, по которому катились слезы, было настолько прелестным, что рыбы в смущении скрывались на дно, а гуси садились на землю. Глаза ее, полные скорби, были настолько прекрасны, что луна от стыда за свое безобразие укрылась бы за облака, а цветы в смущении опустили бы головки.

Танский монах не решился приблизиться к ней и, стоя на месте, продолжал спрашивать:

– О добрая женщина! Какое же ты совершила преступление? Скажи мне, бедному монаху. Может быть, я смогу помочь тебе?

Тут оборотень стал морочить Танского монаха хитрыми речами и выдумками.

– О наставник! – воскликнула женщина. – Мои родители живут в стране Нищих браминов, в двухстах ли отсюда. Они добрые, хорошие люди, всегда жили в согласии друг с другом, а также со всеми родными и друзьями. Но случилось так, что в этом году, в день поминовения усопших, они пригласили всех родных, а также всех домочадцев, и старых и малых, на родовое кладбище, чтобы привести в порядок могилы предков. Кто в паланкине, кто верхом прибыл за город на кладбище. Но как только мы начали обряд жертвоприношения и стали жечь фигурки коней из бумаги, раздались удары в гонги и барабаны, а затем на нас набросилась шайка грабителей с ножами и дубинами. Они грозили убить нас. Мои родители и наши родственники, спасая жизнь, бросились бежать. Я же от страха не могла даже пошевелиться и лежала на земле без движения. Грабители схватили меня и уволокли в горы. Их старший главарь хотел сделать меня своей женой, но я полюбилась и второму главарю, и третьему, и четвертому, да и многим другим. Они стали ссориться между собой, никак не могли сговориться и потому решили привязать меня к этому большому дереву, а сами куда-то скрылись. Пять дней и пять ночей я терплю эти невыносимые муки. Мне казалось, что смерть уже совсем близко. Не знаю, кто из моих предков и в каком поколении совершил добродетельный поступок, но, видимо, само небо послало мне тебя. Умоляю, прояви милосердие, спаси меня. До конца дней своих не забуду я твоего благодеяния, даже когда сойду в подземное царство!

Женщина умолкла, и слезы снова хлынули из ее глаз.

Танский монах – по натуре своей человек сердобольный – не выдержал и тоже заплакал. Всхлипывая, стал он звать своих учеников:

– Братья!

Бродившие поблизости Чжу Ба-цзе и Ша-сэн слышали зов своего наставника.

– Уж не повстречался ли наш учитель с каким-нибудь своим родственником? – высказал предположение Чжу Ба-цзе.

Ша-сэн рассмеялся.

– Вот еще, вздор какой! – сквозь смех проговорил он. – Сколько времени идем и не встретили на своем пути ни одного доброго человека! Откуда же мог взяться здесь родственник нашего учителя?

– Чего же ради наставник расплакался? – упорствовал Чжу Ба-цзе. – Пойдем, увидишь, чья правда.

Ша-сэн вернулся, отвязал коня, взвалил поклажу и крикнул:

– Учитель! Зачем ты звал нас?

Когда ученики подошли к своему наставнику, тот указал им рукой на дерево.

– Чжу Ба-цзе! – вскричал он. – Освободи эту добрую женщину! Спаси ее от смерти!

Чжу Ба-цзе, не задумываясь над тем, что может случиться, начал действовать.

Вернемся теперь к Великому Мудрецу Сунь У-куну, который все еще пребывал в воздухе. Заметив, что черное облако сгущается и накрыло светлое сияние, он воскликнул:

– Дело дрянь! Уж не напал ли злой дух на нашего наставника? Бог с ним, с пропитанием, это пустяки. Надо скорей вернуться и узнать, что случилось с учителем!

С этой мыслью Сунь У-кун тотчас повернул назад свое облачко и спустился в лесной чаще. Увидев, что Чжу Ба-цзе распутывает веревки, Сунь У-кун кинулся к нему, схватил за ухо и так ударил, что Дурень сразу же повалился наземь.

– Ты что же это ни с того ни с сего повалил меня? Силу свою пробуешь, что ли? – спросил Чжу Ба-цзе, поднимаясь с земли. – Мне наставник велел спасти человека!

– Брось! Не развязывай! – усмехнувшись, сказал Сунь У-кун. – Это же оборотень! Видишь, как плачет, чтобы обмануть нас!

– Ах ты, несносная обезьяна! – в сердцах воскликнул Танский монах. – Явился со своими глупыми выдумками! Как только тебе в голову пришло, что эта несчастная дева – оборотень?!

– Наставник, ничего ты не понимаешь! – отвечал Сунь У-кун. – Все эти штучки мне хорошо известны. Обратни, когда хотят полакомиться человеческим мясом, всегда так поступают.

Чжу Ба-цзе надулся.

– Учитель! – злобно проговорил он. – Не верь ты ему, конской заразе! Обманывает он тебя! Девица эта из здешних мест, а мы пришли сюда из далекой восточной земли, никогда не имели с ней никаких дел, она не родственница нам, не возлюбленная. Зачем же зря говорить, что она оборотень?! Это он услал нас вперед, а сам тем временем явился сюда, сделал с ней все, что ему было надо, а теперь валит весь грех на нее!

– Негодяй! – вскипел Сунь У-кун. – Замолчи! Да разве за все время нашего путешествия я совершил хоть один проступок? А вот ты, обжора, только и думаешь, как бы удовлетворить свою похоть, и ради выгоды готов отца родного продать. Сознайся, уж не сам ли ты захотел породниться с ней, да и привязал ее к дереву!

Танский монах принялся мирить их:

– Полно! Полно, Чжу Ба-цзе! Твой старший брат часто бывает прав. Раз он так говорит, давайте оставим ее здесь, бог с ней! Пойдем дальше своей дорогой!

– Вот это правильно! – в восторге воскликнул Сунь У-кун. – Значит, тебе, наставник, покровительствует сама судьба! Скорей садись на коня. А как только выберемся из леса, найдутся люди, которые не откажут нам в подаянии.

Все четверо двинулись вперед, оставив оборотня привязанным к дереву.

Оставшись в лесу, оборотень, скрежеща зубами от ярости бормотал:

– Много раз слыхала я о том, что Сунь У-кун обладает огромной волшебной силой, и вот нынче сама убедилась в том, что не зря про него идет такая молва. Зато Танский монах – совсем еще невинный отрок. Он сохранил свое целомудрие и, видимо, ни разу еще не источал из себя мужской силы. Я бы приворожила его к себе и сочеталась бы с ним брачными узами, чтобы

обрести бессмертие, а эта обезьяна распознала меня, разбила все мои замыслы и увела монаха от меня. Освободи они меня от веревок, я тут же вцепилась бы в Танского монаха и завладела им! А теперь выходит, что зря я старалась. Пстой! Позову-ка его еще разок! Посмотрим, что из этого получится!

Дева-оборотень, не дотрагиваясь до лиан, которыми была привязана, произнесла несколько ласковых слов и, легонько дунув, пустила их с попутным ветерком вдогонку, прямо в уши Танскому монаху. Хотите знать, о чем взывала она? Вот ее слова:

– О наставник! Как мог ты не пожалеть человеческой жизни и обречь меня на верную гибель? Как после этого ты сможешь поклониться Будде и просить у него священные книги?

Услышав эти слова, Танский монах тотчас же придержал коня и воскликнул:

– Сунь У-кун! Ступай назад и освободи деву от веревок.

– Что это ты, наставник, опять вспомнил про нее? – удивился Сунь У-кун.

– Да она ведь кричит! – ответил Танский монах.

– Ты что-нибудь слышишь? – спросил Сунь У-кун, обращаясь к Чжу Ба-цзе.

– У меня, должно быть, уши заложило, – ответил тот, – ничего не слышу.

– Ну а ты, Ша-сэн, что-нибудь слышал?

– Мне что-то ни к чему: иду себе с ношей, ни о чем не думаю, поэтому ничего не слышу, – ответил он.

– Вот и я тоже ничего не слышу, – сказал Сунь У-кун, обращаясь к Танскому монаху. – Ты скажи, наставник, что она там кричит?

– Упрекает меня, – ответил Танский монах, – и совершенно справедливо. Говорит, как смогу я предстать перед Буддой и просить у него священные книги после того, как оставил ее погибать в лесу. Знаешь поговорку: «Спаси человеческую душу лучше, чем выстроить семи-ярусную пагоду». Живо ступай, освободи ее! Сейчас это, пожалуй, важнее, чем священные книги и поклонение Будде!

Сунь У-кун дерзко рассмеялся:

– Наставник! Раз тебе так приспичило совершить доброе деяние, то ничего не поделаешь, снадобья от этого нет никакого! Но ты вспомни, сколько гор тебе пришлось перейти за то время, что ты покинул восточные земли! Сколько злых дьяволов-оборотней попадалось в этих горах? Они хватили тебя, тащили в свои пещеры, а мне, старому Сунь У-куну, то и дело приходилось пускать в ход свой посох, убивать всяких бесов, чтобы выручать тебя из беды. И вдруг сейчас ты решил проявить жалость к какой-то ведьме-оборотню и хочешь, чтоб я спас ее.

– Вот что я скажу вам, братья мои, – серьезно проговорил Танский монах, перебивая Сунь У-куна. – Еще древние люди говорили: «Если можешь совершить благодеяние, пусть самое малое, никогда не пренебрегай им; если же совершил злодеяние, не оправдывайся тем, что оно невелико». Послушай меня, Сунь У-кун, и спаси несчастную деву!

– Ах, вот как! – грубо воскликнул Сунь У-кун. – Раз уж на то пошло, то скажу тебе прямо, что это дело мне, старому Сунь У-куну, не под силу! Если хочешь спасти оборотня, спасай, я не смею больше отговаривать тебя, а то ты опять разозлишься. Поступай как хочешь, только спасай ее сам!

– Замолчи! – крикнул Танский монах. – Оставайся здесь, а я с Чжу Ба-цзе пойду освобожу ее.

Танский монах вернулся в лес, велел Чжу Ба-цзе развязать лианы, которыми дева была привязана к дереву, затем приказал ему вырыть граблями нижнюю часть ее тела из земли. Дева-оборотень вылезла из ямы, расправила затекшие члены, оправила свои одежды и пошла за Танским монахом из леса, радостная и довольная. Сунь У-кун, увидев их, стал зло смеяться.

– Ты что смеешься, обезьянья морда! – выругал его Танский монах.

– Чего смеюсь? А вот послушай:

Когда улыбается счастье,
Хорошего друга ты встретишь.
Когда угрожает несчастье,
Прекрасную деву заметишь!

Танский монах окончательно обозлился:

– Негодная ты мартышка! Болтаешь всякий вздор! От самого рождения и до сей поры я веду монашеский образ жизни. Я получил царское повеление отправиться на Запад, и вот сейчас спешу с почтением поклониться Будде и попросить у него священные книги; я не похож на тех, кто гонится за выгодой. Как же ты смеешь говорить, что мне угрожает несчастье?

– Наставник! – с улыбкой перебил его Сунь У-кун. – Ты в самом деле с младенческого возраста стал монахом, вот потому, видно, и не знаешь мирских порядков и законов, а умеешь только читать каноны и молиться Будде. Девушка эта молода, смазлива, а мы все – монахи, отрешившиеся от земных утех. Если мы пойдем с ней вместе и по дороге встретим дурного человека, нас схватят, сдадут властям и обвинят в прелюбодеянии; не посчитаются с тем, что мы направляемся на поклон к Будде за священными книгами. А если нас и не обвинят в прелюбодеянии, то начнут допытываться, не похитили ли мы деву, чтобы получить выкуп. А за это с тебя, наставник, спросят ставленную грамоту³⁰, да еще избыют до смерти; Чжу Ба-цзе будет осужден на каторгу, Ша-сэна отправят в ссылку, да и мне, старому Сунь У-куну, непоздоровится. Как примутся мучить да терзать, так никакие речи не помогут.

– Хватит врать! – прикрикнул на него Танский монах. – Спасал деву я один, с меня и спросят. Вы тут ни при чем!

– Хотя вы и говорите, наставник, что за все ответите сами, – возразил Сунь У-кун, – но, видимо, не подозреваете, что на самом деле не спасаете, а губите человека.

– Отчего же? – удивился Танский монах. – Я спас ее и вывел из леса, а ты говоришь, что я гублю ее!

– В лесу, – стал пояснять Сунь У-кун, – она умерла бы с голоду через несколько дней, а то и через полмесяца, но после этого душа ее благополучно переселилась бы в царство теней. Ты ведь едешь верхом на быстром коне, мы и то еле поспеваем за тобой. Как же сможет угнаться за нами дева, с такими крохотными ножками? А стоит нам упустить ее из виду, как на нее нападут тигры, барсы или злые волки, они растерзают ее на части, вот и выходит, что ты станешь виновником ее гибели. Правду я говорю?

Танский монах задумался.

– Пожалуй, ты прав! – сказал он. – Хорошо, что надоумил меня. Как же нам быть теперь?

– Возьми ее в охапку, и пусть она едет с тобой вместе верхом, – смеясь предложил Сунь У-кун.

Танский монах задумался и, наконец, сказал:

– Да разве к лицу мне вдвоем с девицей ехать верхом на лошади?!

– Но не может же она идти за тобой, – не унимался Сунь У-кун.

– Я велю Чжу Ба-цзе нести ее! – решительно произнес Танский монах.

– Ну, Дурень, – захихикал Сунь У-кун, – повезло тебе. Счастье выпало на твою долю!

– Ну и повезло! – сердито отозвался Чжу Ба-цзе. – «В дальней дороге не бывает легкой ноши», – продолжал он, – подумаешь, какое счастье тащить ее на спине!

– Морда у тебя длинная, – захлебываясь от смеха, трунил Сунь У-кун, – запрокинь ее назад, да и веди любовные разговоры. Очень даже удобно!

Чжу Ба-цзе не стерпел таких насмешек. Он стал бить себя кулаком в грудь и топтать ногами от ярости.

³⁰ Ставленная грамота – свидетельство, которое выдается монахам, принявшим постриг.

– Вот наказание так наказание! Ты лучше избежь меня, наставник, я стерплю боль от побоев, только не заставляй нести ее. Ведь после Сунь У-кун всю жизнь будет порочить мое доброе имя. Я хорошо его знаю, он ведь такой... Нет! Ни за что не понесу!

– Ну ладно, ладно! – стал успокаивать его Танский монах. – Я вполне могу идти пешком. Вот слезу сейчас с коня, а Чжу Ба-цзе пускай ведет его, вот и все!

Сунь У-кун разразился громким хохотом:

– Вот везет нашему Дурню: всегда оказывается при деле!

– Опять за свое, обезьянья морда! – оборвал его Танский монах. – Знаешь, что говорили древние люди: «Добрый конь способен пройти тысячу ли, но сам без человека никуда не направится!» Допустим, что я буду идти очень медленно. Неужели вы бросите меня одного на дороге? Конечно, нет. Вы тоже пойдете медленно. Мы все вместе, с этой доброй женщиной, спустимся с горы, и там, может быть, найдем какой-нибудь монастырь, скит или просто селение, где и оставим ее на попечение добрых людей. Таким образом, мы спасем ей жизнь.

– Наставник прав, – сказал Сунь У-кун с самым серьезным видом, – идемте же скорей!

Танский монах бодро пошел впереди, за ним последовал и Ша-сэн с поклажей и Чжу Ба-цзе, который вел порожнего коня. За Чжу Ба-цзе шла дева, а за ней Сунь У-кун, держа наготове железный посох.

Так прошли они двадцать, а то и все тридцать ли. Начало смеркаться. Вдруг они увидели какие-то строения с башнями.

– Брат! – обратился Танский монах к Сунь У-куну. – Я убежден, что это какой-то богатый монастырь! Вот здесь и попросимся на ночлег, а завтра ранним утром отправимся дальше.

Сунь У-кун поддержал его:

– Наставник правду говорит! Так и сделаем. Ну-ка, подтягивайтесь поживей!

Вскоре они подошли к воротам.

– Вы обождите меня здесь, – сказал Танский монах, – а я пойду проситься на ночлег. Если мне не откажут, позову вас!

Путники расположились под ивами, только Сунь У-кун стоял и наблюдал за девой.

Наставник пошел вперед. Подойдя к воротам, он увидел, что они покосились. Кругом царило запустение и не было ни души. Танский монах приоткрыл ворота и стал осматривать двор. Сердце его сжалось от грусти и скорби: длинная галерея вокруг храма была пуста. Древний монастырь казался покинутым, когда-то богатый двор порос мхом и лишайником, дорожки заросли бурьяном. То тут то там мелькали светляки, словно летающие фонарики, не слышно было колокола, отбивающего часы, лишь раздавалось кваканье лягушек. У праведного монаха потекли из глаз непрошеные слезы. Вот как выглядел этот монастырь:

Храм разрушен,
И кровля успела, прогнив, обвалиться,
В кельях тихо и пыльно.
И гонга не слышится звон.
Всюду битый кирпич
И поломанная черепица.
Балки, треснув, прогнулись.
Столбы покосились колонн.

В кухне пусто,
Завален очаг перепрелою гнилью.
И трава разрослась
На парадных и черных дворах.
Украшенья разбиты,

И плиты подернулись пылью.
Барабаны без кожи.
И башня рассыпалась в прах.

Многоцветных лампад
Перебиты узорные стекла.
Потускнел образ Будды.
Упали архаты вокруг.
И богини чело Гуаньинь,
Словно глина, размокло.
И она уронила
И чашу и ветку из рук.
Дни за днями проходят,
И здесь ты не встретишь монаха.
Только вихри в провалах
И в каменных сводах поют.
Только тигр иногда забредает,
Не ведая страха,
Только барс и лисица
Ночами находят приют.

Покривились столбы
Монастырской старинной ограды.
Повалился забор,
И молельня вот-вот упадет.
И калитка распахнута настежь
И створки ворот.
Грустно людям бродить меж развалин,
А демоны – рады.

Старинный монастырь,
Заброшенный, затих.
Лишь ветры
В храмину слетаются пустую.
И зимние дожди
Размыли лик святых,
И Будды голову
Размыли золотую.

Сквозь трещины в стене
Глядит глухая даль.
И даже духу тьмы
Ночлег здесь дик и страшен.
Разбитый колокол
В душе родит печаль...
Жаль древней звонницы
И жаль упавших башен.

Набравшись храбрости, Танский монах прошел через вторые ворота. Здесь он увидел развалины колокольни и сторожевой башни. Его внимание привлек медный колокол, вросший в землю. Верхняя его часть покрылась белым, как снег, налетом, а внизу он стал синим, как индиго. Произошло это оттого, что колокол долго лежал под открытым небом. Белый налет на верхней его части образовался от дождей, а синева – от испарений земли. Поглаживая колокол рукою, Танский монах стал причитать над ним:

Ты когда-то
На башне высокой висел
И качался на балке,
Резной и богатой.
Ты рассвет, как петух,
Возвещал нам когда-то,
И, прощаясь с закатом,
Твой голос звенел.

Где ж прилежный умелец,
Подвижник простой,
Тот, кто гулкую бронзу
В горниле расплавил?
Расскажи, где ваятель,
Где мастер святой,
Кто в узорную форму
Струю золотую направил?

Скрылись оба в подземных чертогах
В назначенный час.
Имена их забыты.
Твой голос угас.

Танский монах стал громко вздыхать и охать, не подозревая, что растревожит обитателей монастыря. Первым услышал его голос монах, ведавший возжиганием лампад и фимиама. Он поднялся с земли, подобрал обломок кирпича и кинул его прямо в колокол. Раздался металлический звук. Танский монах с перепугу повалился наземь, затем хотел бежать, но зацепился за корень дерева и снова упал. Лежа на земле, он поднял голову и стал звать:

Упавший колокол!
Я плакал средь развалин
Об участи твоей
В вечерней тишине.
В безлюдных сумерках
Ты вдруг ответил мне
Могильным голосом,
И гул твой был печален.
Испуганный монах,
Подумал я, скорбя,
Что оборотня дух
Вселился и в тебя.

Тем временем монах подбежал к Сюань-цзану, помог ему подняться и учтиво сказал:
– Прошу тебя, отец, вставай скорей! Не думай, будто колокол превратился в оборотня, это я только что кинул в него осколком кирпича, вот он и звякнул!

Танский монах поднял голову и поглядел на говорившего.

– А сам ты не оборотень камней или деревьев? Может, злой дух? – с опаской спросил Танский монах, взглядываясь в безобразное чумазое лицо незнакомца. – Имей в виду, что я из великого Танского государства. Мои ученики умеют покорять драконов и укрощать тигров. И если только ты заденешь их, прощайся с жизнью!

Монах опустил на колени.

– Отец родной! Ты не бойся! – молил он. – Я вовсе не оборотень и не злой дух, а служу в этом монастыре, слежу за лампадами и курильницами. Мне по душе пришлись твои добрые речи, обращенные к колоколу, вот я и захотел приветствовать тебя. Однако я побоялся, думал, это козни одного оборотня, а потому и решил сначала кинуть в колокол кусок кирпича. Прошу тебя, отец, вставай!

Выслушав монаха, Сюань-цзан совсем успокоился.

– Ну и напугал ты меня! – сказал он чумазому. – Чуть не до смерти! А теперь веди меня к себе!

Монах повел Сюань-цзана за собой, и они вошли за третьи ворота. Тут перед Сюань-цзаном предстала совсем иная картина.

Из серо-голубого кирпича
Крутые стены
 Росписью покрыты.
Изгибы крыши покрывают плиты,
Как ярко-изумрудная парча.
Над храмом Будды —
 Блеск луча, —
Стрела летит, горя,
 И нет числа
Кумирам.
А там внизу
 Ступени алтаря
Сверкают белой яшмой и порфиром.

В восторге благостном
 Душой крылатой
Узришь ты храм Пило³¹
 Здесь в час заката.
Наполнена стоцветным ароматом
Манджутры пышная молельня... Посмотри!
Украшенный орнаментом богатым,
Зеленый зал затмил огонь зари.
Там сотни книг буддийских —
 Древний клад! —
В крутящихся хранилищах лежат!
Трехъярусные круглых пагод крыши
Увенчаны узорным куполком.

³¹ *Пило* – название храма, данное ему в честь бодисатвы Пило.

Большие вазы
Украшают ниши.
Всех пагод башня Уфулоу выше.
Покрыта плотным, вышитым ковром
Ее верхов цветная черепица.
Она зовется Счастья пятерица³².
О пятикратном счастье молиться
Ты должен,
 Повторяя горячо:
Жизнь долгая, богатство и здоровье,
Святая добродетель, и еще —
Смерть в старости
 На мирном изголовье.

А там, где расположены сиденья
Молящихся,
 Там тишина вокруг...
Там молодой качается бамбук,
Колышатся сквозных побегов тени.
Там созерцающих монахов круг,
Молчанье иль святое песнопенье.

И тысяча могучих, темных сосен
У храма Будды охраняют вход.
Всегда в багряном облаке цветет
Луч золотистый
 Благодатных вёсен
В святом дворце Закатных облаков.
Слышны порою тихие молебны,
Молитвенные хоры...
 По утрам
Сюда доносится
И нежный и целебный
С лугов далеких аромат цветов.
С высокой башни здесь по вечерам
Бой барабана слышится дозорный.

Опять монахи соберутся тут
И, сидя рядом,
 Молча и упорно
Ряды заплата на рубище кладут.
Кому из них дарован ум высокий
И кто пойдет в вечерней тишине
Читать при ярко блещущей луне
Полуистлевших книг

³² *Счастья Пятерица*, или Пятикратное счастье. – Имеются в виду пять жизненных благ, которые, по древним понятиям, в совокупности составляли счастье: 1. Долголетие; 2. Богатство; 3. Здоровье; 4. Добродетельность; 5. Спокойная смерть в глубокой старости.

Святые строки?..

Но храмы пусты.
Только на дворе
Чуть слышен говор, звон,
Из кухни шум приятный.
Оттуда светит отблеск фонарей
И ветер долетает ароматный!

Очарованный представившейся его глазам картиной, Сюань-цзан не осмелился идти дальше и обратился к монаху:

– Скажите мне, праведный монах, почему это у вас при входе царит запустение, а здесь, внутри, такое благолепие?

Монах ухмыльнулся.

– Почтенный отец! – ответил он. – На этой горе по соседству с нами поселились дерзкие разбойники. В ясную погоду они бродят по горе, грабят людей, а в ненастье укрываются в нашем монастыре. Это они повалили изваяния хранителей Будды и сломали все, что было сделано из дерева, чтобы разводить костры. Обитатели нашего монастыря все слабые и хилые, вот и боятся слово им сказать. Поэтому мы и решили отдать этим насильникам переднюю часть монастыря под жилье, а сами собрали подаяния от разных благодетелей и выстроили себе другой монастырь, на задворках. Так у нас на Западе принято размежевывать чистых от нечистых...

– Так вот оно что! – произнес Танский монах.

Они пошли дальше и увидели еще одни ворота, а над воротами пять крупных иероглифов: «Храм Созерцания лесов и обуздания морей»³³. Только было они собрались войти в ворота, как из них вышел буддийский монах. Послушайте, как он выглядел:

Из сукна и парчи золотистой
Убор головной,
Слева ловко приколотый,
Шпилькою держится длинной.
Стан его облегает
Широкий халат шерстяной,
Как у древних буддийских браминов,
По моде старинной.

И свисают с ушей
Два сверкающих медных кольца,
И глаза его, светом горя,
Улыбаются кротко,
А в руке верещит болан-гу³⁴,
Барабанчик-трещотка,
И на диком наречье
Он сутры твердит без конца.

³³ Под «морями» следует понимать все мирские страсти, а «леса» понимаются в значении множества дум и мыслей.

³⁴ Болан, или болан-гу – название барабанчика, укрепленного на палке, к которой приделаны два шарика на веревочке; при вращении палки шарики по инерции бьют по барабанчику.

И не ведал наставник,
Что здесь – ламаистские храмы³⁵,
Что он видит монаха-буддиста,
Слугу далай-ламы!

Когда монах-лама вышел из ворот и увидел Танского монаха, с его благообразным лицом, красивыми бровями, ясным взором, высоким лбом и ровной макушкой головы, с длинными ушами, свисающими до плеч, и длинными ниже колен руками, он подумал, что перед ним сам праведный небожитель-архат, сошедший с небес на грешную землю. Он подошел поближе к Сюань-цзану, лицо его выражало радость. Посмеиваясь от удовольствия, он стал ощупывать руки и ноги Танского монаха, потрогал его нос, потянул за уши, – все это он делал для того, чтобы выказать свое по-родственному близкое и сердечное расположение. Затем он взял Танского монаха за руку и привел к настоятелю монастыря. После положенной церемонии приветствий настоятель стал расспрашивать Танского монаха.

– Почтенный наставник! – вежливо начал он. – Откуда изволил прибыть сюда?

– Я твой младший брат в монашестве, следуя из восточных земель по повелению Танского императора на Запад в храм Раскатов грома, чтобы поклониться Будде и попросить у него священные книги. Когда я проходил эти места, стало смеркаться, и я зашел в твой благочестивый монастырь, чтобы попроситься на ночлег. Завтра, ранним утром, я снова отправлюсь в путь. Прошу тебя внять моей просьбе и приютить...

– Не ожидал я от тебя такого! – перебил его настоятель. – Недостойно ведешь себя! Мы ведь не по доброй воле отрешились от мирской жизни, – продолжал он, – родители нас произвели на свет не в добрый час, может быть, они в чем-нибудь провинились перед духом Цветного зонта³⁶, не смогли прокормить нас, пришлось нам покинуть родной кров и принять монашество. Так раз уж ты тоже стал верным учеником Будды, не говори пустых слов и не лги!

– Я говорю сущую правду, – возмутился Танский монах.

– Ты мне не рассказывай! – строго произнес настоятель. – Я знаю, как далек путь от восточных земель до райской обители Будды на Западе! Знаю также, сколько на пути этом встречается гор и пещер, в которых водятся духи-оборотни. Да разве ты, такой шуплый и изнеженный, отважился бы один пойти за священными книгами?!

– Уважаемый настоятель, – смиренно отвечал Танский монах, – ты совершенно прав. Я, бедный монах, один, конечно, не смог бы достичь этих мест. Но у меня есть трое учеников, моих спутников, которые прокладывают путь через горы и реки, охраняют меня от всяких напастей, потому мне и удалось прибыть сюда, в твое благочестивое пристанище.

– Где же они, твои высокочтимые ученики? – нетерпеливо спросил настоятель.

– Они ждут за воротами, – ответил Сюань-цзан.

При этих словах настоятель монастыря всполошился:

– Наставник! Ты ведь не знаешь, что у нас здесь водятся тигры и волки и живут лютые разбойники, которые нападают на людей. Мы даже днем боимся выходить отсюда, и ворота запираем еще засветло. Как можно было оставить добрых людей за воротами да в такую пору?

После этого Сюань-цзан стал подзывать к себе прислужников:

– Братья! Ступайте скорей за ворота и попросите учеников моих войти! – приказал он.

³⁵ *Ламаистские храмы.* – Ламаизм – религия, господствующая в Тибете и во Внутренней Монголии. Представляет собой видоизменение буддизма. Верховный лама пребывает в своем монастыре, расположенном в Лхассе. Он носит китаизированное название: «Далай- лама», в его лице якобы воплощается сам Будда. Духовная иерархия ламаизма весьма сложна и построена на строгой субординации. Все ламаистское духовенство обязано соблюдать целибат (безбрачие).

³⁶ *Цветной Зонт.* – Иносказательно служит для обозначения созвездия, которое мы называем Большой Медведицей. По китайским народным представлениям, в нем обитает Владыка неба, он же распорядитель судеб всех людей.

Двое послушников выбежали за ворота, увидели Сунь У-куна и чуть было не упали со страха. При виде Чжу Ба-цзе они еще больше перепугались, упали на землю, отползли от него на четвереньках, поднялись и вихрем помчались обратно.

– Отец! – обратились они к Танскому монаху. – Беда! Твоих спутников не стало! У ворот стоят злые духи-оборотни!

– А как они выглядят? – спросил Танский монах.

Прислужники стали впопыхах рассказывать:

– У одного морда совсем как у бога Грома, а у другого настоящее свиное рыло. А еще один с темным лицом и огромными клыками. Рядом с ними еще какая-то девица с напыженными волосами, напудренная!

Танский монах весело рассмеялся.

– Вы просто их не распознали, – сказал он. – Эти трое как раз и являются моими учениками. А девицу я спас от гибели в сосновом бору и привел сюда.

– Отец! – заинтересовались послушники. – Как же так получилось, что у тебя, такого благообразного на вид, оказались столь безобразные ученики?

– Что ж поделаешь! – вздохнул Танский монах. – Хоть они и некрасивы, зато очень пригодились мне. Ступайте скорей, зовите их. Не то один из них, похожий на бога Грома, чего доброго, ворвется сюда, а он забияка и большой буян, так как произошел он не от человека.

Прислужники снова выбежали за ворота и, дрожа от страха, опустились на колени.

– Уважаемые господа! – заговорили они, низко кланяясь. – Батюшка Танский монах приглашает вас к себе.

Чжу Ба-цзе засмеялся.

– Раз нас просят, значит, все в порядке. Но чего это они так трясутся? – спросил он, обращаясь к Сунь У-куну.

– Увидели нас, вот и испугались, – ответил Великий Мудрец.

– Тьфу ты! – сплюнул Чжу Ба-цзе с досадой. – Мы же не виноваты, что уродились такими!

– Ты пока лучше прикрой свое уродство, – посоветовал ему Сунь У-кун.

Дурень послушался его, ткнул рыло за пазуху, наклонил голову и так пошел, ведя коня за собой. Ша-сэн взвалил ношу на плечи и последовал за ним. Позади всех шел Сунь У-кун, внимательно следя за девицей, которая шла впереди. Миновав развалины и пустые кельи, они вошли в третьи ворота. Там они привязали коня, сложили поклажу и направились к настоятелю. Встретившись с монахом-ламой как подобает, расселись по старшинству. Затем настоятель пошел во внутреннее помещение и вскоре вышел оттуда, ведя за собой нескольких послушников. Когда закончилась церемония знакомства, послушники прибрали помещение и стали готовить трапезу.

Вот уж поистине:

Чтоб накопить заслуги,
Думать будут
Монахи о любви и доброте.
Когда кругом
В чести ученье Будды,
То и монахи,
В мудрой простоте,
Друг друга похвалить не позабудут!

Если вы хотите знать, читатель, как покинули этот монастырь наши путники, прочтите следующие главы.

Глава восемьдесят первая, из которой читатель узнает о том, как смышленая обезьяна распознала оборотня и как в бору Черных сосен ученики искали своего наставника

Наш рассказ мы прервали на том, как Танский монах и его ученики познакомились с обитателями монастыря Созерцания лесов и обуздания морей, где их приветливо встретили и сытно накормили. Подкрепившись, путники отдали остатки пищи спасенной девице, которая тоже немного поела. Вскоре стемнело, и в доме настоятеля зажгли фонари. Сюда целой толпой пришли монахи. Им очень хотелось узнать историю Танского монаха, почему он отправился за священными книгами, и, кроме того, любопытно было поглазеть на деву.

Сюань-цзан обратился к настоятелю с вопросом:

– Не скажешь ли нам, благочестивый владыка монастыря, какова дорога на Запад? Мы завтра же, ранним утром, покинем вашу драгоценную обитель.

Лама вдруг опустился на колени, Танский монах сконфузился и начал поспешно поднимать его.

– Что ты, владыка! – торопливо заговорил он. – Вставай скорей, прошу тебя! Ведь я просто спросил тебя о дороге! Зачем же выказывать мне такое уважение?

– Почтенный наставник! Дорога на Запад прямая и ровная, – отвечал лама, – завтра утром можешь отправляться в путь, ни о чем не заботясь. Тревожит меня лишь одно обстоятельство, о котором я хотел сказать тебе, как только вошли твои спутники, но побоялся оскорбить твое достоинство. Сейчас, подкрепившись, я все же решил набраться смелости и скажу тебе всю правду. Ты, наставник, прибыл сюда из восточных земель, совершил путь далекий и трудный, и я буду очень рад, если ты со своими учениками расположишься на отдых в моей келье, но вот с девушкой не знаю, что делать. Куда бы ее устроить на ночлег?

– Владыка! Ты только не подумай, что у нас насчет этой девы есть какие-либо дурные намерения, – ответил Танский монах. – Мы увидели ее утром, когда проходили через бор Черных сосен, она была привязана к дереву. Мой ученик Сунь У-кун ни за что не хотел спасти ее, а во мне пробудилось чувство сострадания, и я спас ее. Ты сам распорядись, куда ее уложить спать.

– Поскольку ты, наставник, так великодушен, – с чувством произнес настоятель, – я устрою ее в храме Владыки неба, за его изваянием. Велю постлать ей сенца и приготовить постель, пусть себе спит.

– Вот и хорошо! – обрадовался Танский монах.

Послушники тут же повели деву в храм и устроили ей постель за престолом божества.

После этого Танский монах попросил настоятеля и всех монахов не заботиться больше о нем и его учениках, и все разошлись на покой.

– Сунь У-кун! Ложись-ка пораньше, пораньше встанешь! – ласково сказал Танский монах. – Измучился небось.

Путники очень скоро заснули, а Сунь У-кун даже во сне охранял своего наставника, не отлучаясь от него ни на минуту. Наступила глухая ночь.

Стихли звуки.

Не видно прохожих.

Безмолвье царит.

На востоке всплывает луна,

И кругла и ярка.
Тихо звезды мерцают.
Небесная блещет река.
В барабан бьют на башне.
И стража на смену спешит.

О том, как прошла ночь, мы рассказывать не будем. Утром Сунь У-кун поднялся первым, велел Чжу Ба-цзе и Ша-сэну собрать поклажу и приготовить коня, а сам стал будить наставника.

– Наставник! Учитель! – звал Сунь У-кун.

Танский монах приподнял голову, но ничего не ответил.

– Что с тобой? – забеспокоился Сунь У-кун.

– Голова кружится, и в глазах темно, – простонал Танский монах. – Все тело болит, даже кости ломит.

Чжу Ба-цзе ошупал тело Сюань-цзана, тот весь горел.

– Я знаю, в чем дело! – засмеялся Чжу Ба-цзе. – Видно, вчера учитель обрадовался бесплатной еде и съел лишнего, а спал, запрокинув голову, вот его и схватило.

– Глупости! – прикрикнул на Дурня Сунь У-кун. – Вот я сейчас расспрошу самого наставника, тогда узнаем, что с ним.

– В полночь я вставал по малой нужде, – объяснил слабым голосом Танский монах, – вышел с непокрытой головой, меня и продуло.

– Вот это вполне возможно, – подтвердил Сунь У-кун. – Ну а сейчас сможешь ты отправиться в дорогу?

– Да что ты! – произнес Танский монах. – Я даже подняться не в силах, как же я заберусь на коня? Опять из-за меня задержка!

– Наставник! Зачем ты так говоришь? – стал утешать его Сунь У-кун. – Кого же ты задерживаешь? Знаешь пословицу: «Кто хоть один день был твоим учителем, чти его как отца родного до конца своей жизни!» Мы, твои ученики, все равно, что твои сыновья. Ведь не зря говорят: «Сыну не надобно золото, ни серебро, а нужна ему любовь родительская!» Раз ты захворал, о какой же задержке может идти речь? Почему бы нам не побыть здесь несколько дней, пока ты поправишься!

И вот все трое учеников принялись выхаживать своего больного учителя. Незаметно прошло утро, настал полдень, опять наступили сумерки, пролетела ночь, и снова забрезжил рассвет.

Время шло незаметно, прошло два дня, а на третий Танский монах поднялся и подозвал к себе Сунь У-куна.

– Эти дни мне было так плохо, что я не мог даже справиться о спасенной нами доброй женщине. Носили ли ей пищу? – спросил он.

Сунь У-кун засмеялся:

– Что ты все о ней беспокоишься? Позаботился бы лучше о своем здоровье.

– Да-да, ты прав! – ответил Танский монах. – Поддержи меня, я хочу встать. Достань бумагу, кисть и тушь да одолжи тушечницу.

– Для чего тебе? – удивился Сунь У-кун.

– Мне надо написать письмо, – отвечал наставник, – я вложу в конверт также мое проходное свидетельство, а тебя попрошу доставить этот пакет в столицу Чанъань и отдать самому государю Тай-цзуну.

– Для меня это сущие пустяки! – уверенно сказал Сунь У-кун. – На что-либо другое я, может быть, и неспособен, но что касается доставки писем, так на это я всегда готов. Ты только запечатай письмо как следует. Я совершу всего один прыжок и попаду прямо в Чанъань, там

вручу письмо Танскому императору, затем снова совершу прыжок и предстану пред тобой. У тебя за это время даже тушь не успеет высохнуть в тушечнице. Но, стой! О чем же ты собираешься писать? Ну-ка, расскажи мне! Успеешь написать.

Тут из глаз Танского монаха потекли слезы.

– Вот что я напишу, – молвил он:

Покорный твой слуга, монах несчастный,
В слезах я трижды бью тебе челом,
Желаю счастья тебе, здоровья
На много, много лет.

И пусть прочтут
Перед тобой, о мудрый государь,
Придворные чины и воеводы
Мое послание.

Пусть все узнают,
О чем тебе поведать я хочу.

С надеждой я пошел к горе Линшань
В тот самый день, когда ты повелел
Мне родину покинуть, чтоб узреть
Лицо святого Будды...

Но, увы!

Не ожидал я, сколько тяжких бед
И сколько трудностей в пути я встречу!
Не помышлял о том, что злой недуг
На полпути меня задержит.

Горе!

Как тяжело болен я, и силы нет
Идти вперед! А до дверей блаженных
Жилища Будды, до святых ворот
Его ученья – слишком далеко.
Святые книги, знаю, ждут меня,
Но не судьба мне их достать. Напрасно
Потратил я в дороге столько сил...
Об этом доложить тебе я должен.
И я прошу освободить меня
От порученья твоего. Я болен,
И стар, и слаб. За книгами идти
В тяжелый путь на Запад повели,
Взамен меня, кому-нибудь другому!

Выслушав Танского монаха, Сунь У-кун разразился громким смехом.

– Ха-ха-ха! – заливался он. – Что же это ты, наставник, совсем раскис? Чуть прихворнул, и вон что надумал! Если когда-нибудь ты действительно тяжело заболеешь и будешь при смерти, обратись ко мне: я знаю, чем помочь. Мигом слетаю в Преисподнюю и спрошу: «Кто из вас, правителей Подземного царства, замыслил недоброе? Кто из здешних судей осмелился писать повестку? Где здесь ваш бес-посыльный, которому поручено схватить моего наставника?» А если они меня рассердят, я покажу им, кто я такой, еще почище, чем в прошлый раз, когда учинил буйство в небесных чертогах. Со своим волшебным посохом я ворвусь в самое

пекло, поймаю правителей Преисподней – Янь-ванов всех десяти отделений, – и у каждого из них вытяну все жилы. Никому не дам пощады!

– Братец! Не шути! – сказал Танский монах. – Я ведь в самом деле тяжело болен.

Чжу Ба-цзе вступился за учителя.

– Брат! – сказал он. – Зачем ты перечишь наставнику. Он говорит, что ему плохо, а ты свое твердишь! Вот заноза! Давай лучше решим, что нам делать: продадим коня, заложим вещи ростовщику, купим гроб, похороним наставника, а сами разойдемся всяк в свою сторону.

– Ну и Дурень! Опять вздор мелет! – перебил его Сунь У-кун. – Ты, видно, не знаешь, что наш наставник – второй по старшинству ученик самого Будды Татагаты. Первоначально нашего наставника называли «Золотым кузничком»³⁷, но как-то раз он совершил проступок, за что теперь ему и положено перенести испытание.

– Как же так? – удивился Чжу Ба-цзе. – Ты говоришь, что наш наставник когда-то провинился перед Буддой. Но ведь за это он уже был наказан: его разжаловали и послали в восточные земли, там он прошел через все искусства и разные перипетии, принял человеческий облик и дал обет пойти на Запад поклониться Будде и взять у него священные книги. По дороге его хватили разные дьяволы-оборотни, связывали по рукам и ногам, подвешивали к потолку, подвергали разным мучениям и страданиям... Казалось бы, одного этого вполне достаточно для искупления вины, зачем же еще подвергать его болезни?

– Да где тебе знать это! – насмешливо произнес Сунь У-кун. – Вот как было дело. Слушай! Наш наставник как-то раз, слушая поучения Будды, задремал. А когда Будда стал задавать вопросы, то из-под левого башмака нашего наставника выкатилось зернышко, упало и полетело вниз, на грешную землю. Вот за это и положено нашему наставнику проболеть три дня.

– В таком случае, сколько же лет придется мне болеть за то, что я разбрасываю еду, когда ем? – робко спросил он.

– Братец! – ответил Сунь У-кун. – О таких, как ты, Будда даже и не думает. Ты, наверное, не слышал стихи:

Люди полют рис,
А солнце их палит.
Падают на стебли
Капли пота,
Каждое зерно,
Посеял кто-то,
Ест богач,
А труженик забыт...

Наставнику осталось хворать еще один сегодняшний день, завтра он будет совсем здоров.

– Да мне и сегодня лучше, – произнес Танский монах. – Все время хочется пить. Ты бы сходил за холодной водицей.

– Вот и хорошо! – обрадовался Сунь У-кун. – Раз хочется пить, значит, дело идет на поправку. Погоди, сейчас я схожу за водой!

Он поспешно достал патру и отправился, на задний двор, где находилась монастырская кухня. Там он заметил, что у всех монахов красные, заплаканные глаза. Все они всхлипывали и, видимо, едва сдерживали рыдания.

³⁷ «Золотой кузничек» – буддийская эмблема высокой нравственности. Буддисты считают, что кузнички питаются лишь росой и воздухом, не губят хлебных злаков, не проводят время в хлопотах об уютном гнезде, не помышляют о собственном благе.

– Эге! Да вы, оказывается, скупые и мелочные! – обратился к ним Сунь У-кун. – Мы пробыли у вас всего несколько дней и собираемся перед уходом отблагодарить вас за гостеприимство и возместить расходы на топливо. Чего же это вы так разнюнились?

Монахи в сильном смущении спустились на колени.

– Мы не смеем, не смеем! – заговорили они.

– Что значит «не смеем»? – спросил Сунь У-кун. – Может быть, вы хотите сказать, что вас объедает тот из нас, у кого длинное рыло и большое брюхо?

– Почтенный отец! Не в том дело! – начали объяснять монахи. – Нас в этом монастыре сто десять душ. Если каждый возьмется прокормить вас хоть один день, то все вместе мы сможем кормить вас сто с лишним дней. Разве посмели бы мы обижаться на вас и считать какие-то харчи?

– А если не в этом дело, то отчего же тогда вы плачете? – спросил Сунь У-кун.

– Отец наш! – ответили монахи. – К нам в монастырь забрался какой-то злой дух-оборотень. По вечерам мы посылаем двоих послушников отбивать часы в колокол и бить в барабан. Каждый раз мы слышим, как они звонят и барабанят, но назад не возвращаются. А когда на другой день идем искать их, то находим возле огорода, на заднем дворе, монашеские шапки, соломенные туфли и обглоданные кости. Кто-то их пожирает. Вы живете у нас три дня, и за это время мы лишились шестерых послушников. Мы не из пугливых и зря никогда не сокрушаемся. А не осмеливались сказать об этом лишь потому, что ваш наставник хворает, однако слез своих не сумели скрыть от тебя.

Сунь У-кун слушал их, испытывая тревогу и радость одновременно.

– Теперь все ясно, – сказал он решительно. – В монастыре завелся злой дух-оборотень, который губит людей. Хотите, уничтожу его?

– Отец! Послушай нас! – взмолились монахи. – Ты же знаешь, что все злые духи-оборотни обладают волшебной силой. Так и этот. Он безусловно умеет летать на облаках и туманах, наверняка знает все ходы и выходы в подземном царстве! Древние люди недаром сложили замечательную поговорку: «Не верь чересчур большой честности, остерегайся также бесчеловечности!» Не сердись, отец наш, и позволь нам сказать тебе все, что мы думаем. Если тебе удастся поймать злого оборотня и уничтожить его с корнем, воистину это будет счастьем трех жизней наших;³⁸ ну а если тебе не удастся, тогда ты навлечешь на нас множество бед.

– Что это значит: «множество бед»? – спросил Сунь У-кун, задетый за живое.

– Скажем тебе прямо, ничего не скрывая, – ответили монахи. – Нас собралось здесь в этом глухом монастыре сто десять душ. Все мы с малых лет покинули мир сует. Вот послушай, как мы живем:

Лишь волосы большие отрастут,
Мы тут же их сбиваем острой бритвой.
Заплаты нашиваем там и тут
На рубище с усердной молитвой.
Чуть утро, окружаем водоем
И умываемся струей студеной,
И, пальцы с пальцами сложив, поклоны
Смиранные пред Буддою кладем.
Мы в нем священную опору ищем.
Приходит ночь – и тихий фимиам
Мы возжигаем пред его жилищем.

³⁸ *Это будет счастьем трех жизней наших...* – По буддийским представлениям, жизнь человека состоит из трех переждений: в прошлом, в настоящем и в будущем.

Да-Дао³⁹ – «Путь великий» – близок нам.
Зубами щелкаем, чтоб вознести
Сердца и помыслы к святому Будде,
«Амитофо» мы на ночь не забудем
С благоговением произнести.
И, голову подняв, мы видим Будд,
Святых отцов, подвижников блаженных,
Сияющих на лотосах священных,
Которые на небесах цветут,
Мы много праведников различаем
Всех девяти высоких ступеней⁴⁰,
Душою разгораясь все сильнее.
Три звездных колесницы⁴¹ мы встречаем:
На них и бодисатвы и архаты,
И посреди миров рождаясь вновь,
Там Будды милосердного любовь
Плывет – спасения челнок крылатый!
Хотим тогда войти в Покоя сад⁴²
И Сакья-муни там узреть воочью.
Потом к земле мы опускаем взгляд
И проникаем к сердца средоточью.
Стараемся вселенную спасти,
Пять заповедей строго соблюдая,
Чтоб, наши заблужденья постигая,
От сущности всю брэнность отместить...
Когда приходят данапати⁴³ к нам,
Мы рады приношеньям и дарам.
Тогда —
Мы, старые
И малые,
И мальчики,
И взрослые,
Жирные,
Поджарые,

³⁹ *Да-дао.* – Даосисты считают, что добиться высшей степени самоусовершенствования возможно путем «Да-дао», то есть познания «Великого пути». По их представлениям, для того чтобы познать «Великий путь», нужно пройти ряд этапов созерцания, позволяющего добиться «высшей цели», то есть торжества духа над телом и плотью и вступления в определенный ранг праведника, обладающего той или иной чудодейственной силой.

⁴⁰ *Мы много праведников различаем // Всех девяти высоких ступеней...* – Даосские святые, в подражание буддийским, часто изображаются на сиденьях из лотоса в порядке, соответствующем рангу того или иного святого, причем низшим рангом является девятый.

⁴¹ *Три звездных колесницы.* – Имеются в виду так называемые «Колесницы бодисатв», на которых эти божества «нисходят с небес» к страждущим; колесницы праведников «Пратек Будды», достигших святости без наставлений Будды; колесницы десяти первых учеников Будды, Шравасты, среди которых почетное место по бокам Будды отводится Кашьяпе и Ананде.

⁴² *Хотим тогда войти в Покоя сад...* – «Садом покоя» (Ци-юань) буддисты называли излюбленное обиталище Будды. Об этом саде существует легенда: когда-то в давние времена некий богатый благотворитель вздумал создать большой монастырский приют для сирот и обездоленных. Он выбрал место для приюта в красивом саду в княжестве Шравасты (Центральная Индия), принадлежащем наследнику князя. Наследник в шутку запросил столько золотых монет, сколько необходимо для того, чтобы усыпать все дорожки в саду. Благотворитель принял шутку всерьез и действительно усыпал все дорожки золотом.

⁴³ *Данапати* – милостынедатели и щедрые благотворители, поддерживающие существование монастырей и храмов.

Низкие
И рослые —
Мы все, отрекшиеся от сует,
В медь гонга бьем,
В бок деревянной рыбы,
Чтоб все пришедшие внимать могли бы
Словам из глав «Ученья Будды цвет»⁴⁴
И к чтению глав мы добавляем кстати
Письмо, которое, с тоской в груди,
Прислал под старость лянский царь У-ди⁴⁵.
А если не приходят данапати,
Тогда —
Мы, прежние
И новые,
Веселые,
Суровые,
Крестьяне
Прямо с пашни
И богачи
Вчерашние,
Мы закрываем при луне врата,
Проверим все засовы и запоры,
Нас птиц ночных не потревожат споры,
Их крики, их возня и суета.
Садимся мы на коврики свои
И, погружаясь в самоотрешенье,
Душой уходим в древнее ученье
Терпения, страданья и любви.

Вот почему не можем укрощать
Мы оборотней хищных и драконов,
Не изучаем демонских законов,
Как духов злых заклятием встречать.
Врага раздражишь ты, и алчный демон
Сто десять душ сожрет в один присест,
И жизни колесо от этих мест
Назад покатится.
И будет, дьявол, тем он
Обрадован, что рухнет монастырь,
Что от него останется пустырь...
И вечной славы нас лишишь тогда ты
В грядущем царстве Будды Тагагаты.

Все горести, которые нас ждут,
Когда рассержен будет враг проклятый,

⁴⁴ «Ученья Будды цвет». – Имеются в виду буддийские проповеди, посвященные учению правил созерцания.

⁴⁵ Письмо, которое, с тоской в груди, // Прислал под старость лянский царь У-ди. – Имеется в виду покаянное послание царя династии Лян, который (VI в.) только перед смертью принял учение Будды.

Почтительно мы изложили тут.

Слушая речи монахов, Сунь У-кун все больше распалялся от гнева, поднимавшегося в сердце и доходившего до печени. Неукротимая злоба бушевала в нем.

– Ну и дураки же вы! – громко крикнул он. – Вы знаете лишь одно: каков злой дух-оборотень, а на что способен я, старый Сунь У-кун, вы и представления не имеете!

Монахи сконфуженно признались:

– По правде говоря, действительно не знаем.

– Тогда послушайте, сейчас я вам расскажу о себе, – с гордостью произнес Сунь У-кун.

Как-то раз я поднялся
На гору Плодов и цветов,
И мятежные мне подчинились
Драконы и тигры,
И в небесных чертогах
Затеял я буйные игры,
Напугав и священных архатов
И древних отцов.

Но лишь только мучительный голод
Проснулся в груди,
В тайнике Лао-цзюня
Две-три я похитил пилюли,
А замучила жажда,
Я выпил, лишь стражи заснули,
Чарок семь со стола
Императора неба Юй-ди.

Тут бессмертным сияньем
Глаза у меня засверкали,
И не черным, не белым огнем,
А огнем золотым.
Небеса омрачились тогда
Облаками печали,
И луна потускнела,
Закутавшись в траурный дым.

В золотых украшениях, —
Не посох я выбрал, а чудо! —
Мне как раз по руке,
Не страшна с ним любая беда!
Я похитил его,
Ускользнув невидимкой оттуда,
Той же самой дорогой,
Какою проник я туда.

Так меня ль испугать
Кровожадностью демона злого?
Что мне оборотни!

Что мне происки дьявольских сил!
Что мне черти большие и малые!
Беса любого,
Ухватив, разорву пополам,
Сколько б он ни просил!

Задрожит и по норам попрячется
Свора их злая,
Не спасут их
Ни ноги, ни крылья, когда налечу.
Изрублю я коварных,
Сожгу непокорных дотла я,
Как зерно, истолку,
И, как легкую пыль, размельчу.

Восьмерых я бессмертных
Могуществом превосхожу⁴⁶,
Тех, что ездили за море.
Бросьте сомненья и страхи!
Я поймаю вам оборотня
И его покажу,
Чтоб вы знали меня,
Мудреца Сунь У-куна, монахи!

Монахи, насупившись, слушали Великого Мудреца, а сами думали, покачивая головами: «Ну и расхвастался этот лысый прохвост! Видно, неспроста!» Однако они не стали ему перечить и даже высказали свое одобрение к тому, что он сказал. Один только старый лама не удержался.

– Постой! – сказал он. – Как же ты собираешься ловить оборотня, когда твой наставник хворает? Как бы с ним чего не случилось, пока ты будешь биться с чародеем. Как говорится в пословице: «И не заметишь, как получишь рану». Смотри, затеешь с оборотнем драку, впускаешь в нее учителя – нехорошо получится.

– Да, ты прав! Совершенно прав! – ответил Сунь У-кун, спохватившись. – Я пока снесу холодной водицы испить моему учителю, а там видно будет.

С этими словами Сунь У-кун зачерпнул холодной воды, вышел из кухни и направился в келью настоятеля.

– Наставник! – окликнул он Танского монаха. – Выпей холодной водички!

Танский монах, мучимый жаждой, приподнялся, принял патру обеими руками и осушил ее до дна. Вот уж верно сказано: «Когда хочешь пить, капля воды кажется слаще нектара, когда снадобье верное, хворь как рукой снимет».

– Не хочешь ли поесть чего-нибудь, наставник? – спросил Сунь У-кун, видя, что Танский монах приободрился и глаза его оживились. – Может быть, рисового отвара принести?

⁴⁶ *Восьмерых я бессмертных могуществом превосхожу...* – По даосским представлениям, восемь бессмертных вышли из знаменитых людей, живших в IX— X веках (эпоха Сун). Их имена и изображения весьма популярны в китайском народе, а именно: Хань Чжун-ли (с веером) – покровитель врачей; Люй Дун-бинь (с мечом) – покровитель военных; Цжан Го-лао (с кистью) – покровитель литераторов; Цао Го-цзю (с кастаньетами) – покровитель актеров; Хэ Сянь-гу (с вышивками) – покровительница домашнего уюта; Те-Гуай-ли (с горлянкой) – покровитель магов; Лань Цай-хэ (с флейтой) – покровитель музыкантов; Хань Сян-цзы (с корзинкой) – покровитель цветоводов. Славится художественная композиция, в которой изображены все восемь бессмертных, переправляющихся через море.

– Что ж! Я с охотой поел бы немного, – согласился Танский монах. – Эта вода оказалась для меня живительной влагой, вроде пилюли бессмертия! – пошутил он. – Я почти совсем здоров.

– Наш учитель выздоровел, – громким голосом воскликнул Сунь У-кун, – просит рисового отвара.

Монахи засуетились, приготовляя еду. Одни промывали рис, другие раскатывали тесто, жарили блины, варили на пару пампушки, и вскоре наготовили еды на четыре или пять столов. Однако Танский монах съел лишь полплошки рисового отвара. Сунь У-кун и Ша-сэн отведали по одной порции каждого блюда, а со всем остальным справился один Чжу Ба-цзе, который набил себе полное брюхо. После трапезы убрали посуду, зажгли фонари, и все монахи разошлись, оставив наших путников одних в келье.

– Который день мы здесь находимся? – спросил Танский монах.

– Ровно три дня! – ответил Сунь У-кун. – Завтра к вечеру будет четыре.

– За три дня сколько бы мы успели пройти, – вздохнул Танский монах.

– Зачем считать? – остановил его Сунь У-кун. – Завтра же тронемся в путь!

– Вот это правильно, – обрадовался Танский монах. – Хотя я и не совсем выздоровел, а двигаться надо.

– В таком случае, – сказал Сунь У-кун, – позволь мне сегодня ночью изловить злого оборотня.

Танский монах сильно встревожился.

– Какого же еще оборотня ты вздумал изловить? – с неподдельным ужасом спросил он.

– В этом монастыре завелся хищный оборотень, – спокойно ответил Сунь У-кун, – вот я и решил избавиться от него здешних монахов.

– Брат мой! – укоризненно произнес Танский монах. – Как можешь ты помышлять о поимке оборотня, если я не совсем еще оправился от болезни? А вдруг у этого оборотня чары окажутся сильнее твоих, и ты его не одолеешь, тогда мне останется лишь погибнуть, не так ли?

– Плохо ты обо мне думаешь! – рассердился Сунь У-кун. – До сих пор я на всем пути всегда одерживал верх над злыми духами-оборотнями. Видел ли ты хоть раз, чтобы я потерпел поражение? Стоит мне лишь приложить руки, как я сразу же выхожу победителем!

Но Танский монах продолжал отговаривать его.

– Брат мой! – умолял он. – Вспомни мудрое изречение: «Коль случай есть, ты бедным помощь окажи, а где пощады просят – пощади! Все лучше сердцем управлять, чем волю дать ему! Чем в спор пускаться злобный, достойнее сдержаться!»

Великий Мудрец, видя, что Танский монах всячески отговаривает его от намерения покорить злого оборотня, рассказал ему всю правду.

– Наставник! Вот что я скажу тебе. Оборотень поселился в монастыре и пожирает людей!

– Кого же он сожрал? – упавшим голосом спросил Танский монах, испугавшись не на шутку.

– Мы находимся здесь всего три дня, а за это время он сожрал уже шестерых послушников.

– Какой ужас! – содрогнулся Танский монах. – Недаром говорят: «Когда заяц помирает, даже лисица горюет!» А уж если животные горюют друг о друге, то людям само небо велело сокрушаться о погибших! Этот оборотень пожирает монахов. А я ведь тоже монах. Ладно, отпускаю тебя, только смотри будь осторожен!

– Об этом говорить не стоит! – обрадовался Сунь У-кун. – Мне бы только добраться до этого оборотня, – я с ним разделаюсь!

И, несмотря на поздний час, Сунь У-кун велел Чжу Ба-цзе и Ша-сэну зорко охранять Танского монаха, а сам, хихикая от радости, выскочил из кельи настоятеля и направился прямо к храму Будды. В небе сверкали звезды, но луна еще не взошла. В храме было совсем темно.

Сунь У-кун раздул священный огонь⁴⁷, зажег хрустальные лампы и начал бить то в барабан, то в колокол. После этого он встряхнулся и превратился в подростка- послушника лет двенадцати. На нем была узкая рубашка из желтого шелка, а поверх – длинное монашеское одеяние из белого холста. В руках он держал «деревянную колотушку-рыбу», стучал в нее, а сам читал нараспев какую-то сутру. Прошло время первой стражи, но никто не появлялся, и кругом все было тихо. Наступила вторая стража, взошла луна в ущербе, и вдруг в храме послышалось завывание ветра.

Ну и ветер это был! Вот послушайте:

Темнота покрыла небо,
Словно черной, плотной тушью.
Ничего кругом не видно
 В облаках волнистой мглы.
Грозно дунул вихрь летучий,
Закрутил он пыль сначала,
А потом валить на землю
 Стал могучие стволы.

Тьма зловещая сгустилась,
Замигав, померкли звезды,
И луна багрово светит
 Сквозь дремучий бурелом,
И Чан-э, луны богиня,
Солошу⁴⁸ в объятьях держит,
Чтоб, упав, не поломало
 Землю огненным стволом.

И нефритовый зайчонок⁴⁹
На луне в тревоге скачет,
Плачет, что найти не может
 Таз волшебный для лекарств,
А испуганные духи
Девяти светил небесных
Спешно закрывают двери
 Девяти небесных царств.

И правители-драконы
Четырех морей великих,
Содрогнувшись, все ворота
 Поспешили запереть.
Духи храмов растеряли
Всех служителей усердных.
В небесах, на тучах старцы
 Не решаются лететь.

⁴⁷ *Священный огонь* – трубочка, скрученная из особой бумаги, которая часами тлеет и издает ароматный запах. Также светильник перед изображением Будды.

⁴⁸ *Солошу* (или Хэуньшу) – название священного дерева, под которым почил Будда.

⁴⁹ *Нефритовый зайчонок*. – Согласно древним китайским легендам, на луне, которая управляется богом Юэ-лао и богиней Чан-э, живет также нефритовый заяц, на обязанности которого лежит приготовление всевозможных снадобий.

И в чертогах Преисподней
Царь Янь-ван напрасно кличет
Устрашителя-владыку
С лошадиной головой.
Судьи адские в тревоге
Разбежались, каждый ловит
Вихрем сорванную шапку,
С перепугу сам не свой.

До того разбушевался
Ураган, что камни стонут,
На верхах Куньлуня скалы
Своротил с железных жил,
В реках воду взбаламутил,
Влагу выплеснул в озерах
И, стеною вздыбив волны,
Дно морское обнажил.

Не успел пронестись ураган, как вдруг весь храм наполнился ароматом орхидей и мускуса и послышался нежный звон яшмовых подвесок. Сунь У-кун насторожился, поднял голову и стал всматриваться. Ба! Да это была настоящая красавица, которая шествовала прямо к алтарю Будды. Сунь У-кун стал нараспев читать сутру, притворяясь, что не замечает деву. Красавица подошла к нему, нежно обняла и спросила:

– Что за сутру ты читаешь, блаженный отрок?

– Ту, что должен прочесть по обету, – ответил Сунь У-кун, ничуть не смущаясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.